

Рудольф Бармин

ПРОЛЕГОМЕНИ РОССИЙСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Рудольф Бармин

**Пролегомены российской
катастрофы. Трилогия. Ч. I–II**

«У Никитских ворот»

2016

УДК 82-3
ББК 63.3(2)6-3

Бармин Р. Г.

Пролегомены российской катастрофы. Трилогия. Ч. I–II /
Р. Г. Бармин — «У Никитских ворот», 2016

ISBN 978-5-00095-268-9

В течение более чем семидесяти лет вожди СССР утверждали, что господствующий в стране строй был воплощением всепобеждающих идей марксизма-ленинизма. Публично сомневающимся в этом ждал расстрел, лагерь или психушка. Крушение коммунистического Левиафана дало возможность донести до общества истинные истоки октябрьского переворота 1917 года, а также изложить оригинальные взгляды на переломные пункты российской истории XX века. Об этом – предлагаемый опус.

УДК 82-3
ББК 63.3(2)6-3

ISBN 978-5-00095-268-9

© Бармин Р. Г., 2016
© У Никитских ворот, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I. Пролегомены октября 1917 г.	7
Эпоха Николая I	7
Эпоха Александра II	9
Эпоха Александра III	14
Эпоха Николая II	23
К вопросу о святости Николая II	57
Социалистическая чума	60
Теория официальной народности	62
Славянофилы	63
А. И. Герцен	65
В. Г. Белинский	68
В. А. Милютин	71
Н. Г. Чернышевский	72
М. В. Буташевич-Петрашевский	74
Влияние западных социалистов-заговорщиков	75
Философские истоки русского социализма	76
Социалисты-разночинцы	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Рудольф Бармин
Пролегомены российской
катастрофы. Трилогия. Ч. I–II

© Бармин Р.Г., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

* * *

Любимым жене и детям посвящается

Вместо предисловия

Предлагаемая автором тема посвящена попытке ответить на вопросы: почему неорганичное, чужеродное для российской истории политическое течение почти сто лет назад одержало верх над всеми своими оппонентами? Каковы его истоки? Почему оно смогло в течение длительного времени быть господствующим в общественной жизни самодержавной России, сам дух которой, казалось бы, был смертелен для такой политической проказы, как социализм?! Почему вплоть до сегодняшнего дня это течение именуется освободительным, хотя с его торжеством на одной шестой части суши преваляровали процессы противоположного характера?

В условиях большевистско-коммунистической диктатуры ответы на эти вопросы носили односторонний, субъективный характер, ибо гуманитарные науки были служанками господствующей идеологии, а любители истины подпадали под недремлющее око «искусствоведов в штатском». Чему в немалой степени способствовал и сам «гуманитарный» официоз.

Сегодня условия для поиска объективной истины стали более адекватны, что дает возможность наше предшествовавшее двухсотлетие препарировать аппаратом науки, а не идеологии. Забвение этого принципа было не последней причиной падения, казалось бы, вечно живого советского Мафусаила. Поэтому, чтобы не повторить ошибок большевистско-коммунистического агитпропа, необходима подлинная картина России вчерашней, что позволит нам строить ее более благоприятное настоящее и будущее.

Автор и пытался внести свою лепту в написание такой картины. Преуспел ли он в этом – судить читателю.

Часть I. Пролегомены октября 1917 г.

Эпоха Николая I

Николай I оставил после себя тяжелое наследство – еще продолжалась Крымская война, истощающая людские ресурсы и сеющая всеобщее недовольство, подрывающая международный авторитет России. Всю первую половину XIX века (и вообще до Февральской революции 1917 года) романовская династия проводила международную политику, зачастую противоположную как ей самой, так и интересам России. Добровольно взятые на себя российской короной обязательства по Священному союзу во имя спасения изживших себя европейских монархий, спасение в 1849 году империи Габсбургов, оплативших черной неблагодарностью во время Крымской войны, тридцатилетняя Кавказская война основательно расшатали экономику и финансы страны. Отягощали общество и самые тяжелые гири – крепостническая система и самодержавие.

Яркую характеристику николаевского наследства дал наиболее вдумчивый и пронзительный цензор XIX века А. В. Никитенко: «Администрация в хаосе, нравственное чувство подавлено, умственное развитие остановлено, беззаконие и воровство выросли до чудовищных размеров. Все это плод презрения к истине и слепой варварской веры в одну материальную силу... Воровство, поверхностность, ложь и беззаконие – наши главные общественные раны» (Никитенко А. В. Дневник в трех томах. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. Т. 1. С. 421, 431). Написано как про сегодняшний день! Разве общественные раны современного российского бытия – всеобщая продажность чиновничества, разгул преступности, коррупции, лжи и лицемерия, воровства и тому подобных цветов зла – не стали еще более зияющими?! Наличествует и еще более мерзкое явление – в николаевской России верхи Родиной не торговали, то есть в государственной измене уличены не были. Сегодня – это их хлеб насущный. Поневоле согласишься с Чаадаевым, чуть ли не двести лет назад высказавшим мысль о предназначении России быть неким отрицательным уроком для человечества.

С кончиной Николая I Никитенко ставит вердикт его эпохе: «Все царствование Николая I было ошибкой. 29 лет он восставал против мысли, но не погасил ее, а сделал оппозиционную правительству» (Никитенко... Т. 2. С. 67). Не менее резкой была характеристика Николая I, сделанная Тютчевым в 1855 году:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, –
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

(Ф. И. Тютчев. Россия и Запад. Культурная революция. Республика. М., 2007. С. 167.)

Но если Никитенко, Тютчев и другие давали безжалостную оценку Николаю I втуне, то некоторые великие князья свой вердикт системе произносили вслух. Так, сын Николая I великий князь Константин Николаевич (1827–1892) в 1857 году писал князю А. И. Барятинскому: «...Мы и слабее, и беднее первостепенных держав и что при том беднее не только материальными способами, но и силами умственными, особенно в деле администрации» (Вострышев М. Августейшее семейство. М.: Олма-пресс, 2001. С. 8). В июне 1859 года он еще более откровенен: «Наше положение страшное. Нужны не полумеры – наши обыкновенные манеры, но

решительные меры» (указ. соч., с. 9). При Александре III великий князь Константин Николаевич впал в немилость, хотя мог внести определенную лепту в оздоровление общественного климата. Умных людей Александр III возле себя не терпел (Богданович А. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. С. 197).

П. А. Валуев в 1855 году Александру II о положении дел в России: «сверху блеск, снизу гниль» (Боханов А. Император Александр III. М.: Русское слово, 1998. С. 260). Не боялись царские сановники говорить царям правду в глаза, не чета советским или нынешним околовластным холуям – льстить и подмигивать кремлевским узурпаторам.

Справедливости ради надо отметить, что Николай I видел определенные изъяны унаследованной им общественной системы, в частности крепостного права, и пытался в определенной степени ослабить его тяжесть. В 1827 году был издан закон, по которому, если в имении на крестьянскую душу приходится менее 4,5 десятин земли, такое имение берется в казенное управление или предоставляется крепостным право перечисляться в свободные городские сословия. С 1835 года существовал тайный комитет по крестьянскому вопросу, издавший ряд законов, расшатывавших крепостное право. На основании закона 1841 года было запрещено продавать крестьян в розницу. Закон 1842 года «Об обязанных крестьянах» позволял помещикам на известных условиях уступать крестьянам свои земли в постоянное наследственное пользование. Законом 1843 года запрещалось приобретать крестьян безземельным дворянам. В 1844 году вышло два распоряжения о дворовых людях: помещик по обоюдному согласию мог отпускать дворовых на волю без земли или если имение заложено в банке. Указ 1847 года разрешал помещичьим крестьянам выкупаться на волю с землей в случае продажи имения с публичного торга. Закон 1848 года разрешал крестьянам приобретать недвижимую собственность с согласия помещика (Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 562–563). Хотя эти законы и указы в некоторой степени ослабляли крепостнический ошейник, но в целом проблему крепостничества не решали. Возможно, для верхов нужна была некоторая политическая катастрофа, которая бы встряхнула все общество, ускорив избавление от проклятых пут прошлого, ускорила бы осознание в правящем классе гибельности дальнейшего сохранения политико-экономических оков прошлого. Такой встряской и стала Крымская война, обострившая основные противоречия реакционной общественной системы. Стало очевидным, что без ликвидации крепостничества и определенной либерализации политической системы дальше развиваться немислимо. В верхах родилась формула: «Крепостное право лучше отменить сверху, чем ждать, когда его отменят снизу». В воздухе запахло переменами, началась александровская оттепель, сопровождавшаяся ростом свободомыслия и оживлением общественной деятельности, немислимым при Николае Палкине.

Эпоха Александра II

По восшествии на трон Александр II образовал Главный крестьянский комитет, обязав его разработать программу ликвидации позорного наследия веков. Итогом его работы стал манифест от 19 февраля 1861 года, упразднивший крепостное право и ударивший «одним концом по барину, другим по мужику».

Недовольство манифестом охватило широкие слои дворянства, которое лишалось определенных привилегий – экономических, политических. Помещики лишались дарового крестьянского труда, была ликвидирована их монополия в винокурении, не выдержали конкуренции свечные, салотопенные, суконные, ковровые и прочие производства, существовавшие в помещичьих имениях (Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М.: Наука, 1979. С. 107–108).

Труд и техника помещичьих производств были слишком архаичны, чтобы выдерживать соревнование с более современными технологиями, организацией труда и пр. Дворянство недовольно было тем, что правительство освободило крестьян по-своему, а не так, как хотело оно. А оно требовало «не устанавливать конкретные размеры наделов и повинностей, предоставив их на усмотрение помещиков, а в другой раз – уменьшить размер будущих крестьянских наделов» (Кавелин... С. 561) и даже «угрожало правительству народными бунтами и требованием конституции» (Кавелин... С. 141). Некоторые помещики, материально пострадав от манифеста, в своем антикрестьянском раже договаривались до нелепостей. Так, М. А. Дмитриев гневно возглашал, что крестьяне «не проливали ни одной капли крови за отечество, но зато не прольют ни одной капли сивухи мимо рта» (Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. Новое литературное обозрение. С. 15).

Александр II отверг подобные домогания. По манифесту помещики теряли часть своей земли (крестьянин по положению был обязан выкупить свою усадьбу), крестьяне не обязаны были нести дополнительных повинностей и платить натуральную дань (птицей, яйцами, ягодами и пр.), барщина уменьшалась до 40 дней мужских и 30 дней женских (Кавелин... С. 561). Потери несли и крестьяне, получившие на 18 % меньше земли, которой пользовались до реформы (Россия в эпоху реформ. «Посев». Сб. статей, 1981. С. 18). Другим недостатком реформ было сохранение земли в общинном владении до 1906 года, что служило тормозом как в развитии производительных сил в сельском хозяйстве, так и в социальной дифференциации среди сельского населения.

Освобождение крестьян не принесло желаемого верхами успокоения в обществе. Обе стороны – и помещики, и крестьяне – считали себя обманутыми. По стране прокатилась волна крестьянских бунтов. Не осталось в стороне и дворянство – 13 тверских дворян возмутились манифестом и были посажены в крепость на суд Сената (Никитенко... Т. 2. С. 259); злобное недовольство проявила его «худородная» часть, из которой наиболее радикально и социалистически настроенные уходят в революционное движение, возглавив его. Как отмечал И. Аксаков, в 1867 году только мелкопоместные – или пассивны, или слишком страстные (Аксаков И. С. Сочинения. М., 1886. С. 345).

Ревизии 40–50-х годов XIX века показывают: из мелкопоместных потомственных дворян десятки тысяч были однодворцами – они сами обрабатывали землю, вели хозяйство и «не могли вести образа жизни, приличного лицам первенствующего сословия» (Корелин... С. 63). В канун реформы 1861 года мелкопоместные дворяне, владевшие не более чем 20 душами, составляли 41 % сословия (Корелин... С. 61). Вот из этих озлобленных «худородцев» вскоре и составитя отряд ишутинцев, каракозовых, ткачевых и прочих отщепенцев, возомнивших себя спасителями человечества, ради спасения которого угробят десятки миллионов человек. Но это – впереди. А пока словами манифеста Александр II пытался заручиться поддержкой

дворянского сословия в деле реализации грандиозного мероприятия. «Полагаемся на доблестную о благе общем ревность Благородного Дворянского сословия... к осуществлению наших предначертаний» (Кавелин... С. 563). Благородное сословие ответило в большинстве своем пассивно отрицательной реакцией, а некоторые – затаенным отмищением.

Интеллигенция из среды образованных «худородных» дворян, разночинцев в силу наличия в ней избыточной творческой энергии устремилась в радикализм. Хотя условия пореформенной России требовали участия образованных кадров. Но заниматься пореформенной буржуазной рутинной для горячих натур, открывших столбовую дорожку российской действительности, русского народа, русской истории было слишком унижительным, недостойным делом для распирающихся от тщеславия натур. Идти в народ, чтобы просто учить, лечить, строить новый каркас буржуазной России, для людей, почему-то возомнивших себя спасителями человечества от язв западной буржуазной цивилизации, было делом аморальным, недостойным их высокой миссии.

Для людей, свихнувшихся на социализме и мессианизме, одержимых нетерпением скорейшего благодетельствования человечества открытой ими истиной – социалистическим переустройством России, трудиться в роли рядовых строителей буржуазной России было преступлением. Зачем повторять путь гнилого Запада, передовая мысль которого развилась до идеи социализма; способствовать умножению язв пролетариата, социальных катаклизмов типа революции 1848 года, Парижской коммуны 1871 года и тому подобных явлений на российской почве, когда можно одним махом – уничтожением самодержавия, «не имеющего корней» в российской истории, установить царство всеобщей справедливости и благодати?!

Трудиться на почве буржуазной рутины им было не по нутру, это оттягивало социальный переворот и наступление счастливейшей эры человечества в царстве всеобщей справедливости, в котором, правда, они, архитекторы этого царства, должны играть главенствующую, руководящую роль – пасомое стадо может заблудиться без пастуха.

Так формировалась и разыгрывалась незатейливая социологическая оперетка – реками крови по ходу ее развертывания и оглушительным провалом в финале.

Еще в канун обнародования манифеста здравомыслящие люди предлагали верхам:

1) собрать всех губернаторов;

2) собрать всех предводителей дворянства с целью дать общую инструкцию и тон, как действовать, и призвать к духовному содействию правительству в предстоящем великом труде по претворению манифеста (Князь Мещерский. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 81).

Обращение осталось без ответа. Верхи не захотели собрать и объединить дворянское сословие общим делом. И потому в обращении Александра II при оглашении манифеста просьбу проявить ревность дворянство «не расслышало». Взаимная глухота расширила трещину между династией и благородным сословием, отрицательно отразившись на проведении в жизнь великой реформы, реализация которой была плохо продумана. И потому родила в народе противоречивые толкования и в конечном итоге трения и столкновения.

Чем объяснить взаимную глухоту?

Декабристы заложили подозрительность царской династии к дворянству, и династия свою опору все в большей степени начинает видеть в служивой бюрократии. Между престолом и дворянством после 14 декабря 1825 года пролегла более жесткая граница, чем до этого. Советоваться с «бунтовщиками» корона не желала. Перед зимней сессией дворянских собраний в 1859 году МВД с «высочайшего повеления» оповестило губернских предводителей, что дворянству запрещается обсуждать вопросы по освобождению крестьян (Корелин... С. 237). Манифест в еще большей степени оттер дворянское сословие от управления в пользу бюрократии, власть которой после «бюрократического» указа Екатерины II (об обязательном повышении через семь лет) стала повсеместной и всеохватывающей. Властный формализм чиновников плодил армию бюрократов по старшинству, а не по профессиональным качествам, по

достижении восьмого чина они получали потомственное дворянство. Рознь между династией и дворянством углубилась. Заметно стал меняться и этнический состав вокруг трона: русских становится все меньше, немцев и прочих иноземцев – все больше. Нежелание поступиться мизером морального свойства в интересах целого в конечном итоге привело к общему краху. Здесь уместно напомнить, что раскол между династией и первенствующим сословием имел длительную предысторию.

При Петре I дворянство обязано было служить на государственной службе пожизненно. В 1736 году императрица Анна ограничила срок службы двадцатью пятью годами. «Манифест о вольности дворянства» Петра III 1762 года освобождал дворянство на «вечные времена» от обязательности любой государственной службы. Оно перестало быть крепостным и в силу материальной независимости постепенно стало отходить от политической, военной и прочей государственной службы, уступая ее выходцам из различных сословий, сумевшим приобрести соответствующее образование.

Жалованной грамотой 1785 года Екатерины II подтверждались все вольности манифеста 1762 года и добавлялись новые: земли, находившиеся в руках дворянства, объявлялись их частной собственностью, которую нельзя было изъять у них без суда, и дворяне освобождались от телесных наказаний. С этих пор они обрели статус гражданства, правда, в условиях российской действительности сугубо формальный, так как в условиях неограниченного самодержавия политически свободных граждан в принципе не могло существовать. Но обретение личной свободы не подвигло их к проявлению гражданской активности. Избавившись от обязательной государственной службы, основная их масса ушла в провинциальный застой, рассеявшись по своим дворянским гнездам, рождая «лишних» людей – чацких, онегинных, обломовых или царевубийц. Все сумасбродные идеи от не критического усвоения западных теорий рождались здесь же – в дворянских гнездах, сельских или городских. В зависимости от семейных традиций, кругозора, умственных потенций и рефлексии окружающей действительности одни становились горячими поклонниками русской самобытности, другие – западных ценностей, хотя «тех и других объединяло одно – расширение свободы» (Чичерин). Наиболее нетерпеливые, подстегиваемые избыточным тщеславием, миражами революций и скорого воцарения социальной справедливости, бредовыми идеями благодетельствования русского мужика и другими химерами, создавали тайные общества или, прихватив материальные ценности, созданные потом своих крепостных, скрывались за границей, чтобы оттуда, из буржуазной безопасности проклинаемого ими гнилого Запада, будить топорные инстинкты российского обывателя.

Все разновидности российских социалистов – это космополиты, утратившие связь с почвой: русским народом, историей; бездомные бродяги, идеологические провокаторы и диверсанты; «лишние» люди, не сумевшие вписаться (адаптироваться) в конкретные исторические условия, не создавшие семейной жизни, быта, ничего конкретно положительного для своей страны, но претендовавшие на учителей человечества; люди, покалеченные бредовой идеей всеобщего братства, за которой скрывалась древняя, как мир, элементарная потребность в удовлетворении личного интереса, ради которого готовы были истребить полмира. Готовы были весь мир взять в братья – и всех в конечном итоге бросили. Относительно этой породы людей незаслуженно забытый ныне незаурядный российский мыслитель Р. А. Фадеев в 1874 году предупреждал власть и общество, что «в будущем Россия будет поставлена сделать выбор: или сильная власть, или власть беглецов-социалистов» (Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. С. 583). Не вняли...

Замкнувшись в глуши провинциальной периферии, первое сословие начинает постепенно морально вырождаться. Наполеоновское нашествие 1812 года «пробуждает» впадшее было в «летаргический сон» дворянство, рождая массовый патриотический подъем. Заграничный поход русской армии, соприкосновение с европейскими формами бытия вызывают

среди определенной части дворянского офицерства критическую переоценку «пещерной» российской действительности, желание осовременить ее. Итогом этих страстных желаний стал последний всплеск политической воли подпольного дворянского офицерства 14 декабря 1825 года. Восстание было подавлено, между короной и дворянством пролегла межа. Потеряв доверие со стороны престола, дворянство отошло от политической активности, похоронив себя в своих поместьях. Да и сверху культивировалась гражданская пассивность. И до реформы 1861 года крепостными оставались не только крестьяне. Политическую аморфность и гражданскую сонливость дворянства тонко подметил путешествовавший в конце 30-х годов XIX века по России де Кюстин: «Русские помещики – владыки в своих поместьях, политической силы не имеют, они – пустое место» (Маркиз Астольф де Кюстин. Николаевская Россия. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 268).

Инициатива снизу стала прорастать только в канун отмены крепостного права и после, но дворянство в массе своей, веками воспитанное в узде, к этому времени уже социально деградировало. К реформе оно, развращенное паразитизмом растительного существования, окончательно выродилось в сословие духовных импотентов, чурающееся гражданской активности. Уездные и губернские дворянские собрания, проходившие крайне редко, решали вопросы чисто местные, постановкой общероссийских задач, за редким исключением, не озабочивались. Поэтому в силу политической разрозненности дворянства как политической корпорации не существовало. Династия этим фактором могла быть довольна, ибо угроза ей с этой стороны перестала существовать. Хотя последствия такой политической аморфности в будущем обернулись для нее катастрофой. В течение веков препятствуя политической самоорганизации благородного сословия, трон сам себе вырыл могилу – в годы суровых испытаний на прочность династия осталась без естественной исторической опоры. Зато в течение многих десятилетий она мирилась с дворянским радикализмом, политически оформившимся в террористические организации – от Ишутина до Ленина – и поставившим себе цель низвергнуть самодержавие, устроив на его обломках утопическую коммуно-тюрьму, в сравнении с которой предшествующая российская крепостная система выглядела сущим санаторием.

Династия вместо закрепления и развития либеральных реформ начала 60-х годов с первыми выстрелами террористов-дворян потеряла политическое равновесие, усомнилась в их своевременности. Начала проявлять колебания. А требовались совсем «пустяки». Избавиться от шептунов-ультраконсерваторов типа Победоносцева, укрепить в масштабах страны систему политического сыска, жандармерию, собственную охрану, охрану высших административных чиновников, повесить всех народохожденцев (их было-то всего около тысячи), сеющих смуту среди невежественных крестьянских масс, твердой рукой навести элементарный порядок, то есть внять совету мудрых идеологов раннего российского самодержавия Ю. Крижанича и Ф. Прокоповича, пропагандировавших политику «Моисеева прута» (самодержавия) как единственного средства преобразования и благоденствия России. То же самое подсказывали и либералы-державники типа Чичерина: что успешность реформ зависит от их проведения твердой рукой, а их замедление, свертывание может иметь только сугубо отрицательные последствия. Но последние Романовы (с Александра II) отличались или отсутствием твердой воли, или скудоумием, или тем и другим вместе.

Если представители европейских властвующих династий, как правило, заканчивали определенные высшие учебные заведения, то русские цари воспитание и образование получали домашнее, причем особенное внимание уделялось иностранным языкам – немецкому, французскому, английскому. Но отсутствие систематического образования в области общественных дисциплин приводило к поверхностному взгляду на суть общественных явлений, неадекватной реакции на события внутренней и международной жизни.

Резкий переход от жесткой политики Николая I к либеральной политике Александра II, возвещенной отменой крепостного права и рядом буржуазных реформ начала 60-х годов, тре-

бовал от инициаторов при их проведении твердой воли, понимания возможных последствий и ясности целей этих реформ. Не вызывает сомнений, что царь-освободитель понимал суть начатых им реформ, но вот на вызываемые ими последствия реагировал неадекватно.

Начавшаяся после смерти Николая I оттепель выплеснула на поверхность общественной жизни немало гнили в виде различного рода радикальных течений, кружков, личностей и тому подобных элементов, озабоченных одной целью: максимально расшатать государственные устои и в условиях всеобщего их ослабления попытаться захватить власть для претворения своих сумасбродных прожектов. И даже первые выстрелы в либерального царя-реформатора не подвигли последнего к принятию крутых мер относительно радикалов, замахнувшихся не только на него, но и на его детище. Отмечавшаяся Победоносцевым, Никитенко, Кропоткиным и другими современниками Александра II его слабохарактерность выразилась в непоследовательности проведения им либеральных начинаний, породивших многоликую вольницу в обществе, яростную полемику между либералами и консерваторами. Выступления экстремистов толкали Александра II вправо на удовлетворение некоторых требований реакции, сдерживание реформ земской, судебной, городского самоуправления, на отказ в дворянских претензиях на организацию высшего сословного представительного органа и т. д. (Корелин... С. 242–243).

Но следует и отдать Александру II должное: несмотря на ожесточенную борьбу вокруг него справа и слева, к началу 80-х годов он осознал необходимость увенчания своих либеральных реформ введением прообразов российского парламента и конституции.

17 февраля 1881 года Александр II подписал указ, дарующий России ограниченное народное представительство. Идея образования такого органа обсуждалась в 1863, 1866, 1874, 1879, 1880 годах. К рубежу 70-80-х годов идея образования законосовещательного представительства – прообраза парламента – уже настолько созрела в обществе, что игнорировать ее стало признаком обскурантизма. Образование всесословного представительства было логическим продолжением отмены крепостного права, либеральных реформ начала 60-х годов, существенным шагом к социальному замирению. В своем развитии этот институт необходимо эволюционировал бы в полноценный парламента и, будучи подготовительной школой его, воспитал бы немало политических деятелей государственного масштаба, способствовал бы формированию политических партий основных классов российского общества, кристаллизации их интересов, политическому просвещению широких народных масс, аккумуляции и разрядке избыточной энергии образованного меньшинства, цивилизованным правилам политической борьбы и т. д.

Эпоха Александра III

Враги России, враги ее органического развития, враги конституции и парламента 1 марта 1881 года убивают Александра II. Общество оцепенело от совершенного злодейства, а дальнейшая судьба России оказалась в зависимости от выбора наследника, Александра III, на историческом распутье. Вопрос «Куда идти?» был решен 8 марта 1881 года советом министров под председательством нового царя.

Первомартовская катастрофа положила конец конституционно-парламентским ожиданиям либерального общества. Александр III, напуганный террористическими актами последних лет и убийством своего отца, поддался истерическим речам ультраконсерваторов типа Победоносцева, и судьбоносный указ Александра II был предан забвению, а либеральные министры Лорис-Меликов, Абаза, Валуев, Милютин и другие были уволены или сами подали в отставку.

Придворная камарилья и народовольцы ликовали. Первые – по случаю сохранения кондового самодержавия, и обе партии – по случаю воспрепятствования установлению в России конституционно-парламентских начал, ибо с их институционализацией процессы общей демократизации, развития гражданского общества, капитализма в России пошли бы более быстрыми темпами. Для партии обломовых, привыкшей в течение столетий только тиранствовать и паразитировать за счет эксплуатации других, пораженной умственной и физической ленью, процессы демократизации и капитализации были бы приговором ее дальнейшей исторической несостоятельности. Что и произошло с дворянством после 1861 года. Развращенное выкупными платежами и предшествующей растительной жизнью, оно не сумело адаптироваться к быстро капитализирующейся России, промотало свое имущество, так и не став полноценными скрепами Российского государства.

Чтобы выжить в новых экономических условиях, приходилось продавать землю, идти на государственную службу или заняться предпринимательством. Освоить последнее было уделом немногих. Проще было землю продать или сдать ее в аренду. С 1861 года начинается процесс интенсивного обезземеливания господствующего сословия. С 1863 по 1904 годы дворянское землевладение сократилось на 35 миллионов десятин, или по 45 центральным губерниям европейской России на 40 % (Корелин... С. 57, 56). С ослаблением экономических позиций слабеет и политический голос дворянства. Его слабые претензии заявить о политической самостоятельности в январе 1895 года были решительно отклонены Николаем II. И оно снова на десятилетие погрузилось в социальную дрему, пока не было разбужено общим оживлением общественной жизни начала XX века. Но и грозные 1905–1907 годы не подвигли это сословие к политической самоорганизации, к осмыслению происшедшего катаклизма, необходимости более тесной политической консолидации с династией для выработки более адекватной классовой политики в сложившейся в России социально-экономической ситуации, решительному отстаиванию своих классовых интересов перед царем-недотепой. Однако никаких глубоких выводов и практических шагов в этом направлении до самой Февральской революции сделано не было. Полагались на русское «авось», на саморазрешение всех российских проблем стихийно. Всей этой своеобразной маниловщине февраль 1917 года поставил точку. Так привилегированное сословие, призванное быть скрепами Российского государства, благодаря своему политическому безволию, политической близорукости промотало историческое наследие, уступив место политическим проходимцам.

Процессы демократизации и капитализации российского общества были смертельны и для народников всех мастей, ибо гражданское взросление российского населения становилось бы все возрастающим препятствием для усвоения народом их популистской демагогии. Процессы ускоренного обуржуазивания российского общества способствовали бы и ускоренной

классовой поляризации его, росту материальной обеспеченности низов, их классовой самоорганизации, социализации и т. д. К сожалению, Александр III, никогда не отягощавший себя занятиями по усвоению премудростей общественных наук и проблемами управления государством, мало путешествовавший по стране, мало читавший и плохо знавший народ, не смог адекватно оценить внутривластическую и народнохозяйственную ситуацию, общественные потребности унаследованной им России. Умственные способности его оказались ниже отцовских, и он не смог приумножить начал, заложенных его венценосным родителем.

Выпавший из рук Александра II трон был унаследован его сыном – Александром III, в данный момент его не ожидавшим и потому не готовившимся к его принятию. Александр II тоже не ожидал своей трагической кончины, был полон надежд на претворение своих планов, которые достойно бы увенчали начатые им реформы начала 60-х годов. Но это никак не входило в планы террористов-утопистов из «Народной воли». И 1 марта 1881 года царь-освободитель пал жертвой их преступных замыслов. К их общему ликованию, но к общему горю всей патриотически мыслящей России. Ведь, ни много ни мало, Александр II в этот день должен был возвестить о рождении российского прообраза парламента – мечте российских конституционалистов. И пусть этот орган носил бы поначалу совещательный характер, но его рождение символизировало бы желание династии вступить в диалог с обществом, с его наиболее творческой частью, готовой взять на себя определенную ответственность за судьбу России, за совместное с династией решение наиболее актуальных проблем недавно вышедшего из пут крепостничества общественного организма. А проблем было много. Это и вопросы пореформенного крестьянства, и отношение к радикалам социалистического толка, и вопросы судебной реформы, местного самоуправления, финансового положения страны после разорительной Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, и вопросы взаимоотношений с западными державами, выбор наиболее исторически перспективного союзника среди них; проблемы нарождающегося рабочего класса и его взаимоотношений с нарождающимся классом буржуазии и пр. И судя по предшествующей внутренней политике, Александр II готов был решать эти вопросы в положительной плоскости, то есть в плоскости сглаживания накопившихся противоречий. И его готовы были поддержать наиболее дальновидные политики из ближайшего окружения. У России появлялась реальная возможность дальнейшего продвижения по пути общественного прогресса, заложенного реформами начала 60-х годов.

Убийство императора повергло все думающее сообщество в кому. Над всеми витал вопрос: «Что будет с планами общественного обновления убитого императора, какой путь выберет его наследник?»

Каков был портрет вновь взошедшего на престол царя? Попытаюсь нарисовать его глазами современников Александра III. Но предварительно необходимо отметить, что в течение многих лет духовным наставником цесаревича Александра Александровича был крайний реакционер Победоносцев, сторонник нравственного ригоризма, осуждавший Александра II за измену супружеской верности, что было источником глубоких переживаний цесаревича и что стало одним из источников их взаимного недоверия еще с 60-х годов. Увлечение Александра II с 1864 года княгиней Долгоруковой отделило от отца его детей и мать. Цесаревич стал тяготиться общением с отцом и больше прислушиваться к советам Победоносцева, а тот на изъянах политики и характера Александра II (государственной дряблости, не национальной политики, семейной безнравственности) учил цесаревича, каким должен быть император – волевым, национально ориентированным и пр. Немаловажную роль в становлении духовной близости цесаревича и Победоносцева сыграли повышенная религиозность наследника и их взаимная симпатия к славянофильству (Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Тайный правитель России. М.: Русская книга, 2000. С. 508–514). «Злой гений» России сумел убедить своего ученика в негативности всей реформаторской деятельности своего отца и его взглядов на государственное устройство России. Основными чертами личности нового монарха князь

Мещерский называет правдивость, честность и прямоту (Князь Мещерский. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 470). История показала, что на благоденствие Российского государства эти черты существенного влияния не оказали. Существенным недостатком престолонаследника было отсутствие системного образования в области гуманитарных дисциплин, особенно социологии, без знания которых невозможно было сформировать объективный взгляд на сущность общественных противоречий, исторических тенденций, присущих России последней трети XIX века, а также основным регионам мира, в которых внешняя политика стран взаимодействовала с внешней политикой Российского государства.

Умных людей возле Александра III не было (Богданович... С. 197). Зря он послушал Победоносцева и не дал конституцию, сейчас бы не было беспорядков (Богданович... С. 474).

«Монарх слабоумен», – констатирует советник министра иностранных дел Гирса Ламздорф 4 апреля 1887 года (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 94).

На радость японского премьера о торжестве – принятии конституции (1889) Александр III пишет: «Несчастливые, наивные дураки» (указ. соч., с. 177). Еще худшего мнения Александр III был о российских подданных: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?» (Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 35). Вот плоды просвещения Победоносцева!

И. Тургенев о великом князе Александре Александровиче (Париж, октябрь 1879): «Наследник произвел на меня очень посредственное впечатление» (указ. соч., с. 82).

Феоктистов (1848–1896), глава Главного управления по делам печати при МВД в период царствования Александра III: «Умственное развитие Александра III стояло очень низко, плоть чересчур преобладала над духом» (указ. соч., с. 164).

Проработавший с Александром III пять лет (1887–1892) министром финансов Вышнеградский был невысокого мнения о его государственных способностях (Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. Минск: ХАРВЕСТ, 2003. С. 126).

В феврале 1892 года министерство народного просвещения представило в Госсовет законопроект о создании школы для женщин-врачей и санитарок для провинций. Госсовет единогласно одобрил, кроме Победоносцева. Проект отдали на усмотрение Александра III – и тот поддержал Победоносцева. Оба считают, что женские курсы фельдшерниц будут школами нигилизма и пропаганды. Весь Госсовет в глубоком удручении (указ. соч., с. 313). Два кретина! Сельская глушь задыхается от отсутствия медицинских кадров, а они все еще обуяны страхом от народнического террора. Уж коли все еще силен «первомартовский синдром», расширь полицейский контроль, сыскную службу, ужесточи наказание за антигосударственную пропаганду вплоть до смертной казни и т. п. Оставлять же из-за этого синдрома широчайшие народные массы без медицинской помощи – государственное преступление, демонстрация слабости. А Госсовет оказался выше монарха, проявив подлинные здравомыслие и патриотизм, вопреки расхожему мнению советских публицистов о нем как об оплоте реакции.

От воцарения Александра III его учитель Чивилев «ужаснулся» (Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 11).

Чичерин (известный публицист второй половины XIX – начала XX веков): «Я не слышал от него ни одного дельного вопроса, ни одной живой мысли» (указ. соч., с. 11).

На сетования тобольского губернатора на большую неграмотность среди населения Александр III наложил резолюцию: «И слава Богу» (указ. соч., с. 263). Сам не страдал книголюбием, еще и испытывал удовольствие от невежества подвластного ему народа. И невдомек августейшему увальню, что благосостояние общества и его жизнеспособность напрямую зависят от роста его образованности. Задумался бы, почему в Европе рост производительности труда значительно выше отечественного, почему вооружение там более совершенное, чем российское. Ведь, наверное, сам убедился во время русско-турецкой кампании 1877–1878 годов, как ее участник, о более качественном вооружении турецкой армии. Или не задумался? Наверное,

нет. Иначе не испытывал бы удовлетворения от горького признания тобольского губернатора. Ведь чтобы усомниться или уверовать в правильность курса государственного корабля, необходимо обладать широким кругозором, что невозможно без системного образования, без постоянной работы над собой, духовного самообогащения. Таким пристрастием наследник Александра II себя не отягощал, что и подмечено было Достоевским после нескольких встреч с семьей наследника в декабре 1880 года: «Милые, но малообразованные» (О. Барковец, А. Крылов-Толстикевич. Неизвестный император Александр III. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. С. 205).

Малоначитанность автоматически продуцирует низкую культуру, приверженность к обывательским формам мышления, убежденность видеть в широко распространенном невежестве опору незыблемости самодержавия. Малообразованность вкупе с неограниченной властью – благоприятная основа и для порождения чувства собственной непогрешимости. Этот недостаток не обошел, как указывает Ламздорф (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 252), и Александра III, августейшего мракобеса.

Общения с образованными людьми в семье Александра III не любили, их сфера – анекдоты, общие места, смешные словечки (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 252). На домашних обедах у Николая I и Александра II часто присутствовало много интересных людей, велся интересный разговор по многим темам; у Александра III за столом перебрасывались хлебными шариками, начинал игру сам Александр III (Ламздорф. Дневник 1891–1892... С. 232). Содержательное времяпровождение сменяется обывательщиной, типичной для людей с узким кругозором. Мог ли самодержец с подобным уровнем умственного развития желать высокой грамотности подвластного ему чада?! Не дай бог читать научатся, хулу на власть возводить начнут, уж пусть лучше пребывают в невежестве...

Уничтожающую характеристику Александру III дает Витте, немало лет наблюдавший его вблизи: «Александр III был человек обыкновенного ума и обыкновенных способностей... даже ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования...» (Александр Третий. Воспоминания... С. 273–274). И вот этому человеку «ниже среднего образования» после убийства отца пришлось решать задачу из области образования высшего. Мог ли он с ней справиться? История запечатлела ответ отрицательный, что было вполне ожидаемо для правителя с умом ниже среднего.

Трагически судьбоносным для России стало совещание совета министров, созванное Александром III 8 марта 1881 года для обсуждения конституционного проекта Лорис-Меликова. Председатель совета министров Валуев, министр внутренних дел Лорис-Меликов, военный министр Милютин, министр финансов Абаза, министр юстиции Набоков выступили в защиту намечавшегося Александром II узаконения проекта о созыве представительного органа как венца его либеральных реформ начала 60-х годов.

Милютин заявил, что беды нынешнего российского общества в том, что реформы Александра II остановились на полдороге, и что для дальнейшего совершенствования государственного устройства России намечавшуюся меру покойного императора необходимо претворить именно теперь (Конституция Лорис-Меликова. С.-Петербург. Издание типографии С. М. Проппера, 1907. С. 61, 51). Председатель департамента законов князь Урусов: «Необходимо привлекать к управлению лучших людей страны» (Рутыч Н. Н. Думская монархия. СПб.: Логос. С. 12). Министр финансов Абаза: «Без совещания с представителями общества обойтись невозможно, когда речь идет об издании важных законов. Необходимо привлекать людей, которым население доверит его голос...» (указ. соч., с. 12). Парламентские замыслы Александра II были поддержаны и великими князьями Владимиром и Михаилом, высказавшими мысль о том, что «мы не можем далее управлять, как доселе управляли» (указ. соч., с. 59).

Александр III охладил «представительский» пафос вельможных либералов: «Император Вильгельм, услышав, что батюшка хочет дать конституцию России, умолял его не делать

этого... В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями народных потребностей» (указ. соч., с. 52, 55). Усомниться бы «бульдожке», почему кайзер отказывает России в парламенте, хотя сам пребывает в парламентской системе?! Не задумался, видимо, твердо усвоил азы политического букваря своего учителя Победоносцева, что самодержавие для России – на все времена.

Погромную речь против всей реформаторской деятельности батюшки Александра II произнес Победоносцев, заклеивший все либеральные начинания Александра II, начиная с акта освобождения крестьян от 19 февраля 1861 года, как подрывающие устои российской государственности. «В России хотят ввести конституцию... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, есть орудия всякой неправды, источник всяких интриг... И эту фальшь хотят к нашей гибели ввести у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, взаимному доверию между народом и его царем... Так называемые представители земства только разобщают царя с народом... предлагают устроить у нас говорильню... Мы и без того страдаем от говорилен под влиянием ничего не стоящих журналов... открыты земские и городские говорильни, вносящие всякую смуту... открылись новые судебные учреждения – новые говорильни адвокатов... Дали свободу печати, самой ужасной говорильне, которая разносит по всей России хулу и порицания на власть... И теперь предлагают учредить новую верховную говорильню... всякое из его (Александра II – Б.) учреждений превратилось в ложь у нас под руками, и всякая дарованная им свобода стала ложью...» (указ. соч., с. 55–58).

Возмутиться бы престолонаследнику подобной наглостью и глумлением обер-прокурора над памятью своего отца! Но нет... Александр III, еще находившийся под впечатлением первоапрельского теракта, не обладавший достаточным политическим кругозором и опытом государственной деятельности, необходимыми для статуса верховного правителя крупнейшей в мире империи, поддался эмоциям и политическим спекуляциям злобного реакционера – и конституционный проект Александра II и Лорис-Меликова новым императором был отклонен. Ему не хватило ума последовать наказу своего отца, Александра II, сказанному на открытии финского сейма в сентябре 1863 года: «...либеральные учреждения не только не опасны, но составляют залог порядка и благоденствия» (Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 15). Александр III воспротивился исторически сформировавшейся тенденции общественного развития, вняв своему учителю Победоносцеву о неизбежности в России самодержавных начал. 29 апреля 1881 года был опубликован манифест Александра III, в котором принцип самодержавия провозглашался как единственно верный путь к благоденствию России, не подверженный каким-либо изменениям. Это был гимн самодержавному обскурантизму, хоронящий либеральные начинания предшествовавшего царствования, и поворот на путь отцов, исторических преданий. Все либералы из правительства и ближайшего окружения Александра II были заменены на ретроградов, и с этим обозом прошлого молодой венценосец двинулся вперед, навстречу гибели. И без тени юмора еще и восхищался заменой модерна на исторический хлам: «Слава Богу, я счастлив, что отделался от них, особенно от Лориса, который заварил кашу игрой в либерализм... на все надо быть готовым и идти прямо и смело к цели, не уклоняясь в сторону, не отчаиваться и надеяться на Бога» [(из письма великому князю Сергею Александровичу летом 1881 года), О. Барковец... С. 117]. В письме Победоносцеву 12 марта 1883 года Александр III заверяет его: «Пока я жив... я не допущу этой лжи на святой Руси... я слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы допустить его в России» (К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.: Русская книга, 2001. С. 148–149). Задуматься бы обоим: почему это и царь, и террористы не хотят введения выборного начала на Руси?! Не задумались – и проиграли!

Когда политические программы, основанные на объективных потребностях общественного развития, подменяются субъективными построениями на базе исторически отжившего,

на обветшалых фигурах прошлого, надежд на Бога – с верой в благоприятное историческое будущее страны можно расстаться. Надейся на Бога – и беда минует тебя и Россию (Николай II всю жизнь уповал на Бога – и лишился трона и жизни). Это ли не показатель мировоззренческого инфантилизма молодого царя?

Надо отдать должное Александру III – надежду на Бога он подкреплял материальной силой: промышленность относительно бурно развивалась, строился военно-морской флот, значительно увеличилось количество учебных заведений от низших до высших, число театров, врачей, педагогов, инженеров и т. д. Хотя это развитие проходило и без определенного влияния самодержца, а в силу необходимости капитанам промышленности под воздействием научно-технического прогресса расширять производство и увеличивать кадры специалистов, высококвалифицированной рабочей силы, что без роста общей грамотности населения, особенно городского, было невозможно. За годы правления Александра III бюджет вырос в 9 раз (во Франции за эти же годы в 2,6; в Англии – в 2,5). Золотой запас России увеличился с 292 млрд рублей в 1881 году до 649 млрд рублей в 1894 году (Барковец... С. 151). Тоннаж боевого флота Александр III довел к 1894 году до 300 000 тонн – третье место в мире после Англии и Франции (Барковец... С. 157). Все эти процессы свидетельствовали о росте материально-технического могущества России, повышении общей культуры общества, его самосознания, но не компенсировали отсутствие представительных органов, через которые только и могут формироваться кадры общественных деятелей, политически зрелых и ответственных руководителей от низших до высших звеньев государственного управления. Представительные органы – это школы политического самообразования, школы формирования граждан, ответственных за свои поступки, это школы формирования политических партий. Похоронив проект Лорис-Меликова, Россия на четверть века была погружена в политический анабиоз. Александр III с Победоносцевым лишили матушку-Русь и русский народ двадцатипятилетней школы самоуправления. Зато все эти годы враги России, враги русского народа оттачивали свое искусство в обращении с народными массами!

Касаясь отклоненного монархом конституционного проекта Лорис-Меликова, необходимо отметить, что он появился не на пустом месте. Он имел довольно длительную историю, начиная с либеральных идей среди высшего сословия в эпоху Александра I, формализовавшихся в конституционный проект Сперанского 1809 года и нашедших продолжение в конституционных изысках декабристов. С разгромом декабристов и установлением полицейского режима Николая I разговоры о конституции замолкают до александровской оттепели конца 50-х годов, когда стала готовиться реформа по упразднению крепостного права. Они усилились после манифеста 19 февраля 1861 года. Так, ряд дворянских собраний 1861–1862 годов в своих ходатайствах к высшей власти выдвигал предложения об учреждении центрального выборного представительства совещательного характера (Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М.: Наука, 1979. С. 242–243). Скромность амбиций не должна удивлять. Дворянство само только что вышло из недр полицейского феодализма и исторически не могло еще созреть для требований независимого парламента. Но сам факт появления подобных предложений свидетельствовал о стремлении дворянского сословия ограничить самодержавие. Новым импульсом в реализации конституционных идей дворянства стала земская реформа 1864 года.

В декабре 1865 года петербургское губернское земское собрание постановило обратиться к правительству с ходатайством об учреждении центрального земского собрания. В 1867 году то же собрание высказалось за участие земства в законодательной работе. В том же направлении принимали решения и дворянские собрания, а в январе 1865 года московское собрание в петиции царю указывало на необходимость установления и центрального представительства дворянства (Леонтович В. В. История либерализма в России, 1762–1914. М.: Русский путь. Полиграфресурсы, 1995. С. 317–318). И хотя эти претензии дворянства были отвергнуты, но

в памяти общественного сознания они остались, чтобы вновь всплыть в благоприятное для них время. Такое время и пришло на рубеже 70–80-х годов. Двадцать лет свободы раскрепостили умы, и образованное общество ожидало дальнейших шагов в обновлении общественного строя. Конституционные требования усилились после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, когда освобожденная Россией от турок Болгария получила конституцию, а России в ней отказывали.

По поручению великого князя Константина Николаевича государственный секретарь Перетц летом 1880 года подготовил проект, по которому к Государственному совету должно было быть присоединено собрание представителей, избранных губернскими земскими собраниями и городскими думами, совещательного характера. Этот проект и лег в основу проекта Лорис-Меликова, предусматривающего учреждение подготовительных комиссий из назначенных членов. Но предусматривалось создание и всеобщей комиссии, которая должна была еще раз дополнительно обсуждать законопроекты, представленные подготовительными комиссиями. В состав всеобщей комиссии наряду с назначенными правительством членами из состава подготовительных комиссий должны были входить еще и члены, избранные из представителей губернских земских собраний и городских дум. Комиссия эта также имела чисто совещательные функции и должна была рассмотренные ею законопроекты передавать Госсовету, также имевшему лишь совещательные функции (Леонтович... С. 321–322). И вот этот проект совещательных комиссий с весьма скромными политическими полномочиями Победоносцевым был заклеен как подкоп под государственные основы. Александр III в силу своей умственной недалекости не смог адекватно распорядиться богатым политическим наследием своего отца, и, вместо того чтобы этому наследству придать новый импульс, он огульно предал его анафеме. Все деяния Александра II он охарактеризовал как «несбыточные фантазии и паршивый либерализм» (Ламздорф В. Н. Дневник 1886–1890... Минск: ХАРВЕСТ, 2003. С. 125). И все недолгое царствование Александра III было посвящено выкорчевыванию метастаз «паршивого либерализма». Вот основные вехи этой полицейщины:

- 1) ограничение земского и городского самоуправления;
- 2) сокращение участия в судах присяжных заседателей;
- 3) упразднение университетской автономии в 1884 году;
- 4) усиление надзора за университетскими и школьными преподавателями;
- 5) замена уездных мировых судей земскими начальниками в 1889 году;
- 6) ограничение гласности судопроизводства;
- 7) усиление дворянского присутствия в различных институтах государства.

14 августа 1881 года Александр III узаконил акт – сродни полицейской конституции, – на основании которого «все население России ставилось в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции», то есть если речь шла о государственной безопасности, то объективный критерий виновности отменялся и виновность устанавливалась на основе субъективного мнения полицейского начальника. На основании этого акта подозреваемого можно было взять под стражу на три месяца и наложить штраф до трех тысяч рублей (в переводе на нынешний рубль – миллионы!), увольнять неблагонадежных с государственной работы и т. д. (Ричард Пайпс. Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993. С. 398–400). Эта «полицейская конституция», как показывает практика сегодняшнего дня, благополучно дожила до наших дней – начала XXI века!

Вспомните «едроссовские» законы 2012 года относительно «болотных» митингов, заоблачные штрафы и пр.

Политика закручивания гаек с первых дней восшествия на престол Александра III, продолжавшаяся в течение 13 лет, притупила общественное сознание, сформировала рефлекс инертности, ухода от активной политической и общественной деятельности в рутину малых дел, в состояние общественной дремы. Манифест Николая II от 17 января 1895 года, покон-

чивший с либеральными иллюзиями, рожденным приходом к власти юного наследника, эту дрему растянул еще на десяток лет.

Александр III оставил своему наследнику не только репрессивный характер внутренней политики, сдерживавшей развитие гражданского общества. Он заложил основы и внешней политики, не отвечавшей интересам династии и Российского государства, что при политической близорукости и слабости Николая II привело к катастрофическим последствиям и для династии, и для России.

Александр III, правитель «ума ниже среднего», не смог адекватно разобраться во внешне-политических хитросплетениях европейских держав и определить вектор отношений с ними, соответствовавший интересам России. Больше руководствуясь эмоциями, чем здравым смыслом, поддавшись антигерманским настроениям конца 70-х годов, связанными с Берлинским конгрессом 1878 года, отнявшим у России плоды Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, а также филиппикам чтимого им германофоба Каткова и глубоким антигерманским настроениям супруги-датчанки Марии Федоровны, после многолетних метаний между Германией и Францией он делает окончательный выбор в пользу последней, заключив с ней в 1892 году тайный военный союз. Многие предупреждали Александра III не спешить заключать союз с Францией – морской министр адмирал Чихачев, министр иностранных дел Гирс (Ламздорф. Дневник 1891–1892... С. 301), но падкий на французские заискивания, принимающий их за чистую монету (Ламздорф. Дневник 1891–1892... С. 320) царь эти предупреждения проигнорировал. Александр III в союзе с Францией видел одни достоинства (Ламздорф. Дневник 1891–1892... С. 344). Прав был Ламздорф, фиксируя мнения многих приближенных к Александру III сановников: у Александра III нет никакой политической системы, и он подвержен самым пагубным влияниям (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 47).

Великий князь Александр Михайлович об Александре III после его братания с Францией: личная антипатия к Вильгельму II склонила его к союзу с Францией, он переоценил военное могущество России. А невзлюбил Александр III Вильгельма II и Бисмарка за их попытки поучать его, как управлять государством, и его симпатии переключились на Францию (Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999. С. 68). Мог бы и прислушаться к советам умудренного в политике «железного канцлера»! Но эмоции в очередной раз взяли верх над разумом, и Россия покатила по пути, противоположному ее интересам. Ламздорф предупреждал в 1891 году: «Французы предадут и продадут нас при первом удобном случае» (Воейков В. И. С царем и без царя. М. С. 31). Как в воду глядел!

Фон Швейниц, посол Германии в России (1876–1893 годы), об Александре III 19 марта 1881 года: в делах дипломатии неопытен, никогда не проявлял к ней интереса, как его незаконный отец (Александр III. Воспоминания... С. 172), и 18 мая 1881 года: Александр III во внутренней политике во всем следует советам Победоносцева и московских политиков Каткова и Аксакова, их мнение будет решающим и в вопросах политики внешней (указ. соч., с. 175). И 5 декабря 1881 года: внешняя политика в слабых руках (Указ соч. С. 176).

Александр III заверял Швейница в своих лучших намерениях к Германии, а французского посла Лабуле – в своих симпатиях к Франции (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 47). Заигрывать с той и другой сторонами – признак неспособности определить результирующую в международных отношениях к главным европейским державам и в соответствии с ней выбрать себе исторического союзника, хотя бы потенциального, не отдавая открытого предпочтения в течение определенного времени кому-либо. Союзу с Россией помогали и Германия и Франция – Александр III долго не мог определиться в предпочтениях, склоняясь то в одну сторону, то в другую (с оглядкой на Каткова, Победоносцева, общественное мнение), пока после «медового» периода в русско-германских отношениях (союз с Германией 1887–1890 годов) окончательно не выбрал в союзники России Францию. Союз с Германией не был возобновлен в связи с уходом из политики Бисмарка, к которому Александр III благоволил

(Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 18). Личная антипатия российского императора к Вильгельмам опять возобладала над здравым смыслом, он окончательно расстается с германскими настроениями. Российский монарх проигнорировал настойчивые предложения близкого родственника Вильгельма I в январе 1887 года совместными усилиями бороться против тех, кто стремится разъединить монархии (указ. соч., с. 70–71). Заключая союз с Францией, Александр III должен был предвидеть, что этот союз не отвечал стратегическим целям его самого – избегать войн. Франция же, потеряв в 1871 году Эльзас и Лотарингию, будет стремиться их вернуть, что без войны с Германией невозможно. Так завязан был узел непримиримых противоречий, разрешение которых привело к трагически судьбоносным для России последствиям. Итак, какое наследство было оставлено «гатчинским затворником» своему наследнику Николаю II? Александр III сумел справиться с революционным брожением конца 70-х – начала 80-х годов. «Народная воля» была разгромлена, основные организаторы покушения на Александра II повешены, жесткими полицейскими мерами общество в течение 13 лет было избавлено от политических катаклизмов. Правда, ценой отказа от продолжения целительных реформ начала 60-х годов. Чтобы их благотворное влияние и далее продолжалось, несмотря на весь ужас содеянного народолюбцами 1 марта 1881 года, необходимо было лишь трезво оценить создавшуюся ситуацию и прислушаться к рецепту известного юриста и публициста Чичерина: реформы и порядок. Жесткие полицейские меры и претворение в жизнь задуманных Александром II начинаний. Перепуганный же император с умом ниже среднего решил управлять Россией только с помощью крайних мер. Но крайние меры всегда односторонни: душат явления не только негативные, но и благотворные. Под бичом полицейского террора общество «замораживается», начинают набирать силу процессы не интеграции, а дезинтеграции. Начинает превалировать рознь под прикрытием официальных идеологических трафаретов типа «православие, самодержавие, народность», «царь за народ», «народ любит царя» (Николай II верил в этот миф до последних дней) или типа «народ и партия едины». Вот такую Россию, не объединенную живительными соками гражданского строительства, Александр III и вручил Николаю II, слепо уверовав, что только под самодержавным скипетром Россия может благоденствовать.

Александр III вместе с «полицейской» Россией передал и ущербный вектор своей внешней политики, который наследник мог, конечно, изменить, но на это требовалась воля, которой ему катастрофически не хватало, что и привело к пагубным для династии и страны последствиям.

Эпоха Николая II

Неожиданно скончавшийся император Александр III не успел подготовить своего наследника к бременю венценосца, и Николай II принял бразды государственного правления абсолютным дилетантом. Личность вновь взошедшего на престол императора была расплывчатой, четких контуров не имевшей, в целом – малопривлекательной: ни внешней царственной фактуры, ни духовной мощи. Преобладала интеллектуально-волевая немощь, прикрытая упрямством, нетерпимостью к посторонним советам, гипертрофированной подозрительностью и чрезвычайной склонностью к мистицизму. Свойства малопригодные для властелина одной шестой части суши и благоприятные при определенных условиях для манипулирования им со стороны внешних инстанций. Ему было 26 лет, и в склонности к увлечению государственными науками в предшествующие годы замечен он не был. Чихачев (управляющий морским министерством, октябрь 1894 года): «...наследник – совершенный ребенок, ни опыта, ни знаний, ни склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности детские. Руль выпал из твердых рук, и куда приплывет государственный корабль – Бог весть» (Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Новое литературное обозрение, 2000. С. 29).

В 1892 году Витте, министр путей сообщения и финансов, предложил Александру III назначить наследника председателем комитета по постройке Сибирской железной дороги. Царь изумился: «Да ведь он совсем мальчик, у него совсем детские суждения» (Роберт Мэсси. Николай и Александра. М., Интерпракс, 1990. С. 30.). Через два года этот мальчик стал императором, а инфантилизм стал визитной карточкой всей его политики.

В день смерти отца Николай признавался великому князю Александру Михайловичу: «Я не готов быть царем. Я никогда не хотел быть им. У меня даже нет понятия, как разговаривать с министрами» (указ. соч., с. 45). Эти «царские достоинства» «украшали» его деятельность до самого отречения. Признаться бы юному царю, что его голубой мечтой было стать не царем, а командиром любимого им лейб-гвардейского гусарского полка (Гурко... С. 13). Предощущал, наверное, что это – его потолок, да династические вериги предопределяли другую ношу – шапку Мономаха, не по душе, не по плечам. Так и правил, как бог на душу положит, спустя рукава.

Что было не совсем обычно для молодого царя, так это повышенная религиозность, качество далеко не главное для носителя короны. Правда, склонность объяснимая, если принять во внимание, что воспитателем Николая, как и его отца, был Победоносцев, «злой гений» России, строжайший ревнитель православной нравственности. По Победоносцеву, самодержавие и православие – вечные скрепы Российской империи, а всякие там конституции, парламенты – от лукавого, и их никогда в России не будет. Парламент, свободная печать, сплошное образование народа и прочие прогрессивные общественные веяния подвергались Победоносцевым остракизму, осмеянию, как явления, расшатывающие государственные устои. Но почему эти явления возникают и постепенно планетарно расширяются, главный российский «законник» не объяснял. Победоносцев в 1896 году истерично предрекал: «Дети наши и внуки дождутся свержения этого идола (парламентаризма. – Б.)» (Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Белград. Т. 1. С. 42). Дети, внуки и он сам дождались торжества этого идола – открытия Госдумы в апреле 1906 года! А ведь было у царского наставника немало разумных рассуждений, например: «Вся мудрость жизни – в сосредоточении силы и мысли, все зло – в ее рассеянии» (указ. соч. Т. 1. С. 44). Только приходится удивляться: почему более чем за двадцать лет он не научил этой мудрости своего ученика – Николая II, ограничившись курсом православно-самодержавной рутин, вбив ее догмы в головы детей Александра II и Александра III?! Усвоив мертвые истины реакционной утопии, они до последних дней верили в их непогрешимость.

С первых дней царствования Николай II попал в плен своих многочисленных дядей, значительно старших по возрасту, политически более опытных и обладавших более сильной волей. Если Александр III одной своей фактурой сдерживал амбиции многочисленных родственников, то малорослый и слабовольный Николай, лишенный царственного величия и абсолютно неподготовленный к роли повелителя России, попал почти в полную зависимость от их советов, на многие годы продлив свое политическое младенчество, не преодоленное до последних дней. Политическое опекуновство дядей в будущем сменилось опекуновством царицы, что в конечном итоге имело трагические последствия как для династии, так и для России. Николай II был подвержен влиянию не только своих дядей, Победоносцева и царицы, но и своего кузена – Вильгельма II, германского императора, который был старше на девять лет.

Более политически грамотный и опытный, волевой и решительный кайзер сумел переориентировать интересы внешней политики российского императора с Запада на Восток, спровоцировав в конечном итоге войну между Россией и Японией. Личные качества последнего Романова имели решающее значение в российской катастрофе, поэтому есть смысл остановиться на них более подробно.

Самая расхожая характеристика Николая II по многочисленным источникам: слабый, вместо силы воли – упрямство (то есть каприз), недоверчивый, сдержанный, неумный, душевно пустой, лицемерный, фаталист, но образцовый отец семейства, политически близорук (недальновиден). Современники отмечают также подверженность Николая II постороннему влиянию. Так, великий князь Константин Константинович (поэт) фиксирует в 1903 году, что у молодого государя «последний докладывающий всегда прав» (Михаил Вострышев. Августейшее семейство. Россия глазами великого князя Константина Константиновича. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 260). Один пример политической близорукости и отсутствия собственного мнения в выборе стратегического союзника связан с заключением секретного договора об оборонительном союзе между Россией и Германией, подписанного в июле 1905 года Николаем II и Вильгельмом II в Бьерке (Извольский А. П. Воспоминания. Минск: ХАРВЕСТ, 2003. С. 36–37). Германофобы из ближайшего окружения Николая II убедили его в ошибочности заключенного договора, и царь в октябре того же года сообщил Вильгельму II об его аннулировании. В пользу врагов России – Франции и Англии.

Еще один пример политической недалекости российского императора. В 1904 году министр внутренних дел Святополк-Мирский сделал попытку привлечения выборного населения к государственному управлению и был уволен (Вострышев... С. 284). А через год сам император был вынужден объявить манифест о созыве Государственной думы.

Николай II был отягощен и другими грехами: мелочен, коварен, неправдив (Любош С. Последние Романовы. М.: АСТ; СПб.: Полигон. С. 186).

«Царь никого не ценит, держит человека, пока тот ему нужен, потом бессовестно выбрасывает... царь не хозяин своего слова... Николай II слабый, но скользкий как рыба» (Богданович А. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. С. 397, 439, 458).

Штюмер (март 1908): «Николай II фальшив, как Александр I, на него нельзя положиться» (Богданович... С. 470).

Американский публицист Е. Алферьев не согласен, что Николай II был человеком слабым: «Раз перенес все тяготы царствования и заключения – человек сильной воли» (Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. Свято-Троицкий монастырь, Джондарвилль, Н. I., 1983. С. 11). Алферьев упускает из виду, что человек равнодушный и фаталистически настроенный с относительной легкостью может переносить злоключения судьбы. Что особо переживать, коль на все воля Божья. Достоин лишь сожаления, что последние русские цари – Александр III и его сын Николай II имели своим воспитателем религиозного фанатика Победоносцева, приучивших их, особенно Николая II, больше внимания уделять храму и молитвам, чем проникновению в тайны государственного управления. Свято чтя заветы сво-

его воспитателя, Александр III наказывал учительнице своих детей: «Они должны хорошо молиться Богу и учиться» (Алферьев... С. 13). Из всех наставлений Николай превосходно усвоил только первое. При нем с 1894 по 1912 годы было открыто 211 новых мужских и женских монастырей, 7546 церквей; большое внимание он уделял церковному искусству, церковным ремеслам, хорошо знал церковный устав, понимал и любил церковное пение, ежедневно истово молился (Алферьев... С. 80, 82–85). Не лежала у Николая II душа к царскому делу! И потому совсем не случайно он в январе 1905 года хотел сменить царский престол на патриарший, запросив согласия у Синода (Алферьев... С. 88). Симптом весьма показательный. Возможно, в условиях резкого накала социальной атмосферы, классовой борьбы Николай II ощутил свою неспособность как руководителя и, не желая нести ответственность за последствия бурно развивающихся событий (Русско-японская война, недовольство ею в обществе, рабоче-крестьянские волнения, требования прогрессивных кругов о расширении политических свобод и т. д.), решил уйти в тишь церковных алтарей, где чувствовал себя душевно комфортно. Этот шаг показывает, что резкая смена социального климата провоцирует у самодержца душевный надлом вследствие слабоволия и отсутствия устойчивого морального стержня, продуцируя принятие неадекватных, импульсивных, труднообъяснимых с позиций типичных носителей такого уровня власти поступков. Церковники в царском предложении могли усмотреть подвох и, как более опытные психологи, предусмотрительно промолчали, чем вызвали со стороны Николая II неприязнь к ним до его отречения.

Двадцатилетним Николай твердо усвоил, что «все в воле Божией, и потому я спокойно и покорно смотрю в будущее» (Алферьев... С. 16). Покорность судьбе есть проявление не силы воли, а бесстрастия к происходящим вокруг событиям, отсутствие подлинного интереса к ним, нежелание или неспособность адекватно на них реагировать, уподобление барану, влекомому на плаху. Да и сам Николай II в письмах из ставки своей августейшей супруге подписывался в пику Алферьеву так: «Твой бедный маленький слабовольный муженек Ники» (Мэсси... С. 315). Несчастны государство и народ, которыми правит такой «муженек». И если Алферьев такого «муженька» находит человеком сильной воли, то Бог ему судья. Современники же Николай II дружно отмечают, что слабоволие российского императора сменялось феноменальным упрямством. Сановная мемуаристка А. Богданович (апрель 1894 года): «упрям и никаких советов не терпит» (Богданович А... С. 16). Плеве, министр внутренних дел: «очень упрям, советов не терпит» (Богданович... С. 191). Феноменальным упрямством, под стать супругу, отличалась и Александра Федоровна (Л. Ден. Подлинная царица. СПб.: Нева, 2003. С. 87).

Николай II родился 6 мая 1868 года, в день святого Иовы Мученика, что символически как бы предreshало его мученическую жизнь. Он идентифицировал свою судьбу с судьбой этого святого и ни о каких изменениях ее не помышлял. С тупым равнодушием обреченного на заклятие он шел навстречу своей Голгофе, ведя за собой и всю страну. Не вызывает сомнения, что судьба всех и вся ему была абсолютно безразлична. Какой смысл сражаться с судьбой, когда все предопределено Творцом? Эта жизненная позиция была принята давным-давно и пересмотру не подлежала. Ведь тогда бы пришлось усомниться в существовании самого Творца, что для сверхрелигиозного Николая было совершенно немислимо. И многие факты из его жизни буквально окрашены этой мученической символикой. Так, при короновании Николай II просил Бога вразумить его управлять государством по воле и заповедям Господним. И Господь услышал, подал знак: при принятии причастия тяжелая цепь святого Андрея Первозванного соскользнула с плеч императора и упала на пол (Любовь Миллер. Царская семья – жертва темной силы. Мельбурн, 1998. С. 37). Чем не зловещий символ, знак неба о Божьей неуютности?! Или проще: не по Сеньке шапка! Не по плечам ношу взваливаешь на себя, претендент на российский престол!

В эти же дни имели место и другие зловещие предзнаменования, все те же знаки Божьей немилости к юному царю: пожар на Спасской башне (Миллер... С. 38); ходынская трагедия,

когда погибло 1282 человека со многими сотнями покалеченных. В искупление вины император из личных средств каждой пострадавшей семье выделил по тысяче рублей (Миллер... С. 40). Корова стоила в те времена три рубля. За Ходынку Николаю II большевики приклеили прозвище «Кровавый». Жертвами кровавого террора Ленина и Сталина стали десятки миллионов человек, а они до сих пор у большевиков «светлые» и «чистые». Естественно, ни одной из жертв не компенсировали ни рубля. Наоборот, у многих имущество конфисковали.

Задуматься бы молодому императору о сигналах свыше и попытаться приумножить свои познания в области государственного строительства, не дать мистическим знакам воплотиться в реальность и придать его деятельности трагический окрас. Мало просить Бога о вразумлении, надо еще и самому проявить рвение быть достойным титула помазанника Божия. История повествует, что Николай II не отягощал себя трудом по освоению управленческих дисциплин. На дворе были не XVI и не XVII века, когда можно было ограничиться набором традиционных для средневековья приемов в управлении государством. К XX веку мир чрезвычайно усложнился, и знания нескольких иностранных языков (Николай II свободно разговаривал на немецком, французском, английском), географии и православия было далеко не достаточно для свободного ориентирования в вопросах международной или внутренней политики. Руководители западных стран, как правило, имели за плечами престижные университеты. Университетом Николая II была иссушающая душу дидактика Победоносцева о непреходящих ценностях православия и незыблемости самодержавия, что чрезвычайно сужало его умственный кругозор. А главное – не было внутренней потребности к самосовершенствованию. И дневник российского императора засвидетельствовал чрезвычайные лень и скудоумие его автора, у которого на любые неудачи личного или государственного значения ответ был один: «На все воля Божья». На все советы (в том числе и матери-императрицы Марии Федоровны) повлиять на ход событий, изменить негативные тенденции в сторону положительных на протяжении всего царствования мы слышим монотонно-смирненное: «На все воля Божья». Ни малейших попыток предупредить негативный ход событий, ни малейшего предвидения их последствий. Среди монархически настроенной публики были не только осуждавшие управленческие методы Николая II, его увлечение религией в ущерб государственной деятельности, но и такие, которые в чрезмерной увлеченности монарха религиозными службами находили положительные стороны, утверждая, что «вне религиозной настроенности – люди слепцы, религиозная настроенность пробуждает нравственную ответственность» (Князь Жевахов Н. Д. Воспоминания. М., 1993. Т. 1. С. 138) и т. п. У истоков верующих притушено критическое начало, и потому сентенции святых, старцев, юродивых и прочих «божьих людей» для них были истиной в последней инстанции, подтверждающей правильность их моральной позиции. По их понятиям эти люди были ближе к Богу, их устами глаголил сам Господь, и потому их наставления воспринимались как руководство к действию, норма бытия. В мировоззрениях «божьих людей» и Николая II можно найти много общего, что свидетельствует о том, что общение с ними (Пашей Саровской, Макарием Верхотурским и пр. – Жевахов... Т. 1. С. 204) не проходило для него бесследно. Вот, например, суждения старца Оптинской пустыни: «Зачем разбираться в трудностях жизни. Положись на волю Божью, и Бог не посрамит тебя» (Жевахов... Т. 1. С. 127). Идентично рассуждал и Николай II, не пытаясь обременять себя радениями на пользу Отечеству. Видимо, был убежден, что молитвами уберезет Россию от всех напастей. Вот только достойно сожаления, что религиозная настроенность монарха не сделала его зрячим и не помогла выбрать правильный курс государственного управления, занять адекватную интересам России и династии позицию между Германией, Францией и Англией в начале XX века. Находил время для бесконечных молитв и бесед с «божьими людьми», а вот для встреч со светилами отечественной мысли, которые сумели бы просветить его относительно законов общественного бытия, управления государством, и времени не находил. Оно и понятно. Для человека, уверовавшего в сущее как промысел Божий, советы с учеными были бы проявлением гностицизма, неверия в сущее

ствование Всевышнего, как соблазны дьявола. А потому прочь, нечистые! Николай II во всем положился на Бога, и Бог... посрамил его. Забыл самодержец антитезу божественному – Бог помогает смелым, или: на Бога надейся, а сам не плошай!

Вот еще несколько примеров рокового фатализма Николая II. При известии о гибели «Петропавловска» и адмирала Макарова: «Во всем да будет воля Божия...» (Миллер... С. 54). По поводу сдачи Порт-Артура: «На то, значит, воля Божия...» (Миллер... С. 56). Подписав манифест 17 октября 1905 года: «Утешаюсь, что это воля Господня...» (Миллер... С. 68). В 1908 году Николаю II представили план индустриализации страны на случай войны. Он ответил: «Будем надеяться на Бога. Если война будет короткая, мы ее выиграем, ну а если длинная, то, значит, такова наша судьба...» (Миллер... С. 73). За год до начала Первой мировой войны премьер Коковцов при встрече с Николаем II, делаясь своими впечатлениями о недавней поездке по Германии и интенсивной подготовке в ней к войне, предупредил его о серьезности положения и тщетности надежд миролюбивым царя остановить войну. После долгих раздумий Николай II молвил: «На все воля Божия!» (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М.: Наука, кн. 2, 1992. С. 299).

Не дай бог иметь на троне фаталиста! Ведь фатализм – это форма равнодушия, преднамеренное нежелание повлиять на ход исторических событий в благоприятном для себя, династии и страны направлении, вера в их божественную предопределенность. С такой установкой на ход мировой истории правитель обречен на второстепенную роль в игре мировых игроков, а страна – на разного рода катаклизмы.

Восшествие на престол нового властителя породило у либерально настроенной общественности России надежды на обновление одиозной для Европы общественной системы. Наиболее прогрессивно мыслящая в России и «конституционно зараженная» тверская общественность в своем приветственном адресе престолонаследнику 17 января 1895 года выразила пожелание «быть народу услышанным новой властью, которая в своих действиях будет руководствоваться верховенством закона» и т. п. По подсказке «недремлющего ока государева» Победоносцева Николай II лично вручил тверской делегации ответ, суть которого сводилась к следующему: «Забудьте о несбыточных мечтаниях... Я буду охранять начала самодержавия столь же твердо, как охранял их мой покойный родитель» (Мэсси... С. 64). По поводу этого ответа восторженную телеграмму Николаю II прислал Вильгельм II: «Я восхищаюсь вашей превосходной речью. Принципы монархии должны быть утверждаемы со всей силой» (Мэсси... С. 65). Юный царь был польщен, еще больше уверовав в правильность сохранения самодержавия в неизменном виде, совершенно не утруждая себя мыслью о том, что кайзер-то жил и управлял страной при парламенте. Вильгельм прекрасно понимал, что обуздание парламентских настроений в России будет только способствовать росту общественных противоречий, загоняя болезнь внутрь; росту социального недовольства, перегреву социального котла и неминуемому взрыву, что еще больше ослабит восточного соседа и развяжет ему руки на западе. Он недвусмысленно намекал на приоритет дружбы России с Германией. Но, видимо, Николай II унаследовал от своего отца неприязнь к германским императорам и отказывал им в дружелюбии. Так, он в сентябре 1901 года дважды отказал Вильгельму II во встречах по пустякам (Богданович... С. 269). На большей выгоды заключения союза с Германией, чем с Англией и Францией, настаивал министр двора Фредерикс (генерал Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб.: Наука, С.-Петербург. отделение, 1992. С. 159), наиболее дальновидный сановник из ближайшего окружения императора. Такого же мнения был и один из образованнейших и дальновидных дипломатов, российский посланник в Японии Розен (Гурко... С. 321). Николай II пропустил эти советы мимо ушей. А зря! Союз с Германией сулил России более благоприятные перспективы, нежели с Францией и Англией. Политический дальтонизм Николая II зачастую просто чудовищен: глух к советам разумным, чуток к советам профанов. Прав был его отец Александр III: детский ум, из кото-

рого он так и не вырос. Эта умственная неполноценность и дала основание церемониймейстеру Евреינוву отзываться о Николае II только как об идиоте (Богданович... С. 451).

После 17 января 1895 года Николай II заявил о себе как ретроград, не понимавший, как и его отец, современных тенденций общественного развития, оттолкнув образованное общество, спровоцировав усиление революционного движения. Первое десятилетие царствования Николая II выявило реакционность и бесперспективность самодержавного режима. Постоянный рост рабочих, крестьянских, студенческих волнений, терактов, либеральных брожений среди образованного общества свидетельствовали о кризисе власти, росте политической зрелости общества, способности его наиболее энергичной и творческой части взять на себя ответственность за участие в хозяйственной и политической жизни, из статистов истории превратиться в ее творцов. Все эти поползновения земщины, либеральных кругов высшая власть рассматривала как попытки к ограничению Богом данной самодержавной власти и, всячески препятствуя актуализации исторически назревших тенденций, еще более обостряла общественные противоречия, повышая температуру социального котла. Категорическое желание молодого царя твердо охранять самодержавные устои не охладило пыл сторонников самостоятельных начал, находивших в последующие годы решительных последователей в различных общественных слоях. Уж слишком кричащи были противоречия полукрепостнической России, чтобы народ и далее смиренно сносил ярмо нужды и различных притеснений, особенно в центральных областях ее.

Бурное экономическое развитие последней трети XIX века в корне изменило лицо России. Появился класс буржуазии, рабочий класс, выросла грамотность населения, появился значительный слой образованных людей, возник общероссийский рынок, вовлекший в свою орбиту самые отдаленные части империи; значительно вырос слой студенчества и прочих субъектов исторического действия, для которых стали узки рамки самодержавного режима. Возникли политические партии, нелегальные кружки, ставившие своей целью свержение царизма. Стал возвышаться свой голос пробуждающийся рабочий класс. Общество «забродило». Пробил час российского парламентаризма.

Власть не могла не замечать новых веяний, которые коснулись и «твердого поборника самодержавных начал», осознавшего лично или по подсказке более опытных советников, еще помнивших «парламентские томления» на рубеже 70–80-х годов, что игнорировать «бессмысленные мечтания» не удастся, и потому летом 1898 года в беседе с московским губернским предводителем дворянства П. Н. Трубецким Николай II высказывает осторожную мысль о готовности поделиться властью с народом, но это было бы истолковано народом как насилие – интеллигенции над царем (Ольденбург... Т. 1. С. 137). И напрасно он эту мысль не претворил в жизнь! Введение представительного начала только усилило бы авторитет царской власти и вдохнуло бы свежую струю в общество, оживило бы общественную жизнь, привлекло к активной общественной деятельности наиболее творческий элемент из всех слоев населения. Но вместо определенной демократизации общественной жизни в 1899 году Николай II отказывается от расширения местного самоуправления (Ольденбург... Т. 1. С. 193). Черниговское губернское земское собрание 6 декабря 1904 года телеграфирует Николаю II о незамедлительном созыве представителей земств, кризисе в обществе и т. п. Ответ царя: «Не дело земских собраний заниматься вопросами государственного управления» (Богданович... С. 320). И в декабре 1904 года, когда общество буквально бурлило, Николай II продолжает цедить затертую песню: «Да, я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я считаю его вредным для вверенного мне Богом народа» (Гурко... С. 731). Вот умственные способности вершителя судеб России: «Никогда... ни в каком случае!..» – и через десять месяцев подписал манифест, вводящий конституционную форму правления. Привлечения выборного элемента к государственному строительству требовали и либеральные дворянские круги, о чем свидетельствовала записка МВД в конце ноября 1904 года 23 губернских

предводителей дворянства, в их числе московского и петербургского предводителей (Гурко... С. 373).

Неравнодушный зритель продолжающейся смуты мадам Богданович в первые недели 1906 года ставит вердикт режиму царствующего «идиота»: «...главная беда наша – бесхарактерный, бездарный царь, при нем порядка в России не будет» (Богданович... С. 367, 370). А «идиот» на троне, манифестом 17 октября 1905 года ограничивший свою власть, в феврале 1906 года при встрече с депутатами из Иваново-Вознесенска продолжает как ни в чем не бывало бубнить: «Я, как встарь, буду самодержавный и неограниченный» (Богданович... С. 371). Что понуждает Штюмера месяц спустя сделать вывод: «...царь не отдает себе отчета в настоящем положении России» (Богданович... С. 371). Ознобишин (саратовский губернский предводитель дворянства) о встрече с царем в марте 1906 года: «Я говорил о тяжелом положении в России, царь слушал равнодушно, мысли его были далеко» (Богданович... С. 378).

Разумеется, социальные реформы необходимо было проводить параллельно с жесткими мерами по обузданию террористической деятельности радикальных элементов эсэровского и большевистского типа. Безжалостное уничтожение их предохранило бы общество от дальнейшего распространения этой заразы, чумы российского общества. И только слабование, нерешительность высшей власти, ее политическая близорукость ввергли Россию в омут революционной стихии 1905–1907 годов, а затем и 1917–1922 годов.

По-прежнему острой проблемой европейской части России оставался земельный вопрос, как и в целом положение крестьянских масс – малоземелье, малопродуктивность крестьянского труда, сплошная неграмотность, сохранение телесных наказаний, произвол земских начальников, выкупные платежи, вызывавшие постоянные взрывы недовольства.

Для выяснения насущных потребностей крестьянства и возможного удовлетворения некоторых из них в начале 1902 года во всех губерниях Европейской России было создано около 600 губернских комитетов, заседания которых велись публично (Ольденбург... Т. 1. С. 178). Комитеты работали с лета 1902 по весну 1903 года, в них приняли участие до 50 000 работников местного самоуправления и крестьян (Ольденбург... Т. 1. С. 182, 187). Обсуждались вопросы:

- 1) широкого распространения народного образования;
- 2) реорганизации судов;
- 3) создания определенных форм народного представительства;
- 4) признания существования земских учреждений;
- 5) уравнивания крестьян в правах с другими сословиями (Ольденбург... Т. 1. С. 181–183).

В 49 губерниях Европейской России (кроме Донской области) вопрос об общине как тормозе общественного развития ставился в 184 комитетах; из них в 125 – против общины, но только в 52 из них за принятие решительных мер против нее (Ольденбург... Т. 1. С. 186). В 73 – за ее сохранение, но со всякими оговорками. Опираясь на выводы этих 73 комитетов, Николай II и опубликовал 26 февраля 1903 года манифест, в котором высказался за неприкосновенность общины, но допускал облегчение выхода из нее отдельным крестьянам, а также гарантировал удовлетворение нужд земской жизни и отмену круговой поруки, которая и была отменена законом от 12 марта 1903 года (Ольденбург... Т. 1. С. 187–189).

Годовая работа земельных комитетов значительно активизировала массу сельского населения, вовлекая их в непосредственное обсуждение насущных проблем, способствуя политическому просвещению их, выяснению своих прав и более решительному и грамотному отстаиванию их в отношениях с царской администрацией. Низы требовали самостоятельности, начался тектонический сдвиг в ранее малоподвижном социальном материке. «Сводки МВД зафиксировали в течение этого периода резкое обострение борьбы между властью и сельским миром» (Ольденбург... Т. 1. С. 182). «Обломов проснулся...» Но в целом вопросы земли и общины решены не были, что и предопределило их кровавую постановку в революционных

потрясениях 1905–1907 годов. Решение многих из них было перенесено в стены открывшейся в апреле 1906 года на основе манифеста от 17 октября 1905 года Государственной Думы. И здесь необходимо вкратце остановиться на отношении российского императора к Думе.

Ради умиротворения общественных страстей Николай II был не против образования коалиционного правительства во главе с кадетами во время работы первой Думы, но те заломили чрезмерную цену – ответственность только перед Думой, переход к однопалатной системе (то есть упразднение Госсовета и основных законов 1906 года), всеобщая амнистия «эксам» из большевиков и эсеров, отчуждение помещичьих земель, создание правительства только из представителей кадетской партии и пр. На меньшее Милюков был не согласен. Такая категорическая позиция лидера кадетской партии свидетельствовала о политической незрелости его и руководства партии. Только по их вине идея коалиционного правительства, компромисса между властью и обществом провалилась. Из-за категорической неуступчивости Милюкова и его братьев по партии провалилась идея образования коалиционного правительства и во второй Думе (Рутыч Н. Н. Думская монархия. СПб.: Logos. С. 35–46), что подвигло дипломата и члена ЦК кадетской партии Нольде к выводу: «Кадеты – соль земли русской, но глуповаты» (Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М.: Международные отношения, 1993. Кн. 1. С. 414). Мог ли Николай II согласиться на компромисс на условиях Милюкова? Взять хотя бы требование амнистии всем политзаключенным. Его удовлетворение означало освобождение многих тысяч участников вооруженных бунтов 1905–1906 годов, террористических актов, ответственных за массовые убийства как воинских чинов армии и флота, полицейских, кассиров, инкассаторов, представителей царской бюрократии (начальников тюрем, прокуроров, губернаторов, министров и пр.), так и рядовых обывателей, ставших жертвами грабежей и терактов. Выпустить этих убийц и насильников на свободу в еще не обузданную революционную стихию – значило собственными руками усилить революционную анархию, вызвать новую волну насилия, показать свою слабость и глупость. Глупостью было бы и удовлетворение требования о создании однопартийного правительства, члены которого никогда не принимали участия в управлении государством. На что способно такое правительство, наглядно было продемонстрировано Временным правительством, окончательно добившим исторически сложившуюся российскую государственность и без боя сдавшим ее большевикам.

Николай II, убедившись в политической недееспособности кадетов, видимо, пришел к мнению о думской оппозиции в целом как политически неконструктивном образовании и стал в дальнейшем относиться к ней сугубо негативно. Можно лишь сожалеть, что малоподвижный ум императора не уловил веяний времени и не сделал различия между кадетской оппозицией первых двух Дум и правительственной оппозицией председателю правительства Горемыкину осенью 1915 года, не согласной с его антигосударственной политикой и настаивавшей, ради быстреего выхода из кризиса, на образовании «правительства доверия». Так сначала из-за детского максимализма Милюкова и руководства кадетской партии, а затем династической спеси и узкомыслия Николая II Россия лишилась исторической возможности компромисса между властью и обществом и образования «правительства доверия», что наверняка бы благотворно сказалось в дальнейшем на внутривнутриполитическом и экономическом развитии страны, предотвратив Февральскую революцию и последовавшие разрушительные социальные катаклизмы.

В революцию 1905–1907 годов резко обострился еврейский вопрос, тлевший в течение всего XIX века, особенно после четырех разделов Польши и отхода к России территорий, на которых проживало немало представителей этого беспокойного племени. Как известно, евреи были ограничены в передвижении по территории России. Для них существовала черта оседлости, были ограничения по овладению определенными профессиями и пр. С последней трети XIX века намечается рост еврейской активности в борьбе за равноправие. В 1897 году обра-

зуется политическая партия еврейского рабочего класса Литвы, Польши и России. Еврейские активисты входят в руководящие органы и эсеров, и социал-демократов, принимают активное участие в первой русской революции. Более того, они являются ее катализатором, от их участия даже зависело продолжение или прекращение революционной анархии в пределах России. Так, во время волнений 1905–1906 годов к министру двора Фредериксу дважды являлась депутация из видных евреев – барона Гинсбурга и Полякова с предложением: евреям равноправие – и народные беспорядки прекратятся, и никакой Думы не надо будет (В. И. Воейков. С царем и без царя. М., 1994. С. 65). Международная общественность также не оставалась в стороне от еврейского вопроса в России, требуя от царского правительства его положительного решения. Но Николай II еврейский вопрос рассматривал как чисто внутренний и был против вмешательства иностранных государств в это внутреннее дело России (Михайловский Г. Н... С. 124). Евреи ответа от царя не дождались, поэтому беспорядки продолжались. А ведь мог через своих агентов вступить в переговоры, какие-то права дать сразу в обмен на прекращение смуты, по каким-то продолжать переговоры. Даже худой мир лучше войны. Не собирався же он решить еврейский вопрос с сегодня на завтра выселением их всех на Луну или уничтожением всех, как сделали турки, перебив два миллиона армян. В очередной раз не проявив гибкости в острейшем вопросе, он загнал болезнь внутрь, пока гнойник не взорвался океаном ненависти к русскому народу в годы Гражданской войны.

На вопросы внутренней политики начала XX века наслаивался вопрос политики внешней, особенно на ее дальневосточном направлении, ее крайняя недалекость во взаимоотношениях с Китаем, Японией, Кореей, прокладке КВЖД, строительстве военной базы Порт-Артур. Вместо освоения дальневосточных просторов – Хабаровского, Приморского краев – Николай II стал обустривать, индустриализировать Китай. Вместо укрепления обороноспособности восточных рубежей, переселения избыточного населения европейской России на восток разбазарил громадные средства – финансовые, людские и прочие – на совершенно ненужную железную дорогу до Порт-Артура.

Дальневосточная политика Николая II проводилась в рамках «Азиатской программы», которая объявлялась им задачей его правления (Ольденбург... Т. 1. С. 214).

Утверждая эту программу, необходимо было предвидеть, что она будет противоречить интересам Японии, Китая, США и европейских держав – Англии, Франции, не желавших усиления России в этом районе. Необходимо было предположить, что удержать такие громадные пространства – Маньчжурию, северо-восточный Китай с Порт-Артуром без величайших напряжений невозможно, что это база для будущих конфликтов. «Азиатская программа» была порочна по сути. При чрезвычайной малочисленности Сибири и Дальнего Востока, малочисленности тамошнего воинского контингента, чрезвычайной удаленности от центра России, чрезвычайной финансово-материальной емкости она более походила на авантюру, чем на продуманную политику. Мирное население Дальнего Востока было менее 1 миллиона человек. В Порт-Артуре гарнизон – 20 000, в Уссурийском крае – 50 000, около 20 000 стояло гарнизонами в Маньчжурии. Япония мобилизовала 500 000, от Японии до Кореи менее суток хода морским транспортом, вся армия России – 1 миллион человек (Ольденбург... Т. 1. С. 229–230). В итоге результаты «Азиатской программы» были плачевны.

Строительство КВЖД (1896–1901) было в интересах тогда еще всесильного министра финансов Витте (его вотчина!) и совершенно не соответствовало интересам России. Ею он обогатился, а казна опустела. Во время боксерского восстания 1899–1901 годов 900 километров дороги было полностью разрушено. Дорога к расцвету торговли и дружбы не привела, российские товары были неконкурентоспособны с более дешевыми товарами из Японии, Англии, США. Слишком велики были транспортные расходы. Подобные последствия были предсказуемы (Новый часовой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. С. 58–59).

Витте нанес громадный ущерб развитию экономики Приморья, перенеся центр торговой деятельности в Дальний (близ Порт-Артура), объявив его зоной беспошлинной торговли с 1899 года, и ввел таможенные пошлины с 1900 года во Владивостоке, что привело к резкому снижению товарооборота. Если в 1900 году во Владивосток морем доставлено было 21,7 млн пудов груза, то в 1902 году только 14,1 млн пудов. Оптовые закупки торговых фирм уменьшились на 60–70 % (Новый часовой... С. 60).

Активизация проникновения России в Китай и Маньчжурию привела к ответной реакции Пекина – к усиленной колонизации Маньчжурии и Дальнего Востока: в 1906 году там осело около 150 000 китайцев, прибравших к рукам мелкую торговлю и создавших проблему для русских на рынке труда (Новый часовой... С. 61). Вот цена авантюры Витте и слабоволия, политической близорукости «адмирала Тихого океана».

«Азиатская программа» обществу была непонятна и чужда (Ольденбург... Т. 1. С. 219). Еще бы! В центре проблем полно – экономических, политических, демографических и пр. А тут какие-то концессии на реке Ялу (Корея) за тридевять земель, у черта на куличках, обыватель и представить не мог – где это?! Лесная концессия на реке Ялу была предоставлена в 1898 году купцу из Владивостока, в 1902 году он перепродал ее Безобразову, статс-секретарю «без ведомства» (1903–1905), возглавившему группу высших сановников для организации Восточно-Азиатской промышленной компании, часть акций которой предназначалась и для царской семьи (Кириянов И. К. Россия, 1900–1907. Документы, материалы, комментарии. Пермь, 1993. С. 142), а после Русско-японской войны передана Японии (Соловьев. Ю. А. Воспоминания дипломата, 1893–1922. Минск: Харвест, 2003. С. 120). Стоило огород городить?!

«Азиатская программа» предполагала укрепление России в Маньчжурии и Корее, северо-восточном Китае. С точки зрения некоторых представителей высшей власти той эпохи, отказ от ее проведения нанес бы удар по престижу России и грозил поглощением Маньчжурии Китаем, Кореей – Японией и в будущем возможной аннексией Приамурья и Приморья Китаем и Японией. Но если бы средства, угробленные Николаем II на КВЖД и Порт-Артур, были вложены в промышленное освоение Дальнего Востока и его заселение, то никакая агрессия со стороны слабого Китая и Японии не грозила бы России, и это предотвратило бы разорительную войну с Японией и революцию 1905–1907 годов. Мнением же кого-либо можно было пренебречь. Это только внешне Россия выглядела громадной и сильной. В действительности мощь ее была кажущейся. Европейским державам, особенно Германии, было выгодно ослабление позиций России в Европе, они толкали ее в безбрежные дальневосточные просторы, где она и похоронила престиж свой и свою мощь.

Агрессивная политика России на Дальнем Востоке встретила решительный отпор со стороны Японии, которая считала, что северный сосед вторгся в зону ее интересов. Назревал военный конфликт. Николай II был уверен, что войны с Японией не будет (Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999. С. 207). Осенью 1901 года при встрече с Генрихом Прусским (братом Вильгельма II) Николай II обронил: «Я не хочу брать Корею, но не могу допустить упрочения там японцев. Столкновение неизбежно, но надеюсь, оно произойдет не ранее, чем через четыре года, – тогда у нас будет преобладание на море. Сибирская дорога будет закончена через 5–6 лет» (Ольденбург... Т. 1. С. 215–216). Японцы не стали ждать четыре года и 27 января 1904 года напали на Порт-Артур. Началась Русско-японская война, к которой Россия была абсолютно не готова. Ее причины? Истоки оной были заложены в 1895 году Симоносекским договором между Японией и Китаем, на основании которого Китай уступал Японии весь Ляодунский полуостров и часть Маньчжурии. Под воздействием России, Франции и Германии Япония отказалась от этих притязаний в обмен на денежную контрибуцию, которая и была Китаем выплачена с нашей финансовой помощью. Однако в 1896 году в Москве по инициативе Витте подписывается соглашение между Россией и Китаем о прокладке железнодорожного пути по Северной Маньчжурии с экстерриториальностью тер-

ритории вдоль нее. Одновременно активизируется наша политика в Северной Корее, что противоречило Сеульскому меморандуму от 2 мая 1896 года и Московским протоколам от 26 мая 1896 года между Россией и Японией, последним противоречило и утверждение России в Маньчжурии с занятием Порт-Артура (Гурко... С. 304–305). КВЖД с относящейся к ней территорией, станциями, мастерскими, складами, магазинами, собственным войском становится подконтрольной Витте империей с бесконтрольным финансированием бюджетными средствами. Одно строительство КВЖД обошлось в 400 миллионов рублей со стоимостью одной версты в 150 тысяч рублей, хотя в России стоимость ее не превышала 60 тысяч (Гурко... С. 310). Не все из ближайшего окружения молодого императора благосклонно относились к расширению России за счет Маньчжурии и Порт-Артура. Против были военный министр Ванновский, морской министр Чихачев (Гурко... С. 306). Барон Фредерикс, министр двора, не убоился сказать Николаю II, что его, царя, участие в коммерческом предприятии на реке Ялу недопустимо, унижает сан императора, и подал прошение об отставке, которая не была принята (Гурко... С. 319). Витте и министр иностранных дел Муравьев склонили Николая II к присоединению Порт-Артура. За один миллион рублей купили ближайших советников богдыхана, и тот уступил Порт-Артур (Гурко... С. 306). Хотя наши военные агенты задолго до открытия военных действий предупреждали, что Япония быстро наращивает свой военный потенциал и готовится к военным действиям на материке, к ним не прислушивались, безбрежный оптимизм относительно быстрой победы над «макаками» застил глаза высшей бюрократии.

Авантюризм царедворцев дорого обошелся России. Вместо того чтобы сконцентрировать все средства для разрешения аграрных проблем, перевооружения армии, модернизации промышленности, двор пустился в дальневосточную авантюру. Средств, убитых на КВЖД, Дальний, Порт-Артур, войну с Японией, вполне хватило бы для перевооружения армии и разрешения многих вопросов внутренней политики. Но слабовольный, недалёковидный царь не смог противостоять интригам своих царедворцев (Витте, Куропаткина, Ламздорфа, Безобразова, Алексеева и пр.), преследовавших в политике расширения присутствия России на Дальнем Востоке прежде всего свои личные интересы, и в конечном итоге довел эту политику до войны. Российский посланник в Японии Розен еще при занятии Россией Порт-Артура советовал разрешить с Японией и на Дальнем Востоке все спорные вопросы на основе соответствующего договора, чтобы обезопасить себя в этом районе от столкновения с соседними державами. Розена поддержал военный советник в Японии полковник Вогак (Гурко... С. 321–322). Николай II Розена отозвал и политику утверждения России на «дальних берегах» продолжил. Обстановку в регионе накаляли, но к войне не готовились. В главном морском штабе России не существовало даже плана военных действий против Японии. Поставлявшаяся А. И. Русиним (морской агент России в Японии в 1900–1904 годах) высококачественная информация и его прогнозы дальнейшего развития событий не были использованы должным образом ни в ГМШ, ни в штабе наместника Е. И. Алексеева на Дальнем Востоке (Русское прошлое. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. Кн. 6. С. 56–57). В. Лавров, глава разведывательного управления, предупредил 22 января 1904 года Николая II о предстоящем разрыве Японией дипотношений с Россией. Николай II не придал этому значения (Борис Старков. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи в 1903–1914 годах. М., СПб.: «Питер», 2006. С. 67). Невысокого мнения были последние российские императоры о японцах. У Александра III они «обезьяны, играющие в европейцев» (Ламздорф В. Н. Дневник. 1891–1892. Минск: Харвест, 2003. С. 253), у Николая II – «макаки». Не хотели внимать поступающим из различных инстанций грозным предупреждениям! Горячие головы уже видели российский флаг над Кореей, Маньчжурией и дальневосточными морями. Военный министр Куропаткин считал, что Япония нам не страшна (хотя ранее был против войны с ней из-за удаленности театра военных действий), ему вторил министр иностранных дел Ламздорф, заменивший в 1900 году Муравьева (Гурко... С. 318).

В 1901 году Япония через маркиза Ито предлагала России выгодные условия мира относительно Кореи, но ответа от МИД он не дождался и уехал в Англию (Богданович... С. 482). В октябре 1902 года Ито вновь пытался в Петербурге договориться об урегулировании всех спорных вопросов, дабы предотвратить столкновение. Но верхи уже решили, что Япония с нами воевать не будет – слаба (Куропаткин, Ламздорф и др.), и потому Ито был оказан холодный прием (Гурко... С. 324).

Другой причиной возникновения Русско-японской войны есть основания считать стремление царской власти справиться с революционным брожением (рабочие, крестьянские, студенческие волнения, банкетная кампания 1904 года с требованиями расширения политических свобод, разрастающийся террор против представителей царской администрации и пр.) в обществе с помощью небольшой победоносной войны. Отсюда нежелание высшей власти сотрудничать с Японией в урегулировании спорных вопросов и фактическое провоцирование ее на военный конфликт. Настолько власть была уверена в ее победоносном исходе! Очевидно, многим царедворцам вскружило голову заявление адмирала Алексеева в 1903 году: «...наш Тихоокеанский флот не может быть разбит японцами – настолько он силен» («...Хорошо забытое старое». М.: Военное изд-во, 1991. С. 15).

Моей задачей не является описание хода событий Русско-японской войны, она достаточно емко исследована многочисленными авторами. Поэтому только кратко остановлюсь на основных ее итогах и причинах поражения глазами ее современников. Итоги войны были катастрофичны: Россия потеряла 146 кораблей (практически осталась без флота), безвозвратные потери в живой силе составили 52 500 человек, ранеными и больными – 406 000 человек, попало в плен 74 000 человек, из которых не вернулось 1753 человека (Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: ОЛМАПРЕСС, 2001. С. 55, 59). Прямые и косвенные затраты на войну составили около 4–5 млрд рублей (Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М.: РОССПЕН, 2000. С. 10).

Почему Россия потерпела поражение? Ограничусь точкой зрения участника этой войны, офицера генерального штаба Е. И. Мартынова:

- 1) неготовность к войне;
- 2) абсолютное незнание японской армии;
- 3) отсутствие даровитого полководца и хорошего командного состава;
- 4) отсталость военной науки;
- 5) чрезвычайный дефицит новой военной техники (пулеметов, скорострельных пушек, телефона, телеграфа);
- 6) низкий уровень развития русского солдата относительно японского;
- 7) превосходство военного обучения японского солдата над русским;
- 8) превосходство патриотического воспитания японского солдата над русским;
- 9) непопулярность войны, непонимание ее целей («...Хорошо забытое старое». С. 28, 30, 33, 35, 36, 41, 59).

Николая II и его ближайшее окружение, не сомневавшихся в победоносном исходе русско-японской кампании и рассчитывавших ее победными лаврами предотвратить усиление и расширение революционного брожения в стране, постигло тяжелое разочарование. Проигранная война спровоцировала всплеск широкого недовольства не только среди населения, но и вооруженных сил, особенно военно-морского флота. Разразилась революция 1905–1907 годов, подорвавшая основы государственного строя и авторитет царской власти среди широких народных масс, и наряду с плачевными итогами войны существенно ослабила боеготовность вооруженных сил. Война выявила касающиеся всех родов вооруженных сил изъяны: устаревшая военная техника, некачественные боеприпасы, острая нехватка пулеметов, артиллерии, инженерных служб, низкий уровень военной подготовки личного состава по обслуживанию

новейших видов вооружения (радиосвязь, подводный флот и пр.), чрезвычайный недостаток транспортных артерий – железных дорог, шоссежных. В силу отсутствия серьезной подготовки в вопросах управления государством, специальных знаний и нежелания ими овладевать Николай II принимал вопиюще некомпетентные решения в вопросах внутренней и внешней политики. Примерам таких решений несть числа. Наиболее судьбоносными из них были: запоздалое решение об учреждении представительного института; близорукость всей дальневосточной политики и, как следствие, потрясшая основы империи война с Японией; несбалансированная политика в отношении ведущих европейских государств; допущение интриг против Столыпина и возможности его убийства; вступление в мировую войну с абсолютно неподготовленной страной; нежелание в условиях социально-политического кризиса середины 1915 – начала 1917 годов пойти на компромисс с оппозицией; бегство из Петрограда во второй половине февраля 1917 года в условиях чрезвычайно неустойчивой политико-экономической ситуации в столице; отречение от престола и пр. Отсутствие профессиональных знаний и опыта в управлении государством и абсолютное нежелание усваивать основы современных социологии и психологии порождало у Николая II проявления наивности в политических вопросах и оценках крупнейших политических деятелей Европы. Так, например, российский император в канун Первой мировой войны упорно твердил о нежелании Вильгельмом II войны (Миллер... С. 231), а относительно Франца-Иосифа убеждал всех, что тот хочет «умереть в мире» (Миллер... С. 232). Что касается суждений Николая II о «миролюбии» кайзера, то, возможно, он имел в виду телеграмму от Вильгельма II за несколько дней до начала Первой мировой войны, в которой тот предлагал встретиться для переговоров и просил российского императора не начинать прежде мобилизацию. Николай II предложение отверг. Склоняясь к войне, царь утешал себя тем, что война укрепляет национальные и монархические чувства, что Россия станет еще сильнее, что это не первая война и т. п. (Фрейлина ее величества Анна Вырубова. Орбита. С. 247). И так рассуждает правитель, еле удержавшийся на троне после Русско-японской войны и революции 1905–1907 годов! Абсолютное непонимание как природы войн начала XX века на основе далеко ушедшей от XIX века промышленной базы, так и уровня развития России, ее внутреннего положения, и уровня развития ведущих европейских государств, баланса их интересов и т. п. Склоняясь к войне, Николай II абсолютно игнорировал мнение многих монархистов, настроенных против войны из-за Сербии (Татьяна Мельник, урожденная Боткина. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М.: Частная фирма «Анкор», 1993. С. 32). И вот с таким «провидцем» и по его вине Россия была ввергнута в войну, неудачи которой Николай II во многом списывал на нехватку двух лет для перевооружения вооруженных сил. Четверть века спустя на эту же причину в неудачах первого года войны 1941–1945 годов ссылались апологеты Сталина. Удивительные совпадения и заблуждения!

Наивная вера Николая II в своих ставленников, подбиравшихся по принципу преданности, а не профессионализма, постоянно оборачивалась жестокой трагедией и для него, и для страны. В силу отсутствия деловых и моральных качеств они могли только разваливать, используя монаршее доверие в карьеристских, узкоэгоистических, меркантильных целях. Как говорится, доверяй, но проверяй! Николай II только доверял, а война проверила, показав лживость всех заявлений военного министра Сухомлинова о готовности России к войне. Врал царю не только Сухомлинов. Врали и другие поставленные Николаем II на высокие государственные должности. До последнего дня врал государю министр внутренних дел Протопопов, уверяя его в полном контроле над ситуацией в Петрограде накануне отъезда царя в ставку. Такое безграничное доверие своей кreature можно объяснить и чрезмерной религиозностью Николая II, по-видимому, и в мыслях не допускавшего обмана со стороны своих министров. Святая простота! Чрезмерной религиозности может сопутствовать и чрезмерная наивность, способствуя искажению реальной действительности, реальной оценки событий и людей, их взаимосвязей и т. п. Ведь только веруя в реальную силу святых, мощей и прочий реквизит православия, Нико-

лай II был уверен в их возможности влиять на ход фронтовых событий. Иначе не объяснить, с какой целью в ставку зачастую посылались от царицы и других высокопоставленных лиц реликвии православной церкви в образах Песчанской иконы Божьей Матери (из Харькова) или Владимирской иконы Пресвятой Богородицы и других святых. На различных фронтах регулярно совершались обходы передовых частей с православной символикой и молебнами во славу русского оружия. Чудесами хотели отразить или поразить вооруженного до зубов противника. Видимо, царь был уверен, что стоит только с этими иконами объехать фронт – и враг падет ниц и, бросая траншеи и пушки-пулеметы, побежит прочь. О господи, какой век был на дворе?! А немец не бежал. Он поклонялся другому богу – богу войны: артиллерии, которая сметала все на своем пути, избавляя русскую солдатско-офицерскую массу от религиозных заблуждений своего монарха. Жаль только, что Николай II, по-прежнему мистически настроенный, вместо пушек и пулеметов продолжал слать иконы и телеграммы утешения. После страшного разгрома двух армий генералов Самсонова и Ренненкампа под Сольдау он присылает главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу икону явления Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому с евангельским утешением: «Будь спокоен: претерпевший до конца, тот спасен будет» (Миллер... С. 260). Иначе как идиотизмом подобную реакцию на разгром своих лучших гвардейских полков самсоновской армии не назовешь, и напрашивается вопрос: адекватен ли автор сих утешений? Не менее удивительна и ответная реакция великого князя Н.Н.: «В нашем положении его добрые слова – огромная поддержка» (Миллер... С. 260). Хотя чему удивляться, если сам главнокомандующий был не менее религиозен, чем Николай II.

Существенным личностным недостатком последнего русского царя было его слабование, роковым образом отразившееся на судьбах династии Романовых и Российской империи. Отсутствие властного характера у молодого наследника трона быстро сказалось на моральном состоянии дома Романовых. Не чувствуя узды Александра III, великие князья сплошь и рядом стали нарушать каноны царствующего дома, например, жениться на разведенных. Все это ослабляло семейные узы и дискредитировало царское семейство в глазах общественного мнения. Или взять проблему с Распутиным. Только слабовольный и мистически настроенный правитель мог допустить столь безграничное влияние неграмотного мужика-проходимца на царицу и состояние дел в государстве. Можно понять Николая II как отца, озабоченного неизлечимой болезнью наследника-сына и потому приблизившего Распутина ко двору для снятия кризисных состояний этой болезни. Но ведь во власти императора было ограничить вхождение Распутина во дворец только с подобными профилактическими целями и заставить его вести в столице более приличный образ жизни, не бросая тень на династию, пресекая на корню любые попытки «гипнотизера-лекаря» кому-либо протезировать и влиять на политику российского повелителя. Но слабовольный царь и властная царица, подпавшая под абсолютное влияние «Друга» (так между собой царь и царица величали Распутина), слабовольный царь и Распутин с огромной волей и огромной выдержкой (П. Жильяр, воспитатель царских детей)... И слабовольный, чрезмерно религиозный царь сам подпал под чары «святого черта», из-под которых не вышел до конца дней.

Никаких наветов на Распутина ни царь, ни царица не принимали и всех его недоброжелателей автоматически зачисляли в круг своих врагов, удаляя их от трона и из правительства, тем самым еще более укрепляя его позиции в обществе, чем Распутин при каждом удобном случае и бравировал, подрывая престиж династии и государственных устоев. Известно, что Распутин приложил руку к гибели Столыпина, смерть которого была с облегчением встречена царем и царицей: одним врагом «Друга» – самым сильным – стало меньше. Хотя вдовствующая императрица Мария Федоровна и другие мыслящие люди России прекрасно понимали, что убийство Столыпина – это позор для Николая II и горе для России: страна лишилась подлинного реформатора, способного обеспечить ее процветающее будущее. Незадолго до 1914 года германские специалисты объехали Россию (как в 1931 году облетели Новую Землю север-

ные острова СССР, расположив на некоторых из них небольшие военные гарнизоны в начале войны 1941–1945 годов, – Урал-ТВ, начало 2000-х годов) для изучения землеустроительных работ и положения сельского хозяйства и пришли к выводу, что через десяток лет Россия будет самым могущественным государством в Европе и мире (Русское прошлое. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. Кн. 7. С. 254). Высокого мнения о Столыпине как государственном деятеле были и некоторые члены правительства, в частности, министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, который отмечал: «Кабинет Столыпина был действительно объединенным правительством, чего не было до и после него. Он ценил время свое и чужое, никогда не заставлял ждать и не вмешивался в области, где не был компетентен» (Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 6. С. 108, 109). Но Николай не любил находиться в тени более авторитетных фигур – и они исчезали с горизонта. Он отправил в отставку в апреле 1906 года председателя совета министров Витте, автора манифеста 17 октября 1905 года, а также главу МВД Дурново, спасшего страну от революционного хаоса, за якобы жестокие меры при наведении порядка. Скоро этот прецедент станет обычной практикой, быстро сужая круг преданных ему людей. Из-за болезненного самолюбия Николая II будут удаляться наиболее политически развитые и решительные, истинные защитники монархии в ее лучшем смысле – Д. Трепов, морской министр Бирилев, Самарин, князь Орлов, Дрентельн, Джунковский и другие, заменяясь пустыми и угодливыми соглашателями-карьеристами, которые вместе со своим патроном и приведут страну к краху.

Слабоволие последнего российского императора имело роковые последствия и для внешней политики России. Так, например, в 1908 году Николай II молча «проглотил» аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Но крайне резко реагировал на агрессию Австрии против Сербии в 1914 году, не побоявшись ради нее бросить в горнило опустошительной войны абсолютно неподготовленную армию и страну. Ему советовали не начинать войну Витте, Фредерикс, Распутин. Необразованный сибирский мужик интуитивно глубже понимал губительность войны с Германией для династии и России, о чем и предупреждал Николая II (Л. Ден... С. 71). Тщетно! Ложно понятый долг перед союзниками перевесил у него интересы собственной страны. Настолько был ослеплен докладами безответственного и выжившего из ума военного министра пустомели Сухомлинова о всесторонней готовности армии к войне, что, долго не раздумывая, ввязался в нее.

Всем ведущим европейским политикам давно было известно об интенсивной подготовке Германии к войне. «С 1911 года в Германии был готов план разгрома России, с 1908 года Англия изучает план свержения царизма...» (Кобылин. Анатомия измены... С. 84). А Николай II в это время братается с коронованными братьями из Германии и Англии – они ему все родня! И ничего не подозревает об их намерениях. Слепец! Элементарное чувство самосохранения требовало от высшей российской власти уже года за два-три до войны укреплять западные районы, размещать там подготовленные воинские части, военную технику, боезапасы и пр. Много можно было сделать за предвоенные годы при работоспособном правительстве. Да где его взять! Как вспоминает адмирал Бубнов, «при царствовании Николая II в государственном аппарате господствовали безволие и nepотизм (кумовство, раздача должностей за родство, а не за профессионализм)» (Кобылин... С. 95). При должной подготовке к войне можно было не объявлять мобилизацию, не дразнить Вильгельма II, но быть готовым к отпору врага. А мобилизацию проводить неспешно, малыми темпами, втихаря. Основное внимание за эти годы необходимо было уделить производству вооружения или частичной закупке его у союзников. Но безграничная вера Николая II в Сухомлинова, постоянно докладывавшего о высокой боеготовности армии, видимо, вызывала у российского самодержца чувство легкой эйфории. Контролировать же военного министра не позволяли императору присущие ему мягковоллие, нелюбовь к государственной рутине, то есть отсутствие элементарной государственной дисциплины, ответственности, государственного ума. Опять же фатальная предрасположенность:

«на все воля Божия». Зачем портить преданному (хотя бы внешне!) человеку настроение, суетиться, кому-то что-то поручать, когда заранее исход событий предрешен Господним промыслом. Редкая слепота для правителя!

Ординарная же проверка деятельности царского любимчика выявила бы вопиющую некомпетентность, бездарность и лживость всех докладов военного министра. Вот один лишь факт, говорящий сам за себя: за 1909–1913 годы военное министерство дополнительно получило 260 миллионов рублей, из этой горы денег Сухомлинов израсходовал только 3 (три!) миллиона рублей (Коковцов... Кн. 2. С. 101)! Стоит ли после этого удивляться, что при вступлении России в войну у русской армии:

- 1) тяжелой артиллерии почти не было;
- 2) авиации почти не было;
- 3) броневых машин почти не было;
- 4) пулеметов имелось 10 % от необходимых 42 000;
- 5) винтовок имелось 4,65 млн вместо 5,5 млн;
- 6) патронов к винтовкам и пулеметам имелось 2,446 млрд штук вместо 3,346 млрд;
- 7) запас артиллерийских снарядов был ничтожен, ежемесячное производство их составляло 35 000 штук, а требовалось 45 000 ежедневно;
- 8) автомашин казенных – 679, плюс реквизировали 475 частных (французская армия, в два раза малочисленнее русской, располагала 90 000 машин и т. д.) (Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский Москва, Кучково поле, 2001. С. 69, 189, 190, 194, 196, 223, 224).

Ответственность за столь плачевное состояние боеготовности армии ложится не только на Сухомлинова, но и на его патрона – Николая II, который материальной обеспеченностью армии мог поинтересоваться не только из материалов военного министра, но и из уст главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, разведывательного управления, командиров гвардейских полков, многих из которых знал лично, и т. д. Не поинтересовался, хотя хорошо знал, что Европа, особенно Германия, интенсивно вооружается. Чувствовал, что в «воздухе пахнет грозой», и потому совершенно не случайно в начале 1913 года напомнил премьеру Коковцову: «Подгоняйте военного министра, мы ненадолго сохраним мир, что же будет, если мы опять будем не готовы к войне!» (Коковцов... Кн. 2. С. 135). Достоин сожаления, что дальше этого напоминания опасения царя не пошли. Что тоже объяснимо. Государственная рутина Николая II, по воспоминаниям современников из ближайшего окружения, имевших с ним деловые или личные контакты, тяготила, и с наступлением тепла, весны он спешил покинуть промозглый Петербург, перемещаясь в любимую Ливадию, где мог предаться любимой семье и избавиться от докучливых докладов. Так продолжалось примерно полгода, до конца октября – начала ноября. Министры и при нахождении Николая II в Царском Селе не утруждали себя особой активностью, а при его отсутствии и вовсе расслаблялись. И так из года в год.

Ведущие европейские политики знали о слабых сторонах российского монарха, особенно о его слабости, и постоянно использовали их в своих интересах – что союзники, что противники. Так, например, 4 июля 1912 года в финских шхерах имела место встреча Николая II и Вильгельма II. На этой же встрече премьер Коковцов доказывал германскому канцлеру оборонительный характер российской политики, в соответствии с которой по инициативе германских военных деятелей Россия в 1910 году упразднила польские крепости и отвела свой фронт восточнее. В ответ Германия ответила увеличением вооружений и единовременным военным налогом (Коковцов... Кн. 2. С. 66). В канун 1941 года Сталин тоже пытался доказать Гитлеру миролюбивый, оборонительный характер внешней политики СССР относительно Германии и в доказательство в западной части СССР взорвал построенные в 30-е годы укрепленные районы на протяжении 1200 км стоимостью 120 млрд рублей (Григоренко П. В подполье можно встретить

только крыс. Нью-Йорк, 1981. С. 231). Чем ответила «признательная» Германия – известно. Удивительное слабование проявляли российские цари пред германскими фюрерами!

Объявляя войну Германии, Николай II вторично нарушил завет своего отца Александра III: максимально избегать войн. Россия могла не объявлять войну Германии, проводить скрытно мобилизацию, ускорить выпуск военной продукции и т. п. И пусть падет Париж, пусть падет Лондон, но Николай II должен был ради сохранения армии, интересов страны максимально долго оттягивать начало военных действий на восточном фронте. И уж коли вступил в войну, учреди на территории всей России режим военного времени! Распусти Думу (в России на это даже не обратили бы внимания!) с ее крамольными, антипатриотическими речами, введи жесткую цензуру, запрети забастовки, введи военно-полевые суды с расстрелами за неподчинение властям, усиль столичный военный гарнизон надежными военными частями, введи жесткие наказания за нарушения трудовой и воинской дисциплины и т. д. Вместо этой достойной государственного мужа политики и не в пример союзным государствам, перешедшим на законы военного времени, внутривластная жизнь военной России мало чем отличалась от довоенной. Безумствовала Дума, бастовали и митинговали рабочие, беспредельничала пресса. Как будто не было кровопролитнейшей войны, не было величайшего общественного напряжения для борьбы с опаснейшим врагом! Это ли не доказательство несостоятельности Николая II как государственного деятеля, как царя без царя в голове, поддавшегося паническому воплям французов и буквально сломя голову в первые дни войны бросившего отборные части армии в Мазурские болота, где они и нашли бесславный конец?! Благодаря ложно понятому союзническому долгу Николай II в первые же месяцы войны почти уничтожил всю свою гвардию. К 1917 году на фронте находились уже третий и четвертый резервы офицеров (Стаффан Скотт. Романовы. Екатеринбург: ЛАРИН, 1993. С. 197), в основном уже из низших социальных слоев, проникнутых ненавистью к войне и монархии. Когда же Николай II сам запросил у Франции срочной помощи в винтовках в первой половине 1915 года, то французское правительство ответило отказом (Миллер... С. 306). А отказ Англии принять в 1917 году отрекшегося от престола императора вместе с его семьей?! Вот так выполняли свои союзнические обязательства союзники Николая II, и только коронованный российский простофиля продолжал незамедлительно откликаться на постоянные вопли о помощи то французов, то итальянцев, бросая неподготовленные к наступлению войска на вооруженного до зубов неприятеля. Не жалел русской крови российский монарх! Дорого платил русский народ за слабование и скудоумие российского самодержца! Как и за его капризы, которыми он пытался компенсировать свои волевою недостаточность и недальновидность. Например, назначением себя главнокомандующим в августе 1915 года или при отправке Балтийской эскадры на верную гибель на восток в 1904 году. Многие отговаривали его от первого шага, ибо постоянное продолжительное отсутствие императора в столице и сосредоточение его внимания на одной, хотя и важной, сфере управления автоматически приведет к ослаблению контроля за правительством, к ослаблению управления страной в целом и т. д. Но, подстрекаемый наущениями царицы о возможном в случае победы над Германией чрезвычайном росте популярности главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и умалении в связи с этим авторитета монарха, Николай II решил лавры победителя стяжать себе. Опять же, великий князь Н. Н. очень неуважительно относился к их «Другу» – обещал его повесить в случае приезда в ставку. Да еще постоянное недовольство генералов чрезвычайно неудовлетворительным снабжением войск военной техникой, амуницией, продовольствием и пр. Не дай бог сплетут заговор! И, поддавшись уговорам царицы, собственным настроениям, вопреки интересам страны, да и самой армии Николай II назначает себя главнокомандующим. Обрекаясь на постоянное нахождение в ставке, император менее всего думал об активном участии в управлении войсковыми операциями. Тайну своего бегства из столицы он приоткрыл 22 февраля 1917 года в объяснении супруге своего очередного, последнего вояжа в ставку: «Мой мозг отдыхает здесь – ни

министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания... это мне полезно» (Обнинский В. П. Последний самодержец. М.: Республика, 1992. С. 278). Вот такая проза! По глупости царь ввязался в войну, а теперь не хочет заниматься вопросами разутой и разоруженной армии, топливными и продовольственными проблемами столицы и пр. Мозг устает, отдыха просит... В ставке Николай II избавлен от докучливых докладов, здесь он много гуляет, катается по Днепру, совершает автоэкскурсии и т. п. (Обнинский... С. 275). Что же касается судеб страны, то к ним, в сущности, царь был равнодушен. Ведь все зависит от Бога. Очень замечательная формула для оправдания собственного бездействия, равнодушия, бездарности и чего угодно.

Столь же опрометчив был и второй шаг Николая II при посылке Балтийской эскадры на «съедение» самураям. И хотя высшее командование эскадры было против этой бессмысленной затеи, уязвленное самолюбие «адмирала Тихого океана» взывало к возмездию. Детский каприз: «Я так хочу!» возобладал над трезвым государственным подходом.

Николай II не был лишен и мелкого тщеславия, больше доверяя министрам, которые признавали безграничность его власти и были в целом негативно настроены к общественности (Гурко В. И. Царь и царица. Тюменская ассоциация литераторов, предприятие «Стромвятка». С. 20). Тщеславию сопутствовало обостренное чувство самолюбия, оборотной стороной которого было чрезмерно развитое чувство недоверия – к инициативам министров или других государственных деятелей, соприкасающихся с ним: усматривал в этом покушение на его царскую власть (указ. соч., с. 8). Даже к Госсовету испытывал недоверие (а уж там-то сидели испытанные временем слуги режима!) только потому, что тот в 1900 году осмелился выразить пожелание отменить права волостных судов приговаривать крестьян к телесным наказаниям. На прошении Госсовета Николай II начертал: «Это будет тогда, когда я этого захочу» (указ. соч., с. 20–21).

О пределах собственной власти российский монарх был превратного мнения. Часто, нарушая законы, ставил вердикт: «Такова моя воля» (указ. соч., с. 16).

Министр внутренних дел Сипягин и князь Мещерский сумели убедить его, что люди не имеют влияния на ход истории, всем управляет Бог, а он – Николай II – его помазанник и действует согласно его внушению и потому не обязан кого-либо слушаться или советоваться. Потому и управлял Россией «как Бог на душу положит» (указ. соч., с. 16–17).

При деспотических замашках у Николая II абсолютно отсутствовала внешность властителя, властность характера – и эта мягкость, слабоволие отражались в управлении страной и постепенно расплзались по империи. На самодержавие он смотрел как на нечто застывшее, не подверженное каким-либо изменениям. А ведь жизнь в период его царствования буквально бурлила. Бурно развивалась промышленность, Россия быстро покрывалась сетью железных дорог, буквально на его глазах зародился рабочий класс, резко расширились слои студентов, преподавателей, учащихся, лиц свободных профессий. Возник единый российский рынок, все теснее становилось экономическое пространство, вовлекая в товарооборот самые отдаленные участки российской территории. Под воздействием образования, промышленной специализации, политической деятельности менялся сам человек. Расширялись его интересы, он все пристальнее всматривался в проблемы российского дома, в котором жил и творил. А всмотревшись, сам начинал пытаться принимать участие в разрешении проблем, будировавших общественное сознание. Российский подданный все более проникался чувством социальной ответственности за происходящие вокруг него события, испытывая естественное желание быть субъектом истории, ее демиургом. Шел закономерный процесс становления гражданского общества. И не видеть всех этих изменений, не пытаться корректировать в соответствии с изменяющимися историческими условиями формы управления мог только слепой и равнодушный к общественной жизни, не желающий постигать ее глубины, законы, противоречия. Конечно, Николай II видел происходящие изменения в обществе, сам санкционировал наиболее существенные из них, но понять их тектонику во взаимосвязи и последствия не стремился.

Что их постигать, если на все воля Божья, постигай их, не постигай, все равно будет так, как Бог задумал. И все свое правление прожил с упованием на Всевышнего. При таком фатализме, совершенно преступном для любого монарха, империя была обречена на гибель.

«Николая II государственные дела не захватывали, доклады министров были обузой, стремление к творчеству отсутствовало, абстрактно-диалектическое мышление ему было чуждо, не умел властно настоять на исполнении другими своих указаний, лишен был царственного дара повелевать, до пожилого возраста сохранил детские вкусы и наклонности» (Гурко... С. 4–6), «веру в обряды, чудеса, спиритические предсказания» (Обнинский... С. 31). В первое десятилетие больше занимался почти ежедневной охотой, чем управлением государством (Богданович... С. 274). Жил, не чувствуя почвы, а она почти уже зыбилась!

Во второй половине 90-х – начале 900-х годов студенческие, рабочие, крестьянские волнения стали обычным явлением. В обществе крепла тенденция к разброду и шатанию, жажда либеральных перемен. Суворин отмечал: «Сегодня время хуже конца 70-х годов» (Богданович... С. 280). А в Царском Селе господствовало настроение «на Шипке все спокойно».

Николай II нередко заявлял о любви к России. Но любовь к Родине должна быть действенной, а действовать с пользой для страны в значительно усложнившейся исторической обстановке конца XIX – начала XX веков можно было только опираясь на знание закономерностей общественного развития, историй общей и отечественной. Этих знаний у Николая II не было, кроме напичканных «злым демоном» России Победоносцевым категорических императивов: «самодержавие превыше всего», «парламент – пустая говорильня», «ни шагу вперед» и т. п. Если к отсутствию знаний в области общественных дисциплин и управления государством прибавить еще изъяны психики, то систематические провалы внутренней и внешней политики последнего Романова становятся вполне объяснимы, как бы предрешенные «мученическим» днем рождения.

Существенную роль в гибели династии и России сыграла и супруга Николая II – принцесса Гессенского дома Александра Федоровна, столь же чрезмерно религиозная, как и ее супруг. Повышенный мистицизм и подверженность разного рода шарлатанам в большой степени были вызваны и страстным желанием супругов иметь наследника, который никак не появлялся. Отсюда страстные обращения к Богу и «божьим людям», которые способны были якобы содействовать воплощению мечты царской четы. Но когда царица разродилась сыном, счастье было недолгим. Наследник оказался подвержен наследственной болезни представителей Гессенского дома – неизлечимой гемофилии, передаваемой женской линией мужскому потомству. Кстати, Александр III знал о природном изъяне юной датской принцессы, но все его попытки предотвратить намечающийся брак разбивались о непреодолимую любовную страсть наследника, и слышать не желавшего о другом выборе. Да и сил и времени для переубеждения уже не было. Дни великана-императора, внезапно сраженного болезнью, были сочтены. Нежелание наследника внять наставлениям отца лишней раз свидетельствует о легкомысленности Николая в выборе спутника жизни, чрезвычайной легкомысленности относительно своей будущей роли императора и будущности династии. Ведь знал, что его сын-наследник будет неизлечимо болен, что в связи с этим возникнут династические проблемы и прочее – все тщетно. Страсть и каприз одолели рассудок и волю.

С проявлениями у Алексея, наследника, симптомов страшной болезни начались передаваемые страдания супругов, еще более отдалившие их от родственников, внешнего мира и способствовавшие появлению рядом с ними неотесанного мужлана, способного избавлять наследника от нестерпимых болей. Только этим и объясняется многолетнее присутствие Распутина при дворе Романовых и долготерпение царя и царицы к его «шалостям» в столице и вовне.

Императрица Александра Федоровна была человеком деятельным, инициативным, властным и самонадеянным, никогда не сомневалась в правильности своих суждений (Гурко.

Стромвятка... С. 4, 21, 24). О пределах власти российского императора у нее было представление еще более превратное, чем у Николая II, – она была уверена в ее беспредельности. Они оба были убеждены, что законы обязательны только для подданных и что основные законы 1906 года существования этой власти не изменили (указ. соч., с. 18). В отличие от Николая II, царица испытывала упоение властью (указ. соч., с. 4). В людях она разбиралась слабо, была падка на лесть (указ. соч., с. 22, 29). Критерием доверия к ним была их расположенность к Распутину, к ее участию в государственных делах, к ее креатурам в лице Горемыкина, Штюрмера, Протопопова и др. Более широкий культурный кругозор, властный характер, стремление к постоянной творческой деятельности автоматически вели к подчинению Николая II своей супруге. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать Николая II, в феврале 1912-го жаловалась Коковцову: «Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит династию и себя, веря в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвратить несчастье» (Коковцов... Т. 2. С. 31). Ровно через два года, в феврале 1914-го, императрица при встрече с Коковцовым горько сетовала на все свои попытки внушить сыну изменить его политику, которая ведет страну к катастрофе. Тот ее не слушал, говоря, что все это пустая болтовня, что любовь народа к нему велика и что он скорбит только о том, что редко видит своего государя (Коковцов... Т. 2. С. 327).

Апогей такого подчинения наступил с переездом Николая II в ставку в августе 1915 года, и разлад в управлении государством стал приобретать все более зримые и угрожающие формы (Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера. М.: Русский путь, 1999. С. 55). Истеричная императрица под духовным наставничеством «божьего человека» фактически стала управлять страной, смещая и назначая по совету «Друга» министров и прочих высших чиновников. «Рекомендации от старца открывали все двери в Петрограде», – вспоминает начальник канцелярии министра двора генерал Мосолов (Мэсси... С. 290). Начался роковой для династии и России период «министерской чехарды» – с сентября 1915 года до отречения Николая II в марте 1917 года. За этот период сменилось четыре премьера, пять министров внутренних дел, четыре министра сельского хозяйства, три военных министра. Распутин через Александру Федоровну проталкивал на высшие должности людей, втершихся к нему в доверие, людей беспринципных, алчных и безответственных, людей случайных и совершенно недостойных управлять определенными сферами государственной жизни. Одни министры ездили в ставку, другие к «маме» в Царское Село, где верховодил «Друг» Распутин (Генерал Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб.: Наука, С.-Петербург. отделение, 1992. С. 88). И вся ответственность за подобную кадровую карусель полностью ложится на Николая II, доверившегося супруге (а верил он только ей одной!) и их «Другу». Как известно со слов его ближайшего окружения, ни он, ни царица, ни тем более их «Друг» в людях не разбирались. Еще менее вся эта «святая троица» разбиралась в вопросах государственного управления, закономерностях общественных процессов.

При первых известиях о беспорядках в столице в конце февраля 1917 года Николай II смалодушничал, бросил все – ставку, армию – и помчался к семье. Она ему была дороже династии и России. А ведь останься там, мог бы повелеть надежным частям очистить столицу от дезертиров и пр. В этом поступке сказалась абсолютная никудышность Николая II как повелителя, монарха, государственного деятеля. Ведь ни малейших шагов не предпринял для выправления положения. Повел себя как обыкновенный дезертир. Явил себя абсолютно растерявшимся, деморализованным обывателем. Вроде бы события 1905–1907 годов должны были научить, дать определенные навыки поведения в условиях обострения социальной ситуации. Тем более беспорядки-то возникли только в столице, на периферии империи, остальная Россия безмолвствовала. Этот факт свидетельствует, что Николай II никогда после событий 1905–1907 годов не задумывался о возможности их повторения и предварительной подготовке вла-

сти к такому повороту событий. Не думали об этом и его бездарные министры – выдвигенцы царицы и Распутина.

После убийства Распутина Николай II 19 декабря 1916 года прибыл в Петроград, где и находился по 22 февраля 1917 года. В эти кризисные для династии и России два месяца столицу лихорадило от недостатка топлива и хлеба, хотя и того и другого в стране было достаточно. Необходимо было только продумать организацию их доставки, но этим толком никто не занимался. Министры, ответственные за решение данных проблем, зная о кисельном характере Николая II и о своей бесконтрольности с его стороны, смело заверяли императора о разрешении данных проблем, хотя действенных мер, способных переломить кризисную ситуацию, не принимали в силу своей организационной беспомощности. Проблемы с топливом и продовольствием нарастали, вызывая волнения среди населения. Об угрожающем положении в столице в январе – феврале царю докладывали и его ближайшие родственники, и думское руководство в лице председателя Думы Родзянко, и тайный советник императора Клопов. На последнем стоит остановиться более подробно.

Николай II не был уверен в полной объективности информации о состоянии общественной жизни в стране, исходящей от представителей официальных органов, и потому решил воспользоваться источником неофициальным. Выбор пал на коллежского асессора Анатолия Алексеевича Клопова (1841–1927), дворянина, экономиста. Во дворец ввел его великий князь Александр Михайлович, первая встреча с царем состоялась 4 июня 1898 года, и с этого дня до дня отречения Клопов был его тайным корреспондентом. Зарисовки и предложения подпольного информатора были критически беспощадны и нелюбезны, от них император, наверное, ежился в еще большей степени, чем от докладов Витте. В своих наблюдениях Клопов отмечал тяжелое материальное положение крестьян (безземелье, безлошадность), отсутствие медобслуживания, проблемы школьного образования, засилье чиновничьего произвола; распространение в обществе апатии, упадка духа; оторванность властной бюрократии от жизни. И чуть ли не в каждом письме – констатация ущербности господствующего государственного строя и его учреждений! Указывал причины нарастания общественного недовольства, просил снять ограничения с земств, ликвидировать недоимки с крестьян, дать крестьянину самостоятельность. В 1904–1905 годах в условиях падения религиозного чувства, доверия к власти, разрастания общественного кризиса, конституционных требований, неспособности правительства навести в стране порядок тайный советник указывает Николаю II на непонимание им и его советниками положения в стране, предлагает Николаю II смелее идти навстречу народу, выслушать его боли, отстранить от себя министров, искажающих царскую волю, и в ближайшее время созвать съезд народных представителей. Грозит царю революцией снизу, если она не будет проведена сверху. В январе 1915 года подсказывает царю о необходимости совместной работы правительства и общественных сил. 26 октября 1916 года настойчиво требует от императора дать согласие на образование ответственного министерства, пока не поздно; волна недовольства нарастает, и она может смыть все. 23 января 1917 года неравнодушный наблюдатель и аналитик из низов обвиняет Николая II в предательстве России, ее народов, соединении своей судьбы с кучкой министров и приспешников, которым Россия не верит; он с негодованием бросает в лицо императору, что от него отвернулись все – Дума, объединенное дворянство, Госсовет, земства и города, и предупреждает, что сегодня каждый день – исторический. 29 января 1917 года Клопов лично вручает Николаю II письмо, в котором выносит суровый приговор: Россия накануне катастрофы, и царь – ее виновник! 13 февраля 1917 года Клопов написал Николаю II последнее письмо, в котором советует ему идти в Думу и объявить о даровании им ответственного министерства (Крылов В. М., Малеванов Н. А., Травин В. И. Тайный советник императора. СПб.: XXI ВЕК, 2002. С. 42, 58, 74, 99, 126, 174, 258, 267, 301, 302, 506, 512, 514 и пр.). Нет сомнения, что многие предложения Клопова (как, например, списание недоимок, упразднение общины) были учтены и реализованы, но к предложениям об образовании ответ-

ственного министерства и принятии решительных мер по наведению порядка в правительстве и обществе в конце 1916 – начале 1917 годов, как требовали и представители прогрессивной общественности, Николай II проявил глухоту. В этих условиях абсолютного бездействия царя и правительства среди некоторых членов династии и высших армейских чинов возникает идея дворцового переворота. Крымов, боевой генерал (начало января 1917 года, квартира Родзянко) в присутствии членов Госдумы, Госсовета, членов Особого совещания: «...необходима смена бездарного правительства, изменение курса, без этого никаких успехов на фронте не будет. Настроение в армии – все с нетерпением ждут переворота, императрица портит все, время нельзя терять» (Родзянко М. В. За кулисами царской власти. М.: Панорама, 1991. С. 34). Крымова дополняют другие участники собрания. Шингарев: «...переворот необходим...», Шидловский: «...нечего его щадить, он губит Россию...». Привели слова Брусилова: «...если придется выбирать между царем и Россией – я пойду за Россией» (Родзянко... С. 34). Великая княгиня Мария Павловна: «...правительство бездарно, императрица губит страну, ее необходимо устранить, уничтожить» (Родзянко... С. 35).

Мысль о принудительном отречении царя упорно ходила по Петрограду в конце 1916 – начале 1917 годов. Представители высшего света, общественные деятели обращались к Родзянко с просьбой взять на себя эту ответственность и спасти армию и страну. После убийства Распутина эти разговоры еще более усилились. Родзянко категорически отмежевывался от навязываемой ему роли. Он вспоминает, что в эти недели многие, в том числе из царской семьи, жаловались, возмущались, но объединиться и предложить царю в корне изменить ситуацию – воли не хватило (Родзянко... С. 36, 37).

Не хватило воли выступить в роли интегратора всех, кому дорога была судьба Родины, и самому Родзянко, хотя сделать это ему было значительно проще других: все тропинки недовольных замыкались на нем. Но легче клеймить позором губителей России, чем преодолеть ложно толкуемую верность режиму, присяге этому режиму и возглавить борьбу за спасение страны. Он прекрасно понимал, что время уходит, что нет других сил, способных объединить патриотические слои на быструю смену правительства, существенное изменение внутренней политики, но, как и все, тоже малодушничал. Не хватало опыта открытой политической борьбы, который выковывается в течение многих лет, а не за три-четыре года. Вот следствие фатальной недалёковидности Александра III, «подморозившего» Россию на четверть века, убившего в зародыше зачатки парламентаризма, которые при их постепенном культивировании привели бы к формированию ответственных политических партий, буржуазных и монархических, воспитанию политических деятелей, борцов, адекватно реагирующих на складывающуюся историческую конъюнктуру, и т. п. Порочная политика двора, исходящая из порочного взгляда вечной незыблемости самодержавия, в конечном итоге обернулась катастрофической растерянностью, неспособностью в переломный исторический момент как власти, так и лидеров оппозиции, по причине крайней недостаточности исторического существования во многом политически инфантильных, «встать на крыло». И потому вместо решительного перехвата инициативы в вопросе государственного переустройства на основе исторически сформировавшихся тенденций лидеры оппозиции мямят «о невозможности впутывания Думы в смуту; дворцовые перевороты – не дело законодательных палат; у меня нет желания поднимать народ против царя» (Родзянко... С. 36), то есть демонстрируют политическое безволие и трусость.

В последние три месяца существования империи все ветви власти буквально разбиты параличом: отдаются какие-то указания, одна посредственность заменяется на другую; все эти указания-приказания носят чисто местный характер, на изменение ситуации в целом в положительном направлении влияния не оказывают, наоборот, только усугубляют положение; царят всеобщая бесконтрольность, непродуманность, случайность. Господствует стихия, умело направляемая невидимой рукой к определенной цели. Но рука эта – враждебная самодержавию и, в конечном итоге, России.

В катастрофической ситуации Родзянко пытается разбудить впавшего в оцепенение царя. 7 января 1917 года он докладывает царю, что «правительства нет, системы нет, согласованности между фронтом и тылом нет, кругом разруха, необходимы экстренные меры по спасению положения» (Родзянко... С. 40). Царь продолжает «спать». 10 февраля Родзянко вновь пытается достучаться до царского разума, говоря о проблемах продовольствия, снабжении армии и городов, общем политическом положении и т. п. Царь слушал рассеянно и резко прервал доклад: «Меня ждет великий князь Александр Михайлович пить чай» (Родзянко... С. 44). Прямо по Достоевскому: катись все к черту, но чтобы чай я пил вовремя!

После такого «холодного душа» председатель IV Думы не побоялся заявить, что при таком отношении со стороны его величества к изложенным проблемам страну может ожидать только революция и анархия (Родзянко... С. 45).

Накануне Февральской революции Бадмаев (доктор тибетской медицины, отлученный от двора за неприязнь к Распутину) посылает царю и членам его семьи обращение и советует немедленно организовать (предлагая и свою помощь!) народные дружины в защиту самодержавия (Доктор Бадмаев. Тибетская медицина. Царский двор. Советская власть. М.: Русская книга, 1995. С. 42). Безответно! Царю на все наплевать, у него одна надежда – на Бога, ибо все в его власти: захочет – поможет, нет – никакие дружины не спасут.

В эти же критические дни министр иностранных дел Покровский говорил Николаю II о серьезности положения, о необходимости убрать Протопопова (у которого, по Распутину, «честь тянется, как подвязка», – Архив русской революции, Берлин. Т. IV. С. 12).

Премьер князь Голицын докладывал царю о готовящемся перевороте, о том же – великий князь Павел Александрович, московский предводитель дворянства Самарин.

Родзянко говорил монарху о непопулярности Александры Федоровны в обществе и отстранении ее от государственных дел; иркутский губернатор Пильц – о всеобщем недовольстве и падении престижа власти. Брат Николая II великий князь Михаил Александрович тоже извещал своего венценосного брата о всеобщем недовольстве и необходимости убрать Протопопова и создать ответственное министерство (Миллер... С. 462). Тщетно! Любые костыли помощи Николай II отвергал, полагая, что докладчики сгущают краски, что народ по-прежнему предан ему, что монархии ничто не угрожает. И вот с такими утешительными для себя воззрениями на окружающую обстановку, вопреки увещаниям министра внутренних дел Протопопова и других представителей ближайшего окружения не покидать столицу в столь трудную минуту, монарх 22 февраля ее покидает, отправляясь в ставку. Подальше от сплетен и интриг! Накануне отъезда, 21 февраля, он обещал премьеру Голицыну самому приехать в Думу (открылась 14 февраля) и объявить о создании ответственного министерства, но вечером того же дня сообщил Голицыну о своем отъезде в ставку. На вопрос Голицына: «А как ответственное министерство?» безответственный царь отвечает: «Я передумал» (Родзянко... С. 47).

По воспоминаниям современников, в последние недели империи люди буквально жили ожиданием чуда. И после отъезда императора 22 февраля в ставку это чудо – в смысле чудовище – выкатилось на улицы столицы. Начался отсчет семи дней, потрясших империю и мир. Очевидцы тех событий приходят к единому мнению, что Николай II в феврале 1917 года едва ли был адекватен и мог понимать суть происходящих вокруг явлений. Если бы понимал, то, чтобы обезопасить свою власть, срочно вызвал бы в столицу надежные воинские части, а 200 000 резервистов направил по назначению и сам бы остался в столице до разрешения всех острых проблем. Но даже эти элементарные для вменяемого правителя шаги не были им осуществлены. Правитель он был действительно никчемный, коль за два месяца нахождения в столице не смог и не пытался разрешить относительно пустячные проблемы. Будь на его месте его более энергичные и дальновидные предшественники, вроде Александра III или Александра II, эти проблемы были бы разрешены в течение недели, если бы и вообще были допущены. А чем был занят Николай II в эти два судьбоносных месяца? Вот дневниковые записи послед-

него императора о содержательности его времяпровождения: встал, гулял, завтракал, обедал, пил чай, слушал музыку, ходил на новогодние елки, горячо молился, смотрел кинематограф, разговаривал с тем-другим (разговоры были пустыми, ибо на преодоление кризисных явлений в столице никак не повлияли!), читал, крепко спал и т. п. (Дневники императора Николая II. ОРБИТА. С. 616–624). И ни слова о жгучих проблемах страны, требовавших быстрее разрешения.

Отсутствием государственного ума страдал не только царь, но и царица. В конце декабря 1916 года Александра Федоровна отправила князя Жевахова в Новгород с дюжиной ящиков икон и лампад для новгородских храмов и монастырей (Жевахов... Т. 1. С. 253). Об иконах и лампадах думаем! На заводах не хватает металла, на фронтах – оружия и боеприпасов, в столице нехватки угля, продовольствия, на заводах волнения, 200 000 вооруженных резервистов в Петрограде мучаются бездельем, царь в «летаргическом сне», бесконтрольное правительство валяет дурака и т. д. И кого-то обвиняем в интригах, трусости и измене! Все у них виноваты, кроме самих себя. Почти 23 года безответственного правления – и хоть бы раз задались вопросом: «А почему такое происходит?» Хоть бы раз на свою деятельность взглянули критически. Не взглянули. Кретины и идиоты в собственных глазах всегда правы.

Итак, царь едет в ставку. Чем он озабочен? Из письма супруге от 23 февраля 1917 года: «Мне очень не хватает получасового пасьянса каждый вечер. В свободное время я здесь опять примусь за домино...» (Дневники Николая II... С. 30). Столица уже бурлит, а помыслы повелителя одной шестой части суши о пасьянсе и домино! Трон рушится, власть уплывает из-под ног, а царь думает, как бы «козла забить»! Ну не верх ли кретинизма и признак умственного вырождения?! Прав был Ленин, что Февральская революция могла свершиться только при идиоте Романове (Ленин В. И. Очередные задачи советской власти. М.: Изд-во полит. лит-ры. С. 100). Очевидно, такое же впечатление осталось и у комиссара отряда (под охраной которого царскую семью доставили в Тобольск) Панкратова после его первой встречи с Николаем II в Тобольске 2 сентября 1917 года, вспоминавшего, «что во все время нашей беседы бывший царь улыбался» (Мельник... С. 125). Истинный Иванушка-дурачок! Да и вид последнего царя на многих фото удивительно схож с известнейшим персонажем русских сказок. Да и в народе сложилось мнение, что царь – глуп (Нестор Махно. Воспоминания. М.: Республика, 1992. С. 181).

Вот краткое описание событий в эти критические для династии и России дни, полные трагикомизма.

Протопопов до последнего дня лгал царской чете, что все спокойно, а Николай II верил, хотя уже отовсюду поступали сообщения о начинающемся хаосе в столице. Изумительная слепота, безмятежность и преступное равнодушие!

26 февраля вечером телеграмма от Родзянко: «Всякое промедление смерти подобно...» (речь шла о незамедлительном разрешении назначить ответственное министерство или облечь авторитетное лицо диктаторскими полномочиями. – Б.). Николай II, прочитав телеграмму, иронически заметил начальнику штаба Алексееву: «Этот толстяк Родзянко мне написал какой-то вздор, на который я ему даже отвечать не буду» (Мэсси... С. 345). На следующий день «вздор» обернулся братанием солдат с демонстрантами и самороспуском правительства.

27 февраля, после 10 часов вечера, брат Николая II великий князь Михаил Александрович просил царя уполномочить его образовать новое правительство. Через полчаса царь ответил отказом.

В это же время (27 февраля после 10 часов вечера) приходит телеграмма от премьер-министра князя Голицына о немедленном образовании «правительства доверия». И вновь отказ (Миллер... С. 473, 475). Николай II совершенно не понимал происходящего, но, чувствуя, что события в столице могут угрожать безопасности его семейства, засобирался в обратную дорогу.

Начальник штаба генерал Алексеев пытался убедить царя не покидать ставку – бесполезно. Семья была царю дороже России. Бросил ставку (пункт управления фронтами и страной!), армию и трусливо бежал. И еще набрался наглости после отречения записать в дневнике: «кругом измена, трусость и обман». Уж кто трусливо бежал с поля боя – так это сам главнокомандующий император Николай II. У древнеримского императора Веспасиана есть изречение, достойное носителя верховной власти: «Император должен умирать стоя!», то есть иметь мужество в критические для страны минуты использовать все свои властные полномочия для нейтрализации возникших угроз: имея в ставке все рычаги управления, немедленно послать в столицу верные войсковые части (волнениями-то была охвачена одна столица!), назначить там диктатора с неограниченными полномочиями по наведению порядка, разрешению проблем с топливом и продовольствием (были сведения о саботаже определенными инстанциями снабжения таковыми потребителей) и т. п. Армия еще не разложилась, было немало верных монарху частей, готовых прийти ему на помощь. Требовалось только своевременно отдать соответствующие приказы. Но нет! Столица охвачена волнениями, а там – «саншайн»-солнышко-жена с больными детьми, а я все еще тут! Поэтому к черту армию, к черту эту страну – скорей домой! И венценосный дезертир помчался навстречу своей гибели...

Известно, что до Царского Села царь не доехал. Ему дали возможность доехать только до Пскова, где его, уже фактически лишившегося власти, абсолютно дискредитировавшего и себя, и сан свой, и власть в целом, полностью морально сломленного, не пришлось долго уговаривать отречься от престола. Он и отрекся. Без борьбы, без угрызений совести. К чему борьба, к чему переживания, когда на все воля Божия. Нечаянно-негаданно взошел на трон, столь же «неожиданно» потерял его. Не по плечу оказалась ноша. После отречения Николай вернулся в Могилев.

В последний день, 28 февраля, Николай II даже дал согласие на ответственное министерство, но было уже поздно. Власть пала, и никакое ответственное министерство уже не могло ее поднять и защитить. Надо было соглашаться на него еще полтора года назад. Осень 1915 года могла быть переломной в истории России, в отношениях между властью и общественностью, когда оформился блок из наиболее прогрессивных элементов Госдумы и Госсовета, принявших конкретную программу по выведению страны из кризисного состояния и образования «министерства общественного доверия». Большинство в совете министров конца лета 1915 года – это синклит управленцев, глубоко озабоченных катастрофическим состоянием дел в России, горячо желающих решительными действиями вывести ее из трясины экономического и политического кризиса и не желавших далее работать под началом «выжившего из ума» Горемыкина. 14 сентября 1915 года в ставке состоялась встреча Николая II с членами совета министров. «Прогрессисты» обрисовали безрадостную картину внутреннего состояния страны, ознакомили с программой преодоления кризиса на основе изменения курса государственной политики и образования «министерства доверия», которое бы упрочило существующий строй, мобилизовав неисчерпаемый потенциал общественной энергии, заручившись поддержкой торгово-промышленных кругов и т. п. Николай II, во всех новациях усматривавший подкоп под свою власть, предложения блока отверг, «диссиденты» – Щербатов, Самарин, Кривошеин, Харитонов были уволены и заменены послушными воле Горемыкина (Гурко... С. 687–695). Николай II, в очередной раз отбросив костыли помощи, еще более углубил пропасть между властью и общественностью, страна и строй покатались под откос. И вот финал – отречение как результат более двадцати двух лет безответственного и бездарного правления. Может быть, я слишком категоричен в оценке деятельности последнего российского монарха? Вот ответ на этот вопрос современника Николая II С. Булгакова, горячо любившего царя и не представлявшего Россию без него: «...агония царского самодержавия продолжалась все царствование Николая II, которое все было сплошным и непрерывным самоубийством самодержавия... К несчастью, революция была совершена... самим царем, который влекся неудержи-

мой злой силой к самоубийству своего самодержавия... через Ялу, Порт-Артур и Цусиму, чрез бесчисленные зигзаги своей политики и последний маразм войны... в нем не было злой воли, но была государственная бездарность и особенно страшная в монархе черта – прирожденное безволие» (Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 295–297).

И не надо винить своих высокородных дядей, своих генералов, командующих фронтами, якобы изменивших ему в последнюю минуту. Ведь это он довел их своей бесхребетной, бездарной политикой до ненависти к нему и опекаемому им и царицей правительству распутинских выдвигенцев. Генералы, наблюдая в течение многих лет перед собой не царя, а безвольную, беспомощную куклу, не способную в кризисной ситуации к решительным действиям, а, наоборот, еще более своими безрассудными приказами усугубляющую этот кризис, отвернулись от него в надежде, что новые люди выведут страну из катастрофы, в которую он ее вверг. Все горячо переживавшие за династию, фронт, Россию давно советовали ему изменить стиль руководства страной – бесполезно. Слабоволие, слабоумие и безграничное упрямство не позволили прислушаться к советам разума. Своей близорукой и безответственной политикой он сам торил дорогу к общественному хаосу и в конечном итоге – екатеринбургской Голгофе.

Не жаль ни царя, ни царицы, расшатавших устои российской государственности. Жаль их детей, павших жертвой преступной политики родителей, жаль Россию и ее народы, благодаря политике царствовавшей «сладкой парочки» также обреченные пройти дорогами большевистского ада.

Чем мотивировал свое отречение (2 марта 1917 года) Николай II?

- 1) желанием избежать в России гражданской войны;
- 2) желанием удержать армию в стороне от политики, чтобы она продолжала общее дело с союзниками;
- 3) верой в то, что Временное правительство будет править Россией более успешно, чем он (Миллер... С. 499).

Трудно сказать, на каком основании помазанник Божий пришел к выводу, что его отречение поможет избежать гражданской войны. Министр двора Фредерикс, которому Николай II после Александры Федоровны доверял больше других, был категорически против отречения и убеждал царя, что кровопролития не избежать ни при отречении, ни при отказе от отречения (Мосолов... С. 161).

Отречение от армии, народа, России и Бога автоматически вело к хаосу в головах людей, ломке веками сложившихся стереотипов поведения, освобождению от юридических и моральных норм монархического государства, от норм православия и т. п. Церковь в течение веков приучала народ к мысли, что любая власть от Бога. Отрекаясь от власти, помазанник Божий отрекался от божественной санкции на престол, мистической связи, соединявшей его с Богом, совершал тягчайшее клятвopреступление. Русский царь при короновании давал клятву быть царем, судьей и слугой своего народа (царское служение подданным) (Йен Воррес. Последняя великая княгиня. СПб.: Нева, 2003. С. 227), то есть нести крест, возлагаемый на него Господом. Сказал же Христос: «Кто не несет Его крест и не следует за Ним, тот не достоин Его» (Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. С. 131). Отрекаясь, Николай II отрекался от креста божественного служения, возлагаемого на него Богом. Николай II, совершая клятвopреступление, провоцировал подвластный ему народ на игнорирование устоявшихся православных истин, анархический образ поведения. Что и стало повсеместным явлением вскоре после обнародования манифеста. Отречение стало прологом всеобщего неповиновения, ибо авторитет Временного правительства был чрезвычайно невелик. А образование параллельного ему Совета рабочих и солдатских депутатов, обладавшего реальной силой, только усугубило общий хаос. Невежественная солдатская масса по-своему отреагировала на

отречение царя: «Да, мы должны иметь республику, но и хорошего царя во главе...» (Мэсси... С. 358).

Легкость отречения от власти лишний раз свидетельствует о том, что Николай II за все годы императорства никогда не задумывался о моральном долге, возлагаемом на него саном власти, об адекватном поддержании этого сана при любых общественных коллизиях, даже самых катастрофических. Любой император должен знать о превратностях своей судьбы и свою Голгофу встречать по-царски достойно. Как говаривал Марк Аврелий: «...в тебе есть божественное, стоящее выше малодушия...», иначе – император за престол должен бороться до конца или отказаться от него на достойных для себя условиях, но никогда не сдаваться на милость победителя. Николай II сдался и готов был униженно просить потом у Временного правительства разрешения работать даже крестьянином в дальнем углу России (Вырубова... С. 293).

Сегодня немало спекуляций вокруг отречения Николая II. Одни доказывают, что отречения не было, другие – что отречение стало следствием измены генералов и, отрекшись от престола, Николай II предотвратил смуту. Чтобы добраться до истины, вернемся в 22 февраля 1917 года.

22 февраля. Царь осведомлен, что в Петрограде беспокойно, даже ближайшие сановники отговаривают его покинуть столицу. Монарх непреклонен и отправляется в ставку. Любой ответственный правитель на его месте попытался бы приложить все усилия для разрядки социальной напряженности. Но Николай II плюет на все и, оставляя столицу в состоянии брожения, бежит в ставку.

23 февраля. Как будто кто-то ждал отъезда царя из столицы. До 23 февраля забастовки пошли на убыль, были лишь отдельные невыходы на работу. А 23 февраля начались волнения, забастовало до 50 предприятий с 87 500 рабочими (Архив русской революции (далее – АРР. Б.), издаваемый И. В. Гессеном. Берлин, 1922. Т. 4. С. 25).

24 февраля. Бастовало уже до 197 000 рабочих. В центре стали скапливаться толпы народа, власть отказалась стрелять в народ (Хабалов), у казаков не было нагаек, у кого-то патронов. Зато толпа активно избивала полицейских (указ. соч., с. 26–27)... Батарея училищ не имеет снарядов (указ. соч., с. 37). У казаков в казармах конного полка лошади не поены и не кормлены (указ. соч., с. 41).

Вот так Николаша беспокоил о собственной безопасности: у сил правопорядка нагаек нет, патронов нет, снарядов нет, лошади не поены, не кормлены, а он в ставке «козла забивает» и бредит вечной к нему любовью народной...

25 февраля. Телеграмма из Петрограда в ставку о забастовках на заводах на почве нехватки продовольствия. Ставка не реагирует, там еще не осознан смысл происходящего в столице.

26 февраля. Телеграммы из Петрограда от военного министра Беляева и командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова об отказе войсковых частей стрелять в народ, переходе их на сторону народа, о ненадежности петроградского гарнизона. О присылке воинских частей. Телеграмма от председателя Госдумы Родзянко: аресты офицеров, переход воинских частей на сторону народа, просьба о срочной присылке надежных частей.

Начальник штаба ставки генерал Алексеев посылает телеграммы в штабы Северного и Западного фронтов приготовить для отправки в Петроград по бригаде пехоты с артиллерией и бригаде конницы.

26 февраля вечером и 27 февраля утром телеграммы от Родзянко о немедленном увольнении всех министров и формировании ответственного министерства.

27 февраля – приказ генералу Иванову с батальоном георгиевских кавалеров отправиться немедленно в Петроград с неограниченными полномочиями.

27 февраля – 12 часов, звонок от великого князя Михаила Александровича, который передал Алексееву просьбу доложить Николаю II о серьезности положения, немедленном роспуске правительства и формировании ответственного министерства. Николай II выслушал Алексеева и просил передать великому князю Михаилу Александровичу, «что он сам знает, как надо поступить» (АРР. Т. 2. С. 16–17).

27 февраля днем телеграмма от председателя совета министров князя Голицына с тем же предложением, что и от великого князя Михаила Александровича. Алексеев доложил о ней Николаю II, тот прочитал ее и сказал, чтобы более подобных телеграмм ему не приносили, он ничего менять в правительстве не будет и требует лишь немедленно принять решительные меры для наведения порядка, придав предсовмину неограниченные права в этом вопросе (АРР. Т. 2. С. 18). С такими же правами Николай II отправил в Петроград генерала Иванова, то есть назначил двух диктаторов! Царь явно уже утратил смысл событий и адекватную на них реакцию.

Вечером 27 февраля Николай II решил ехать в Царское Село, а перед этим главному Северного фронта отправил телеграмму о немедленной отправке войск в Петроград. Генерал Лукомский (главный квартирмейстер при ставке) пытался решительно отговорить Николая II от поездки в Царское Село, ибо будет утеряна связь с ним и из-за непредвиденности событий в дороге. Лукомский разбудил также больного Алексеева и просил убедить царя отказаться от поездки в Царское Село и уж если ехать, то в Особую армию (составленную из гвардейских частей), на которую можно положиться, а ехать в Царское Село – это катастрофа. Вернувшийся после продолжительного разговора с Николаем II Алексеев сообщил, что царь очень беспокоится за императрицу и детей и потому своего решения не изменит (АРР. Т. 2. С. 19–20). Об императрице и детях прежде всего беспокоился в эти судьбоносные для династии и страны минуты Николай II, а не о династии, армии и стране! В 6 часов утра 28 февраля он отбыл в Петроград. Подло и трусливо сбежал с поля боя!

Вот так Николай II понимал свой долг перед Россией! Не об армии и России он думал в эти грозные дни, а прежде всего о своей семье, а фронт, Россия – катись они к черту! И после такого забвения своего царственного долга, предательства всех и вся – этот венценосный кретин еще осмеливается кого-то обвинять в обмане, трусости и предательстве! А вот другой пример служения долгу. Дядька царевича Алексея матрос К. Г. Нагорный мог спасти свою жизнь, если бы отрекся от Николая II, но не отрекся (!) и был в Екатеринбурге расстрелян за свою верность царю. А Николай II отрекся от Бога, престола и народа. Матрос исполнил свой долг до конца, император подло смалодушничал.

В многочисленных комментариях, посвященных отречению Николая II и явно ему сочувствующих и осуждающих его ближайших генералов за якобы их предательство своего главнокомандующего, клятвопреступление присяги и прочие грехи, почему-то я ни разу не встретил ссылки на настойчивые попытки Алексеева и Лукомского отговорить Николая II от поездки в столь судьбоносные для страны минуты в Петроград, а уж если ехать, то в Особую армию, с помощью которой попытаться восстановить порядок в столице (АРР. Т. 2. С. 19). Какой-то критик осуждает генерала Гурко (заменившего начальника штаба Алексеева на время его лечения в Крыму), не выполнившего требования Николая II в середине января 1917 года о присылке в Петроград кавалерийской дивизии. Гурко запросил командующего Петроградского округа генерала Хабалова, тот решительно ответил, что размещать дивизию негде. Гурко не настоял, Николай II тоже (Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Мюнхен. Т. II, 1949. С. 236). Вот такой уровень требовательности и исполнительности! Уж если ты настаиваешь на присылке кавалерийской дивизии, то доведи дело до конца!

Адмирал Бубнов полагал, что невыезд Николая II из ставки ничего не изменил бы, так как там находилось все в руках начальника штаба Алексеева (Виктор Кобылин. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант Алексеев М. В. (истоки антимоноархиче-

ского заговора). СПб., 1998. С. 265). Как знать?! Безусловно, Николаю II легче было бы руководить подавлением смуты в Петрограде, но и присутствие его в ставке стесняло бы в определенной степени Алексеева. Из ставки он мог непосредственно связываться с командующими фронтами и влиять на ход событий – прояви он волю к борьбе! Но Николай II был больше озабочен судьбой семьи, чем России, и выехал в Царское Село, оказавшись не у дел.

Что стало с отрядом генерала Иванова? 28 февраля он прибыл в Царское Село, оставил солдат в поезде, начал переговоры с начальником гарнизона и комендантом города. Местные воинские части вели себя относительно лояльно (не знали о количественном составе отряда Иванова), и при решительных действиях их еще можно было обратить на помощь режиму. Но таких не было, и скоро местные части окружили поезд Иванова и заставили его уехать в Дно (АРР. Т. 2. С. 21).

Не помогли режиму и пехотные части, прибывшие с Северного фронта. В Луге они были встречены делегатами от местных запасных частей, распропагандированы и объявили, что драться против своих не будут (АРР. Т. 2. С. 20–21).

Тем временем поезд с Николаем II железнодорожники не пропустили, и ему пришлось взять курс на Псков, куда он и прибыл в 19 часов 1 марта. Оттуда в 0 часов 20 минут 2 марта он отправил в Царское Село телеграмму Иванову (которого там уже не было!): «До моего приезда (в Царское Село. – Б.) и доклада мне никаких мер не предпринимать». В эту же ночь – в 1 час ночи 2 марта – Николай II после разговора с генералом Рузским приказал вернуть на фронт все воинские части, которые были двинуты на Петроград для подавления мятежа (АРР. Т. 3. С. 254–255). Эта телеграмма – прямой укор всем, кто обвиняет начштаба ставки Алексеева и его генералов в якобы саботировании отправки приказов Николая II в адрес командующих фронтов о присылке войск в Петроград для наведения порядка. Сам всех отправил обратно! Мотив был, видимо, один: избежать кровопролития. Смалодушничал! Надо было биться до конца! Уж если привык во всем полагаться на Бога, то и в сложившейся ситуации надо было положиться на его промысел: дожидаться подхода всех вызванных войсковых частей и, если они окажут ему поддержку, попытаться одолеть бунтовщиков. И уж если бы и они все перешли на сторону Временного правительства – оставалось только застрелиться, хотя бы ради спасения чести мундира. Перед взором любого императора должен всегда стоять образ спартанки, которая, протягивая щит сыну, отправлявшемуся на войну, напутствует: «Твой отец сумел сохранить его для тебя. Так же и ты: сохрани его или умри» (Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. С. 338). Или, перефразируя: отец сохранил для тебя державу – сохрани ее или умри. Но нет, жалкое чувство беспокойства о судьбе семьи стало выше долга, чести, интересов державы! Поспешил отречься – и сдался на милость победителя. Что может быть позорнее для императора! Царь сам загнал себя и других в цейтнот, в условиях которого принимать адекватные с калейдоскопической быстротой меняющимся событиям решения было чрезвычайно затруднительно. Время для подавления мятежа катастрофически упущено, и на «висячем флажке» истории решения приходилось зачастую принимать чисто импульсивно. Это только будущим летописцам в тиши их кабинетов легко было выявлять плюсы и минусы игроков разыгрываемой трагедии, а каково было самим игрокам под давлением ежедневно поступающей грозной и непроверяемой информации принимать решения?! Поставьте себя на место Родзянко, Рузского, Алексеева. Вот, например, к Родзянко поступают сообщения о движении войск для подавления мятежа. Кто он – мятежник, монархист?! Какова его судьба в случае подавления мятежа? И т. п. Или положение Рузского. Царский поезд заблокирован, в Царское Село его не пропускают, Петроград и Москва охвачены беспорядками, в Петрограде сотни тысяч восставших солдат, войска, посланные на усмирение восставших, братаются с последними, восстание разрастается, что там происходит в действительности – неизвестно, сообщения приходят одно тревожнее другого. Все решают буквально часы и минуты. Как в такой обстановке действовать, что советовать Николаю II и т. д.? Не легче и большому начштаба

ставки Алексееву, который еще дальше удален от места трагических событий. Один приказ противоречит другому: то посылай войска на усмирение, то отзывай их обратно. Ускорить разрешение сложившейся ситуации мог только сам Николай II – он и разрешил ее: пренебрегая священным долгом, отрекся от престола, огульно обвинив еще свое ближайшее окружение в измене, трусости и обмане. Скоротечное отречение еще раз свидетельствует, что Николай II никогда не задумывался о своей божественной миссии, налагаемой бременем царственного служения, никогда не задумывался о драматических ситуациях в истории династии. Хотя бы о событиях 14 декабря 1825 года. Абсолютно схожая ситуация – отношение к долгу. Вот как понимал это отношение Николай I: «Долг!.. Это слово имеет священный смысл, перед которым отступает все личное, все должно умолкнуть перед этим чувством и уступать ему, пока не исчезнешь в могиле» (Николай I и его время. Документы, письма... Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 22). Такое понимание долга, естественно, было несовместимо с отречением, что и засвидетельствовала старшая дочь Николая I великая княгиня Ольга Николаевна, абсолютно схожая с ним по характеру: «Папа стоял как часовой на своем посту. Господь поставил его туда, один Господь был в состоянии отозвать его оттуда, и мысль об отречении была несовместима с его представлением о чувстве долга» (Николай I. Муж, отец, император. СЛОВО/SLOVO. С. 237). Только Господь мог повелеть часовому-императору прервать свой священный долг! Вот как понимали свой долг предшественники Николая II, смело бросая вызов судьбе и менее всего думая о себе и семье.

«Решимость идти до конца и готовность умереть ради долга придавала мне силы среди всеобщей растерянности», – признавался позднее Николай I де Кюстину (Николай I и его время. Документы, письма... Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 7). Об этом историческом дне Николай I вспоминает: «Я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти все, или, пощадив себя, пожертвовать государством» (указ. соч., с. 6).

И в условиях абсолютной неопределенности будущий государь во главе двух преданных полков отправился на подавление восстания, сказав брату Михаилу: «Я или император, или мертв» (указ. соч., с. 7). Вот поступь командора и императора в период смуты! И сравните их с поведением в последние дни царствования мямли Николая II...

Чем оправдывают поступок Николая II его апологеты, не находящие в акте отречения предательства по отношению к Богу, народу и армии? В. Кобылин утверждает, что «невозможно исполнять царского служения Богу, если у подчиненных лиц нет желания и воли сослужить царю» (Леонид Болотин. Царское дело. М., 1996. С. 218). Возникает встречный вопрос: «А почему у подчиненных лиц пропали желание и воля служить царю?» Всей своей предшествующей практикой управления империей Николай II настолько дискредитировал себя, что отбил всякое желание у властной иерархии видеть в нем императора (даже члены династии проявляли крайнее неудовольствие его методами управления и склонялись к мысли о его замене), и потому генералы, когда узнали об его отречении, не проявили ни малейшего желания защищать эту безвольную куклу в царских одеяниях, ибо полагали, что хуже не будет. Настолько он им опостылел своей неспособностью навести порядок в стране, разрешить проблемы вооружения, продовольствия, топлива, обуздать думское фрондерство в условиях войны; опостылел своей постоянной готовностью бросать плохо вооруженную, неподготовленную армию по первому требованию союзников в немецкую мясорубку. Надеялись, что новая власть будет более решительной и твердой, более внимательной к нуждам армии и народа. И потому никто из генералов, за исключением единиц, не кинулся на помощь «сослужить» застрывшему в Пскове монарху. И не надо лукавить, что «Николай II предпринял с 23 февраля по 2 марта все возможные попытки для восстановления законности и порядка в стране... и думал в первую очередь не о себе и своих близких, но о русском народе» (Болотин... С. 219). О ком думал Николай II до этих дней и в течение этих дней – сказано выше. Особого рдения

у Николая II о русском народе никогда не было. Если бы таковое наличествовало, то не было бы ни Русско-японской войны, не впутался бы и в Первую мировую.

Несостоятельна и попытка апологетов Николая II возложить на весь русский народ вину в предательстве своего царя, требуя от него покаяния за гибель монарха (Михаил Назаров. Тайна России. Историософия XX века. М.: Русская идея, 1999. С. 693–694). «Кровь его на нас и детях наших... вся современная злодеянию Россия несет на себе вину цареубийства: те, кто не были пособниками, были попустителями!» (Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М., 2000. С. 450) – гремят они. Каяться можно только за грехи. Но в чем провинился народ пред Николаем II в дни его отречения? Когда царь отрекался от престола – он совета у народа не спрашивал, и народ об его отречении осведомлен не был. И почему пребывавший в неизвестности народ должен был броситься на защиту отрекшегося царя, который к нему любви не испытывал и который в течение 22 лет правления своими методами руководства только расшатывал державные скрепы, дискредитируя себя, власть и вызывая нарастающее чувство ненависти?! Это Николай II, угробивший державу, должен вечно каяться перед народом за свои неисчислимые пред ним грехи! И совсем уж издевательски в оправдание Николая II его апологетами озвучивается сон митрополита Московского Макария: «Государь взял вину русского народа на себя, и русский народ прощен» (Михаил Назаров. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004. С. 150). Нет смысла комментировать подобные спекулятивные суждения, Бог им судья. Но пытаться взваливать на русский народ все грехи своего безответственного, бездарного и, не побоюсь сказать, преступного правления – бездоказательно и абсурдно! Нет никакой вины русского народа в безграмотном руководстве империей Николая II! И он никогда не будет каяться за грехи идиота Николая II, ибо каяться за идиота может только идиот. И только благодаря коронованным дуракам (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 42) типа Александра III и Николая II Россия и ее народы пережили и переживают до сих пор неслыханные беды.

Отрекшегося от престола Николая в Царское Село не пустили, он возвратился в Могилев.

Наивной была вера Николая II в то, что в случае его отрешения удастся удержать армию от политики. Отречение царя в армии солдатской массой было не понято и произвело деморализующее действие – одни солдаты при зачитании манифеста об отречении плакали, другие отказывались присягать Временному правительству и требовали убрать с полковых знамен императорские вензели (Головин Н. Н... С. 343). С отречением Николая II оборвалась мистическая связь между царем и Богом, своим отречением царь противопоставил себя Отечеству, народу и армии. Генерал Келлер: «3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от престола. Прикажи, придем и защитим Тебя» (Кобылин... С. 431). Генерал Шкуро: «Драгуны, казаки и гусары готовы были идти на выручку императору» (Кобылин... С. 431). Генерал Иванов (командующий Юго-Западным фронтом): «Самое величайшее бедствие – это отказ царя от царства... войска на фронте стоят спокойно, брожений не было» (Кобылин... С. 331). Многие командиры хотели спасти императора, кроме него самого! С отречением в головах людей началась смута, потеря ориентиров, резкое падение дисциплины, массовое дезертирство с фронта и отказ солдат идти на фронт. В считанные недели фронт покинули около двух миллионов солдат (Головин... С. 353). К марту 17 года армия была уже политизирована и заражена, особенно Центральный и Северный фронты, антицаристскими настроениями, вызванными постоянными военными неудачами предшествующих лет, закономерно связывая их с бездарным руководством страной царя, царицы и их бестолковых министров. Антимонархические настроения подогревались и антимонархической литературой, гулявшей среди воинских частей. Недалекий Николай II запретил в армии иметь агентуру, которая бы выявляла разносчиков разложенческой заразы, подрывавшей дисциплину и авторитет власти (Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. С. 19). И в канун отречения фронтовые части внутренне были готовы к свершению переворота. Поэтому было довольно

затруднительно выделить среди них готовых к защите прогнившего строя. Есть мнение генерала Лукомского, что для подавления восстания необходимо было ехать в Особую армию, снимать с фронта надежные части и только после этого попытаться силой оружия навести порядок в столице и в Москве. Но для этого пришлось бы оголить фронт, что было немыслимо без заключения позорного мира, на который Николай II никогда бы не пошел (Германия дважды предлагала Николаю II почетный мир, но он отказался – интересы Франции и Англии ему были дороже России (Жевахов... Т. 1. С. 91)), да и времени потребовалось бы немало – около двух недель. За это время революция успела бы перекинуться и на фронт, и в центральные губернии без явных перспектив ее подавления (АРР. Т. 2. С. 22). Николаю II не хватило решительности для продолжения борьбы за власть, кровопролитию он предпочел отречение, оно стало тем импульсом, который вызвал общий разброд в солдатских умах и ускорил падение воинской дисциплины, братание, дезертирство и прочие язвы разложения. Только умственный дегенерат мог допустить мысль, что с самосложением с себя всех полномочий монарха армия, уставшая от многих поражений, истекающая кровью, армия – опора трона – проникнется вдохновением и с еще большей самоотдачей начнет исполнять союзнический долг – спасать союзников, отвечавших только изменой. Известно, например, что английские спецслужбы принимали активное участие в организации беспорядков в канун Февральского переворота (Миллер... С. 524). Запасные солдаты (двести тысяч! – Б.) петербургского гарнизона получали с конца 1916 года до конца февраля 1917 года по 25 рублей ежедневно из революционного фонда (Кобылин... С. 172). Посол Англии Бьюкенен у себя часто собирал «прогрессистов», готовя заговор против царя, выступление было назначено на 22 февраля 1917 года (Кобылин... С. 172). Вырубова: «Николай II заявил мне, что он знает, что английский посол Бьюкенен принимает деятельное участие в интригах против их величеств (царя и царицы) с участием великих князей в его посольстве; что он намерен послать телеграмму королю Георгу с просьбой воспретить английскому послу вмешиваться во внутреннюю политику России. Просить же об отзыве посла было бы слишком “резко”, по выражению его величества» (Кобылин... С. 214). И это реакция царя на заговор против него! Петр I головы бы поотрубал такому послу и его собеседникам, а Николаша-размазня не находит адекватного ответа злоумышленникам, посягнувшим на царя. В это же время английский министр снабжения не скрывал радости по поводу того, что «под грохот германских пушек рушатся тысячелетние оковы русского народа» (Алферьев... С. 97). Сильная монархическая Россия им была не нужна. Предупреждал же германский кайзер Николая II, что «лондонским бакалейщикам» доверять нельзя! Нельзя было доверять и «галльским петухам». Вскоре после окончания мировой бойни в Париже великий князь Александр Михайлович хотел встретиться с главами союзных государств. Премьер-министр Франции Клемансо отказал в приеме, Англия не дала визы для встречи с сестрой императрицы Марии Федоровны – вдовствующей королевой Александрой. Его попытки убедить бывших союзников вмешаться в гражданскую войну в России успеха не имели. Всем было не до России. «Союзники» готовились к конференции победителей, Россия выпала из их игры и никого не интересовала. Она нужна была, когда враг стоял под Парижем. С тех пор лицемерная политика Запада к России не изменилась ни на иоту.

Итак, престол брошен, армия и народ тоже. Пора отправляться к семье, где больные дети. Но прежде чем оставить ставку, здесь же, в Могилеве, происходит последняя встреча уже обывателя Николая со своей матерью Марией Федоровной. Встреча во многом символическая, дорисовывающая последний штрих в портрет последнего российского царя. Мать рыдает, сын молча стоит, курит, смотря себе под ноги (Скотт... С. 250): провинившийся великовозрастный недоросль – набедокурил и просит прощения у матери, много раз предостерегавшей о гибельности внутренней и внешней политики его для династии и России. Не внял. Недорослем возшел на престол, недорослем его бросил. Ничему не научился, ничего не понял. И вот финал, правда, еще не окончательный, окончательный будет в Ипатьевском доме в Екатеринбурге.

В гибели династии Романовых виноват не только Николай II, ответственность ложится и на весь царствующий дом, представители которого в течение многих лет были свидетелями безответственного руководства империей царствующей четы. Делали правильные выводы, что подобное руководство грозит гибелью династии и России. Но дальше этого не шли. Подошли к краю пропасти – и замерли, словно парализованные разверзшейся у ног бездной. Мобилизоваться бы, объединиться единой волей и решиться на замену никудышного правителя, как их более решительные предки в лице Екатерины II или Александра I. Ведь даже народ подсказывал им выход: летом 1915 года решительно настроенная толпа на Красной площади в Москве требовала отправить царицу в монастырь, а главнокомандующего великого князя Николая Николаевича провозгласить Николаем III (Мэсси... С. 274)! Не прислушались к «Божьему гласу», не мобилизовались, не объединились во спасение себя и России. Да и кем можно было заменить «второго Федора» на престоле? Брат Николая II великий князь Михаил Александрович, ближайший претендент на престол, был такой же нерешительный и безвольный, абсолютно неподготовленный к роли монарха. Наиболее перспективной фигурой был главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, но протопресвитер Г. Шавельский такую дает ему характеристику: «Великому князю Ник. Ник. в острых ситуациях не хватало решительности, очень дорожил своей жизнью, не хватало ему патриотической жертвенности» (Кобылин... С. 97). Великий князь был популярен в войсках, хотя был излишне религиозен, что предполагало послушание. На стенах его спального купе висело двести икон (Мэсси... С. 256), а среди глубоко верующих людей редко встречаются борцы с Божьими помазанниками. И когда незадолго до гибели империи ему предложили трон, он отказался. Другие кандидатуры были еще мельче. Неспособность династии выдвинуть из своей среды достойную замену Николаю II свидетельствовала лишь об одном – моральном вырождении ее, особенно мужской линии.

С Александра II начинается понижение у царственных особ и их ближайших родственников морально-волевых характеристик. Русские цари не обременяли себя университетским образованием, не было его и у Александра III, не дал он такового и сыну Николаю. Около Александра II стояли рослые красивые немцы и русские с прогрессивными взглядами и высокой честностью. Александр III приблизил грубоватых, как он сам, не особенно знатных и богатых, не имевших на него влияния. Старые свитские генералы отстранились от двора, как окружение Александра III отстранилось от Николая II (Обнинский... С. 28).

Свита Николая II изменилась к худшему. Порядочным людям оставалось только отойти от двора, их место заняла молодежь, во всем согласная с царем. А он от одной бестактности шел к другой, еще худшей. В первые два месяца царствования Николая II все земства в своих адресах ему высказывались за неотложность коренных реформ во всем строе русской жизни (Обнинский... С. 29). 17 января 1895 года он ответил «бессмысленными мечтаниями».

Для морального облика Николая II характерны душевная черствость и даже цинизм. Как известно, в день ходынской трагедии он принял участие в торжественном приеме, устроенном французской правительственной делегацией по случаю его коронации, хотя из чувства элементарного такта он должен был запретить проведение любых торжественных мероприятий в этот и ближайшие дни. Моральная деградация Николая II и его окружения постоянно нарастала, достигнув апогея в февральские дни 1917 года. Как промежуточный этап в этой тенденции необходимо рассматривать желание Николая II поохотиться после панихиды по Макарову или его реплику на разгром при Цусиме: «Я смотрю на это как на укусы блохи!» (Обнинский... С. 84, 86). Что и дало английскому премьеру Ллойд Джорджу вынести вердикт Николаю II и всей господствующей системе: «Корона без головы... Россия – прогнивший ковчег» (Мэсси... С. 391). И потому неудивительно, что при таких морально и умственно недееспособных правителях империя в считанные часы рухнула, уступив место политикам столь же политически малограмотным и аморальным, но безмерно амбициозным. Начался второй акт российской трагедии – с Временным правительством во главе. Но прежде чем закрыть страницу о Николае

II и перейти к эпохе Временного правительства, коротко остановимся на причинах падения империи. Основные причины – политические:

- 1) запаздывание с политическими реформами;
- 2) нежелание идти на компромиссы с оппозицией;
- 3) недопустимый либерализм относительно социалистических уголовников всех мастей, начиная с 60-х годов XIX века;
- 4) авантюризм дальневосточной политики и недальновидность политики европейской;
- 5) личностные характеристики последнего императора – слабование и политическое слабоеумие, выразившиеся в абсолютизации союзнического долга в ущерб династическим и национальным интересам, в отказе заключить сепаратный мир с Германией, недопустимо слабом контроле за деятельностью правительства и формировании его на основе личной преданности, а не профессионализма; уходе от активной политической деятельности в последние два месяца нахождения у власти.

К вопросу о святости Николая II

Имеет смысл рассмотреть вопрос о причислении в 90-е годы XX века Московской патриархией последнего царя к лику святых. Достоин ли он этого?

Религиозная и справочная литература так определяет признаки святости. «Святые были такие же люди, как мы. Многие пришли от больших грехов, но покаянием достигли Небесного Царства, где пророки, мученики, подвижники... Святые живут в ином мире... Святой одержим послушанием, он беспредельно предан воле Божьей, лишен тщеславия, мирных сует и т. п.» – схимонах Силуан (Настольная книга священнослужителя. М.: Издание Московской патриархии, 1978. Т. 2. С. 673–688).

В. Даль: «Святые – это непорочные и угодные Богу люди, праведно жившие и поступавшие по законам Божиим, безгрешники... мученики, убитые за веру» (Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык. Т. 4. С. 161).

«Святые – праведники, подвижники, посредники между Богом и людьми, наделенные даром чудотворения; заступники и молитвенники за людей, пророки, мученики» (Атеистический словарь. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1983. С. 437).

В подобном же духе о святых высказывались Тертуллиан, Августин и прочие церковные авторитеты. Если резюмировать эти высказывания, то человек, впоследствии канонизированный как святой, выступает для мирян в качестве моральной опоры, земная жизнь его была примером служения Богу и его заповедям, при исполнении которых он претерпел разного рода муки, обрел дар чудотворения, праведной жизнью заслужил быть посредником между Богом и людьми, их заступником и молитвенником, наделенным даром провидения. Святые нравственно очищали заблудших, вручали им нравственный посох в повседневной жизни, в отношениях с людьми, давали возможность отличить добро от зла, совершать богоугодные поступки. После общения с ними человек возвышался духом, морально креп и готов был повторить подвиги своих святых наставников. Жуткая практика лагерей смерти показывает, что верующие более достойно переносили нечеловеческие условия существования в них в сравнении с неверующими, атеистами и мужественно шли навстречу смерти. Совсем свежий пример такой мученической смерти за веру явил рядовой Родионов, попавший в плен к чеченцам в первую чеченскую войну (1994–1996). За отказ снять с себя крест и отвергнуться от православия с него живого содрали кожу. Причислен к лику святых. А какие муки за веру претерпел в жизни Николай II? Кого нравственно наставлял? Какие явил чудеса или пророчества? Или праведно жил? Претерпевал ли муки морально-духовные по неустроению государства? Пытался ли дух свой возвысить и морально укрепиться? Бог дал ему возможность совершить подвиги на государственном ристалище – где они? Одни поражения. Много молился, но тверд духом не стал. Мало молиться по несколько раз в день, необходимо еще в ежедневных деяниях оправдывать свое божественное избранничество и предназначение, быть достойным помазанником Божиим. Вся жизнь Николая II протекала вопреки канонам святости. Бог вручил ему могучую державу. И вместо того чтобы прирастить ее могуществом, он все ее устои расшатал. С первых дней царствования душил ростки гражданского общества. Испытанный дьяволом, соблазнившись легкой победой над «макаками», ввязался в дальневосточную авантюру, провалы которой проросли метастазами гражданской войны 1905–1907 годов, в которой едва уцелел. Согласившись с испугу на образование Думы и даже коалиционного правительства, в дальнейшем благодаря династической спеси и малоразумию наотрез отказался с ней сотрудничать. Вопреки христианским заповедям, испытывал зависть к подлинно государственным мужам, своим авторитетом обрекавшим его на нахождение в тени их фигур. А потому при первой возможности избавлялся от них – в ущерб короне и государству. Благополучие последнего его мало интересовало. Иначе бы не бросил совершенно не подготовленную страну и армию

в пучину Первой мировой войны. Хотя близко стоящие к нему авторитетные люди предупреждали, чем это может кончиться для него и империи. Безграничное упрямство одолело доводы разума. В итоге под тяжестью им же посеянного хаоса малодушно отказался от престола, хотя в таинстве миропомазания на царство содержался принцип служения Богу, народу и государству. Отрекаясь от престола, малодушно разрывая мистическую связь с Творцом, Николай II отрекался от служения Богу, отечеству, народу и армии. В акте отречения он трусливо предал все высшие принципы российского державостроения. И этого труса, всю жизнь прожившего в свое удовольствие и никогда не испытывавшего мук созидания, никогда не истязавшего себя постами и не изнурявшего себя работой по возвышению духа своего во благо отечества, развалившего державу и предавшего всех и вся, высшие иерархи современного российского православия приобщают к лику святых. Свой поступок оправдывают злодейским убийством Николая и его семьи. Злодеяние было. Но до убийства его никто не пытал, на костре не жег, отказаться от веры не требовал. Вот если бы его пытали, требуя отказаться от веры, как солдата Родионова, а он бы мученически перенес все пытки и от веры не отказался – вот тогда бы он заслужил право быть причисленным к сонму святых. А то был убит наповал первым же выстрелом, после чего уже и жгли, и рубили и т. д. Но мертвому это не больно. Огнепоклонники тоже жгут всех умерших или убитых. И сегодня многих после смерти сжигают в крематориях, но никто же их к лику святых не приобщает.

Николай II сам торил дорогу к своей Голгофе, и за издевательство над его трупом еще нет оснований почитать его как святого. При жизни он должен был испытывать величайшие муки и совершать подвиги. А их не было. Поэтому его канонизация как святого носит чисто спекулятивный характер. Да и кто канонизирует его? Иерархи, запятнавшие себя в течение десятилетий в тесных связях с богоборческой властью, которые клянут эту власть сегодня, хотя при ней жили припеваючи. Могут ли эти иерархи, вопреки Христу торгующие сегодня с разрешения властей водкой и табаком, тем самым способствуя вымиранию населения и попирая церковные каноны, иметь твердые принципы и иметь моральное право кого-либо канонизировать как святых?! По-заячьи тряслись при советской власти, сотрудничая с КГБ, за веру мученически не страдали, то есть вели себя лицемерно, фарисейски. Поэтому душу труса хорошо понимали, потому и канонизировали морального труса Николая II в расчете на свою будущую канонизацию. Как же, подвиг совершали, возводя труса в облик святого! И потому правы представители Русской зарубежной церкви, отказываясь от признания Николая II святым. А мотивация ими своей позиции убийственна: «... последнее царское правление состоит из мучительной цепи ошибок и непонимания религиозной цели своего царского правления; Николай II не следовал путями Бога; пребывал в прельщенности внешним благополучием; монарх, не имевший нужной веры и не бывший примером веры, не захотел собрать церковный собор» (Архиепископ Иоанн Шаховской. Вестник русского христианского движения. Париж, Нью-Йорк, Москва, 1990, № 159. С. 234), хотя группа архиереев РПЦ трижды зывала к нему об этом с 1903 по 1912 годы (Династия Романовых в письмах митрополита Филарета. М., 1999. С. 78). «... Грязь Распутина, лившаяся на престол царский, – это явление духовного блудодеяния, в которое был введен царь; кроме мучеников за Христа, никого не надо прославлять; царь Николай Александрович – не исповедник и не мученик, и его «Дневник» и «Письма императрицы» свидетельствуют, сколь несоответственен был он своему положению и своей ответственности; помазание св. миром есть усугубление ответственности, а не провозглашение святости человека в Церкви; причисление к лику святых Николая II (отрекшегося от российского престола своих отцов под общественным давлением группы политиков) искривляет само понятие святости (Архиепископ Иоанн Шаховской. Вестник Русского христианского движения. Париж, Нью-Йорк, Москва, № 159. С. 236, 240–241). В этом же ключе мыслит и служитель отечественного культа митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай: «По моему мнению, вопросу о канонизации бывшей царской семьи мы посвящаем слишком много времени. Представьте

себе, человек в здравом уме, в твердой памяти отрекается от армии, государства, от церковного миропомазывания, практически отрекается от своего народа...» (Династия Романовых в письмах... С. 76).

Вот объективная оценка двадцати двух лет деяний последнего Романова. Не может быть святым святотатец.

Социалистическая чума

С 25 октября 1917 года и по 20 августа 1991 года в России власть принадлежала большевикам-коммунистам. Этот период отечественной истории официально именовался эпохой социализма, «воплотившего в жизнь вековую мечту человечества о справедливом государстве. В нем все принадлежало народу» (Советская Россия. 05.04.2007). Действительно ли эта эпоха воплотила вековую мечту человечества о справедливом государстве, в котором все принадлежало народу, и каковы истоки этого русского «государства-солнца»? Почему, несмотря на столь чудовищные жертвы в течение десятилетий, невиданные в истории, этот колосс рухнул в считанные часы? Возникают вопросы и к предшествующей политико-экономической формации: какие аспекты внутренней и внешней политики самодержавия способствовали историческому наращиванию социалистами идеологического и политического потенциала? Почему в течение продолжительного отрезка времени самодержавие не смогло обезвредить смертельное для династии и России политическое движение?

Сказать, что полицейский аппарат самодержавия не проявлял интереса ко всякого рода кружкам или дворянским посиделкам, было бы искажением истины. Власть пристально интересовалась и славянофилами, и западниками, и тем более чуждыми органической почвы социалистами. Правда, слишком увлекшихся наказывала весьма либерально: отеческим внушением или ссылкой в какую-нибудь не столь отдаленную от столицы губернию, чтобы, окунувшись в толщу народной стихии, идеологически оздоровились, поняв неадекватность своих горячечных теорий незамысловатым потребностям православного люда, при общении с которым лишний раз убедились бы, как они далеки от народа. Одним подобная педагогическая профилактика пошла на пользу, другие же еще более заматерели в своих убеждениях, посчитав подобное обхождение с ними неоправданным насилием над личностью. Жаль, эти вольнодумцы 30–40-х годов XIX века не дожили до воплощения своих идей, когда отклонение от официальных истин стало караться «перековкой» в ГУЛАГе или девятью граммами свинца в ближайшем чекистском подвале. Да и «перековка» для многих оканчивалась небытием.

Но вернемся в век XIX, с началом которого Россия споткнулась о вопрос «Куда идти?». Французская революция привела в движение не только континентальную Европу, но и впадшую в дремоту после пугачевского восстания крепостническую Россию. В нее устремился громадный поток эмигрантов из различных слоев французского общества, не пожелавших испытывать судьбу в захлестнувшей родину резне. Наряду со скарбом они привезли и новые взгляды, новые веяния европейского общества, вызвавшие среди российского болота рябь либеральных начинаний Александра I.

Освободительные походы русской армии в Европу взбаламутили общественную жизнь России. Вдохновленные европейскими свободами наиболее образованные и критически настроенные офицеры-дворяне по возвращении в национальные «конюшни» возжаждали того же. Русский крестьянин в солдатской шинели массово соприкоснулся с бытом Западной Европы, тоже проникнувшись свободолобивыми настроениями. Декабрист А. Бестужев констатирует: «Войска возвратились с лаврами на челе, но с французскими фразами на устах» («Их вечен с вольностью союз». Литературная критика и публицистика декабристов. М.: Современник, 1983. С. 57). Принесших волю народам Европы родина встретила старой помещичьей неволей. Послышался ропот: «Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа» (указ. соч., с. 205). Низы захотели свободы от векового рабства, дворяне-командиры посягнули и вообще на святое – корону, низринуть царя-батюшку. Общество пришло в движение. Сначала умственное, затем и политическое. 14 декабря 1825 года восстала императорская гвардия. Разгром восстания показал его историческую преждевременность. Но оно не прошло бесследно. Поле общественного сознания проросло разнородными всходами. Стол-

бовая дорога российской истории расстроилась – образованный барин, не лишенный раздумий о судьбах родины, уперся в «трехполье»: Запад, Восток и дорогу в неизведанную яркомиражную даль – социализм. А Илья Муромец, подгоняемый припудренным бичом официальной идеологии («самодержавие, православие, народность»), поплелся проторенной дорогой, обрстая по пути буржуазными доспехами, искушаемый социалистическими sireнами о предпочтительности общества всеобщего благоденствия, где труженик – кузнец собственного счастья, хозяин своей судьбы.

Теория официальной народности

Восстание декабристов стало мощным толчком для возникновения и развития трех вышеуказанных социально-политических течений, индикатором, показавшим, что в недрах господствующего уклада общественной жизни России зреют те же процессы, которые привели к Великой французской революции. На вызов декабристов, по Ф. Глинке, «разгулявшихся рыцарей» (Глинка Ф. Н. Письма к другу. М.: Современник, 1990. С. 8), династии требовалось дать ответ, который бы указывал на ложность избранного путчистами пути обновления общественного организма, на то, что власть российских царей покоится на таких гранитных основаниях, как православие и народное доверие, которым не страшны кавалерийские наскоки любых рыцарей. Так родилась теория официальной народности, автором которой был министр народного просвещения граф С. Уваров и сущность которой выражалась формулой «православие, самодержавие, народность». Эта сугубо охранительная идеология увидела свет в 1834 году, ранее социалистического и славянофильского учений, оказав влияние на то и другое. Поэтому у социалистов и славянофилов встречаются положения, рожденные в лоне официальной народности. Это и страх пред буржуазным Западом с его антагонизмом (поляризация общества на классы с борьбой между ними и пр.), и отрицание буржуазного образа жизни с такими его атрибутами, как конституция (Погодин М., в кн.: Китаев В. А. От фронды к охранительству. М.: Мысль, 1972. С. 29), и предназначение России спасти другие народы (Погодин М., в кн.: Плеханов Г. Очерки по истории русской общественной мысли XIX века. Петроград, 1923. С. 51, 54). Вплоть до таких деталей, как совет образованной части дворянства «уплатить дань» народу (высказано С. Шевыревым на лекциях 1844–1845 академического года) – передать ему знания, повторенный впоследствии Лавровым (Шевырев С. История русской словесности. СПб., 1887. Ч. 1 и 2. С. IX). Или идентичный взгляд на веру как основу народной жизни, без которой «человек – мертвец духом», у представителей официальной народности (указ. соч., с. VIII) и у славянофилов, для которых вера является высшим методом познания (Баскаков В. Социологические воззрения В. Г. Белинского. Московский рабочий, 1948. С. 119). Те и другие сходились еще в одном существенном пункте: в общественной жизни России отсутствовал элемент внутренней борьбы (Плеханов. Очерки по истории русской общественной мысли... С. 33). И. Аксаков: «...в России между народом и властью нет антагонизма, западный конституционный строй пронизан им» (Аксаков И. Сочинения. М., 1886. Т. 2. С. 21). Синкретический образ уваровской доктрины, существенной частью вошедший в арсенал славянофилов и русских социалистов всех оттенков, дал поэт В. А. Жуковский: «Россия – ковчег спасения, который необходимо отгородить китайской стеной от всеобщей заразы (буржуазного Запада. – Б.), чтобы спасти самобытный мир» (указ. соч., с. 55). Отметим основные черты уваровской теории:

- страх пред буржуазным Западом;
- Западная Европа – больное общество, труп (Баскаков... С. 87);
- отрицание конституции, парламента;
- мессианиззм;
- образованное дворянство должно «уплатить дань» народу – передать ему знания;
- изоляционизм;
- вера как основа народной жизни;
- отсутствие классовой розни в обществе;
- социологический субъективизм.

Славянофилы

История славянофильства начинается с 1839 года, и своим рождением оно обязано А. Хомякову и И. Киреевскому, обозначившим новое учение в ответе П. Чаадаеву в статьях «О новом и старом» (Хомяков А. С. О новом и старом. Статьи и очерки. М.: Современник, 1988) и «В ответ А. С. Хомякову» (Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979) соответственно. Чаадаев в «Философических письмах» поставил вердикт истории России: «Прошлое России бесполезно, настоящее тщетно, а будущего никакого нет». Чаадаев доказывал превосходство католичества над православием, утверждая, что русская история пуста и бессмысленна и единственный путь спасения для нас – полнейшая европеизация (Записки А. И. Кошелева. Изд-во Московского ун-та, 1991. Ч. 1. С. 90). Славянофилы (костяк Хомяков, братья Иван и Константин Аксаковы, братья Иван и Петр Киреевские, Кошелев, Ю. Самарин) ответили: надежда есть, если Россия пойдет своим самобытным путем, не подражая «гнилому» Западу, опираясь на общину, сохраняя и развивая ее положительные потенции и развивая все положительное в Русском государстве допетербургского периода, и все это в лоне христианской веры, – тогда Россия станет примером нравственного возрождения для всего человечества (из выше-названных статей Хомякова и Киреевского). Из этих суждений нетрудно сделать вывод: славянофильство родилось как антитеза увлечению Западом. Содержание славянофильства дополняет Кошелев: «Мы не отвергали всех приобретений Запада... но находим необходимым все пропустить через критику нашего собственного разума... Мы признавали самую существенную нашу задачу – изучение самих себя в истории и в настоящем быту... Мы стояли не за обветшалое, не за мертвящее, а за то, в чем сохранялась жизнь действительная. Мы восставали не против нововведений, успехов вообще, а против тех, которые не имеют у нас корня... мы были самыми усердными поборниками освобождения крестьян с землей и деятелями в земских учреждениях... Мы стремились быть не обезьянами, не попугаями, а людьми русскими» (указ. соч., с. 90–92).

В социальном аспекте славянофильство было представлено богатыми дворянами, выступавшими за просвещенный абсолютизм, отмену крепостного права сверху, активно участвовавшими в подготовке манифеста от 19 февраля 1861 года. Наряду с защитой явно консервативных сторон общественной жизни они внесли и немало положительного в развитие политической мысли России, смело подвергая критике многие негативные стороны российской действительности, выдвигая требование свободы мнений, выступая против безоглядного увлечения модными западными теориями. Этой стороной своей деятельности славянофилы внесли определенный вклад в общий процесс либерализации общественных отношений современной им России, оказывая положительное воздействие на представителей иных политических течений. Так, со слов Белинского, славянофилы и М. Бакунин помогли ему избавиться от мистической веры в народ, что привело его в конце жизни к более реалистической оценке социализма и будущности России (Белинский В. Г. Письма. СПб., типография М. М. Стасюлевича. Василеостровская 5-я линия, 28, 1914. Т. III. С. 338, 339).

Славянофилы обличали крепостнические порядки в России, одновременно видели пороки капиталистического развития Западной Европы и выпустили немало ядовитых стрел против буржуазных язв, в целом выступая против капиталистического мироустройства, хотя не были против буржуазных свобод – гласности, свободы собраний и т. д. Будущее устройство России не мыслили без помещичьей собственности, свободных крестьян-землевладельцев, доброго царя-батюшки и всесословной совещательной Думы. Эволюционное развитие подобных институтов впоследствии при дальновидной политике представителей царской династии необходимо привело бы к образованию конституционной монархии, что и случилось в начале XX века. Однако с образованием некоторых институтов, которые бы способствовали стабилизации

ции политических и экономических констант российского общества, корона катастрофически запоздала, что и привело к перегреву социального котла и к преждевременному обрушению всего российского государственного каркаса.

У туземников, или самобытников, как предпочитали называть себя славянофилы, была неподдельная любовь к России и русскому народу, они имели мужество смело отстаивать свои взгляды. Так, например, осенью 1855 года на стол Александру II легла «Записка», в которой обличались угнетательная политика правительства, крепостничество, повальное взяточничество, ложь и т. п. Автором «Записки» был Константин Аксаков (Аксаков К. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 5).

40–50-е годы XIX века – годы наибольшей популярности и активной деятельности туземников, когда острой проблемой общественных дискуссий была проблема крепостничества – основного тормоза общественного развития страны. Они пробуждали общественную мысль в мрачную николаевскую эпоху – вот пример самоотверженного труда на ниве служения Отечеству, будили общество для борьбы с собственными недостатками и немало содействовали на этом пути его демократизации, смягчению нравов. А ведь тоже могли эмигрировать, будучи богатыми, и вместе с Герценым «колоколотить», призывая Русь к топору! Последний (1850 год), кстати, полагал, что социализм – это мост, на котором социалисты и славянофилы могут подать друг другу руки (Записки Кошелева... С. 39). Но если община и была центральным пунктом в мировоззрении тех и других, то роль ее была различна. У Герцена она – основа для социалистического переустройства общества, у славянофилов – условие во избежание пролетариата (указ. соч., с. 39).

Таким образом, узловыми пунктами славянофильства будут:

- 1) крестьянская община – основа будущего возрождения России;
- 2) идеализация русского народа, «цельность и разумность – атрибуты русской народной жизни» (Аксаков И. С. ПСС. М. Т. VII. С. 777);
- 3) противоположность исторических путей развития России и Запада (указ. соч., с. 33);
- 4) характеристика Запада как «больного», отрицание буржуазной демократии с ее атрибутами – конституцией, парламентом (Аксаков И. С. ПСС. М., 1886. Т. V. С. 30; ПСС. М., 1886. Т. II. С. 637);
- 5) отсутствие классовой розни в российском обществе;
- 6) примат православия в общественном сознании как основы общественной стабильности;
- 7) вера в царя как народного заступника;
- 8) панславизм (позднее славянофильство), только Россия спасет славянский мир (Аксаков. ПСС. Т. VII. С. 90, 94);
- 9) мессианство;
- 10) схема политического устройства России по И. С. Аксакову: царь – земский собор (совещательный) – самоуправляющиеся уездные земства, или: царю – власть, земле – мнение, или: монархия вверху, республика внизу (Аксаков. ПСС. Т. V. С. 57, 85, 171, 175, 253);
- 11) социологический субъективизм.

А. И. Герцен

О процессах естественно-исторического развития российского общества до октября 1917 года рассказано много, не будем повторяться. Поэтому, чтобы понять коллизии нынешней России, есть смысл акцентировать внимание на некоторых аспектах отечественной социалистической мысли дооктябрьского периода, которые в советскую эпоху широко не афишировались. А потому пристальнее всмотримся в исторически крепнувший голос сирен отечественного социализма, в конечном итоге сумевших обворожить обитателей российского корабля, убедить ринуться в их объятия и привести к катастрофе, продолжающейся и по сей день. Не обойтись без хрестоматийного: декабристы разбудили Герцена, Герцен разбудил разночинцев и т. д. Начиналось с пустяков, с теорий-рассуждений в кабинетной тиши дворянских усадеб, упитанные хозяева которых вдруг озаботились судьбами страждущего Ивана и всего человечества. Наиболее образованных и критически-романтически настроенных представителей сословия, в течение столетий бывшего опорой престола, поразила вирус социализма. Насмотревшись в зарубежных поездках на коллизии современного им буржуазного Запада, начитавшись модной западной литературы социалистического толка, они стали примерять социалистическое платье к российской действительности. Почвой для подобной подражательности стала реакция возвышенных натур на жестокий крепостнический гнет, ограничение политических свобод и жажда найти выход из антигуманной действительности. Если в предшествующие столетия увлечение Западом ограничивалось в основном техническими заимствованиями в области военной и промышленной техники, архитектуры, одежды, парковой культуры, то в XIX веке чацкие («лишние люди») отравились идеологией сенсимонизма и фурьеризма. Белинский (1841): «Идея социализма... стала для меня идеею идей, бытием бытия... альфой и омегой веры и знания» (Белинский В. Г. ПСС. Т. 12. С. 66). Петрашевский: «Когда я впервые прочитал Фурье, я как бы заново родился, благоговел пред величием его гения» (Утопический социализм в России. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985. С. 167). Адепты новой религии крепостники А. Герцен и Н. Огарев – даже дали клятву верности пожизненного служения ей. И они истово служили своей социалистической библии с начала 30-х годов XIX века и до конца своей жизни. Какова ее панорама?

Отечественные историки однозначно рассматривают Герцена и Огарева как основоположников русского социализма. В письме Огарева к Н. Кетчеру и московским друзьям (рубеж 1836 – начало 1837 годов) уже ясно высказывается мысль, что России необязательно повторять путь буржуазной Франции (указ. соч., с. 87). В чем юные поклонники Сен-Симона узрели в России социализм? За два года до смерти Герцен поясняет: «Мы русским социализмом называем тот, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и передела полей, от общинного владения и общинного управления... вместе с рабочей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука» (указ. соч., с. 40). По Герцену: «Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии... Общинная организация... благополучно дожила до развития социализма в Европе» (указ. соч., с. 38). Чем мотивировал Герцен перспективность социалистического пути развития России? Тем, что «русский крестьянин – прирожденный коммунист» (указ. соч., с. 38), что частная собственность в общине «не имеет корня». Это – ответ Герцена устами своего ближайшего соратника Огарева (Смирнова З. В. Социальная философия А. И. Герцена. М.: Наука, 1973. С. 176). Наблюдая кровавые коллизии европейских революций 1848 года, Герцен в 1849 году приходит к выводу: «...я не вижу причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития» (Утопический социализм... С. 130). Этой заявкой постулируется возможность перескока через исто-

рические этапы. В 1854 году в статье «Старый мир и Россия» Герцен вновь возвращается к этой мысли: «... должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений... Если в Европе социализм воспринимается как знамя раздора, как угроза, – перед нами социализм предстает как радуга революций, надежда на будущее» (указ. соч., с. 136, 137). Будучи свидетелем острых классовых конфликтов, Герцен проникается все большей антипатией к европейской буржуазной действительности, пытаясь в русском крестьянском мире найти элементы, опираясь на которые можно было бы избежать катаклизмов европейского буржуазного общества. И находит их, год 1859: «... Исторические формы западной жизни в одно и то же время, будучи несравненно выше политического устройства России, не соответствуют больше современной нужде, современному пониманию... Следует ли ему (русскому народу. – Б.) пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленами через реки крови до того же выхода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа? И притом зная вперед... что это безумно... Элементы, вносимые русским крестьянским миром... состоят из трех начал: 1) права каждого на землю; 2) общинного владения ею; 3) мирского управления. На этих началах, и только на них, может развиваться будущая Русь» (указ. соч., с. 139–141).

Задумываясь о социалистическом переустройстве России, Герцен не мог обойти вопрос и о том, кто возглавит социалистическое движение. И в 1849 году в статье «Россия» он дает на него ответ: этим элементом будет революционная интеллигенция, представленная средним дворянством – «зародышем и умственным центром грядущей революции» (Герцен А. И. О социализме. Избранное. М.: Наука. С. 251). Не вызывает сомнения, что темы детерминированности исторического процесса, роли личности и ее влияния на исторический процесс находились в центре раздумий Герцена. В рассуждениях на эти темы он в целом сбивается на субъективизм, абсолютизацию роли личности. Вот его трактовка взаимосвязи исторического процесса и личности в 1861 году, более конкретная относительно года 1849: «... Не имея ни программы, ни заданной темы, ни неминуемой развязки, растрепанная импровизация истории готова идти с каждым... Теперь вы понимаете, от кого и кого зависит будущность людей, народов?... да от нас с вами... Как же после этого нам сложить руки!» (Утопический социализм... С. 144–145). И Герцен не сидел сложа руки. С упразднением крепостничества Россия вступает в буржуазную стадию своего развития, коллизии которой Искандеру хорошо известны. Манифест развеял иллюзии крестьянства – урезанными оказались и воля, и земельные наделы. По России прокатилась волна недовольства. В унисон этому недовольству звенел и «Колокол», будя топорные инстинкты. Манифест не колебал общинные устои, и это сохраняло у Герцена прежние надежды на общину как основу социалистического переустройства России. На рубеже 1864–1865 годов Герцен из далекого Лондона сообщает миру, что есть «народ, носящий в быте своем больше условий к экономическому перевороту, чем окончательно сложившиеся западные народы (заявка на русский народ как мессию нового мира на социалистических началах. – Б.)... И вот пятнадцать лет я постоянно проповедую это» (Утопический социализм... С. 148). Эти же мысли Герцен развивает и в середине 1865 года: «... Наше дело на череду. Наши десять заповедей, наш гражданский катехизис – в социализме. Если б он и в самом деле умер и был схоронен в Европе, то и тогда это мало бы имело влияния на нас. Наследство свое он передал нам при жизни... Разве общинное владение и право на землю – не социализм?... Нам нет необходимости переходить всеми фазами политической эволюции...» (Утопический социализм... С. 149, 151).

Проживая на Западе в течение десятилетий, широко пользуясь благами буржуазной демократии, Герцен неустанно третировал идеи парламентаризма и в целом Запад, от «дряхлого Протея», 1851 год (Герцен. О социализме... С. 267), до «больницы, лазарета, дома умалишенных», 1867 год (Утопический социализм... С. 151). Удивительная логика у барина Герцена,

считающего себя умственно здоровым, но спастись от царизма предпочитающего в «доме для сумасшедших»!

К концу жизни Герцен стал смотреть на крестьянство, насильственный переворот более трезво. В своем политическом завещании «К старому товарищу» из четырех писем с января по август 1869 года, обращенном к М. Бакунину, он пытается по-новому взглянуть на некоторые узловые пункты своей мировоззренческой доктрины. Хотя в целом так и не отменил ее. «Петроградизмом (насилием сверху. – Б.) социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе (за полсотни лет предугадал большевистское крепостничество! – Б.) не пойдет... Не душить одни стихии в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать – к общему благу... Тот, кто не хочет ждать и работать, тот идет по старой колее фанатиков и цеховых революционеров... Всякая попытка обойти, перескочить сразу – от нетерпенья, увлечь авторитетом или страстью – приведет к страшнейшим столкновениям и, что хуже, к почти неминуемым поражениям... постепенность неотъемлема всякому процессу разумения... я всем сердцем и всем помышлением звал дикие силы на месть и разрушение старой веси, – звал, даже не очень думая, чем она заменится. С тех пор прошло двадцать лет... Ни ты, ни я не изменили наших убеждений... Ты рвешься вперед по-прежнему с страстью разрушения... Я не верю в прежние революционные пути... Для нас существует один голос и одна власть – власть разума и понимания. Отвергая их, мы становимся расстригами науки и ренегатами цивилизации... С консерватизмом народа труднее бороться, чем с консерватизмом трона и амвона... Народ – консерватор по инстинкту... его идеал – буржуазное довольство... Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри... великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей... Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам... Дико необузданный взрыв, вынужденный упорством, ничего не пощадит... С капиталом, собранным ростовщиками, погибнет другой капитал, идущий от поколения в поколение и от народа к народу» (Герцен. О социализме... С. 607–634).

Очень здравые размышления осенили основоположника отечественного социализма на краю могилы. В течение десятилетий сеял гроздь гнева и семена раздора, в «гроб сходя», спохватился – лишнего наговорил, как бы эти семена не проросли цветами зла и вандализма, кровавой вакханалии, оставив недобрую память в потомках по их сеятелю. Поздно прозрел Искандер. Ядовитые семена отравили не одно поколение незрелых умов, взойдя отравленными всходами терроризма и царубийств.

Каковы основные пункты социалистической доктрины Герцена?

- 1) крестьянская община с общинной собственностью на землю;
- 2) возможность перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм;
- 3) русский народ как мессия;
- 4) руководителем революционного движения является революционная интеллигенция;
- 5) третиование Запада как больного, умалишенного, отрицание буржуазной демократии с ее институтами – парламентом, конституцией и пр.;
- 6) страх пред буржуазным путем развития;
- 7) «диалектика отсталости» – как преимущество более отсталой экономической формации при переходе к более прогрессивной, минуя средние ряды. Этот «благотворный» метод познания в дальнейшем был развит Чернышевским, с восторгом встречен Ткачевым и воплощен в жизнь Лениным (Россия как слабое звено капитализма и ее отсталость как преимущество для перехода к социализму);
- 8) к концу жизни насильственному переходу от одного экономического уклада к другому Герцен предпочел эволюционный;
- 9) социологический субъективизм.

В. Г. Белинский

В 30-е годы XIX века угаром социализма был отравлен и великий отечественный критик Белинский. Поначалу он резко критиковал увлечение социалистическими идеями в России, оправдывая российскую действительность 30-х годов, следуя за гегелевским «все действительное разумно; все разумное действительно» (Баскаков В. Социологические воззрения В. Г. Белинского. Московский рабочий, 1948. С. 31). Но на рубеже 30–40-х годов в его мировоззрении происходит смена акцентов. Под впечатлением произвола над личностью в условиях крепостничества, низведения ее до ничтожества, сострадав ей, он ударяется в другую крайность, возвеличивая ее до «обожествления»: «...важна личность человека, надо дорожить ею выше всего» (Володин А. И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М.: Мысль, 1973. С. 42). От апологии «расейской» действительности как насильственной над личностью Белинский переходит к провозглашению идеи ее полного отрицания: «...к дьяволу все предания... да здравствует один разум и отрицание!» (указ. соч., с. 142). Белинский теперь с той же горячностью защищает и пропагандирует идеи социализма, с которыми связывает светлое будущее человечества. Белинский начинает буквально жить наступлением «нового тысячелетия царства Божия на земле» (Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М., 1953–1959. Т. 7. С. 195). Но он не уповает на автоматический приход этого царства, история слишком медленно раскрывает свои потенции, она слишком обстоятельна, чтобы спешить и рожать социальных уродов без должных на то оснований. Поэтому ее надо подталкивать. В российской политической мысли впервые появляется идея ускорения общественного развития, приверженность к которой среди отечественных социалистов исторически нарастала, пока она не стала идеей фикс. Белинский (1841): «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысяч в сравнении с унижением и страданием миллионов» (Белинский. ПСС. Т. 12. С. 71).

Умозрительные сентенции о «страданиях миллионов» логически приводят Белинского, лицемерно убивавшегося ранее пролитой кровью хотя бы одного индивида («Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии: может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить своею участью идею дисгармонии» (Шестов Л. Добро в учении графа Толстого и Ф. Ницше. СПб.: Шиповник. Т. 2. С. 9)), к оправданию кровавого террора во имя... тех же умозрительных миллионов. Конкретная личность ни его, ни будущих адептов социалистической идеи не интересует. Ибо что может значить людская песчинка в грандиозных планах благодетельствования всего человечества?! Так линия реального гуманизма подменяется линией гуманизма абстрактного, которым в течение десятилетий советские идеологи шельмовали защитников общечеловеческих ценностей. Но вернемся в век девятнадцатый.

Белинский (1842): «Тысячелетнее царство Божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами – обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» (Белинский. ПСС. Т. 12. С. 105). Жаль, не дожил поклонник робеспьеров и сен-жюстов до советских времен, а то ему, возможно, вновь бы пришлось пережить радость идеологического перевоплощения и засвидетельствовать, что «царство Божие» утверждается жирондистами, а робеспьерами – разрушается. В эти, 1840-е годы Белинский буквально бредит террором: «Теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова» (История русской экономической мысли. М.: Изд-во социал. – полит. лит-ры, 1958. Т. 1. Ч. 2. С. 278). Жаль, не пришлось Белинскому спросить у советских чекистов: облагородились ли они на своей мясницкой работе?!

Видимо, несправедливости окружающей жизни, материальные затруднения, личное нездоровье переполняют чувства «неистового Виссариона», и искоренение недостатков скверной действительности он мыслит только на путях террора, находя в нем единственное всеисцеляющее средство: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливой малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» (Белинский. ПСС. Т. 12. С. 52). Мимо такой кровожадности не мог пройти равнодушно славянофил И. Аксаков, заклеив носителей ее «разбойниками прогресса» (Аксаков И. С. Сочинения. М., 1886. Т. II. С. 712). Думаю, не будет натяжкой, если отнесу Белинского к пионерам-теоретикам отечественного терроризма, литературный каннибализм которого вскоре пророс кровавыми всходами, каннибализмом далеко не литературным, собравшим урожай, истощивший Россию.

Реформатор, замысливший практически осчастливить человечество, уже в потенции является человеконенавистником, врагом всего человечества, ибо пытается навязать ему то, что последнему совсем и не нужно, к чему оно совсем и не готово. Люди в общем-то привыкли строить свою жизнь, свое счастье своими руками и получать от этого истинное моральное и физическое удовлетворение. И разве не абсурд, когда является Некто и говорит, что он один знает дорогу к Счастью, только необходимо ему довериться. Идея, претендующая на истину в последней инстанции, изначально дегуманистична. И человек, сознательно решивший избрать роль учителя человечества, не может не видеть во всех, кто не разделяет его взглядов на переустройство мира, врагов своих. А врагов необходимо уничтожать, если ты страстно жаждешь воплощения своей идеи в жизнь. И поэтому в силу диалектики спаситель человечества закономерно превращается в его тирана. Строить же мир всеобщего благоденствия возможно только при условии обладания реальной властью. И перед учителем человечества встает проблема: как этой властью овладеть? Применительно к условиям России второй половины XIX века радатели рода людского средство к овладению таковой узрели в социализме. Социализм для российских радикалов был именно средством, «фомкой», с помощью которой они и решили взломать существующие государственные устои и овладеть властью. Ибо к чему сводились все разговоры о социализме вождей мирового пролетариата от Маркса до Ленина? К уничтожению буржуазии, воцарению диктатуры пролетариата (а диктатура пролетариата массой рабочих воспринималась как власть самих рабочих, на этом моменте постоянно акцентировали их внимание и вожди их), упразднению частной собственности, эксплуатации. Насаждалась иллюзия всеобщей свободы. Вот о чем постоянно твердили на митингах и собраниях рабочих. На этом социалистический позитив и кончался. О его негативе, а именно о том, что «диктатура пролетариата» подразумевает прежде всего диктатуру революционной партии, насильственную кооперацию крестьян, насильственное переустройство всей общественной жизни в соответствии с умозрительной схемой, – об этом социалистические вожди помалкивали. Отсюда их активное неприятие всех реформ царского правительства, объективно утверждавших и расширявших политические и экономические права конкретных Ивана и Петра. Русские социалисты, враги конкретного и апологеты абстрактного всеобщего счастья, шли на любые жертвы, чтобы сорвать или дискредитировать реформаторскую деятельность царской администрации по ослаблению социального антагонизма.

Примечательны суждения Белинского и о роли личности в истории, предвосхитившие задолго до Герцена и Лаврова взгляд на роль умственной интеллигенции в историческом процессе и теорию героев и толпы Н. Михайловского: «Судьба избирает для решения великих нравственных задач благороднейшие сосуды духа, возвышеннейшие личности, стоящие во главе человечества, героев, олицетворяющих собою субстанциальные силы, которыми держится нравственный мир... Жизнь слагается из толпы и героев, и обе эти стороны в вечной вражде, ибо первая ненавидит вторую, а вторая презирает первую» (Белинский. ПСС. Т. 5. С. 54, 56). Зная о «маратовских влечениях» Белинского, нетрудно предвидеть, к какой части человечества он себя относил и с какой колокольни смотрел на народ: «Развитие всегда и везде

совершалось через личности... Народ – вечно ребенок, всегда несовершеннолетен» (1848), (Утопический социализм... С. 107–108). Подобный взгляд на народ был типичен от Герцена до большевиков со всеми их вождями, державшими его в узде: не дай бог ослабишь, разыграется ребенок... Необходимо отдать должное нашему великому критику. Проза реальной жизни в значительной степени излечивает его от иллюзий, он готов признать, что «не разум правит миром», а история, то есть практика – «высший суд над людьми» (Белинский. ПСС. Т. 12. С. 447). И на двадцать лет раньше Герцена пришел к выводу, что социализм в России может быть только следствием буржуазного развития (Белинский. ПСС. Т. 12. С. 468). Но этот вывод, сделанный в самом конце жизни, не поколебал в целом отрицательного отношения Белинского к буржуазии и буржуазной демократии. Атрибут буржуазной демократии – парламент – для него так и остался «местом для скупки живых душ» (Мелентьев Ю. С. Революционная мысль России и Запада. М., 1966. С. 148).

Итак, узловые пункты «аркадской доктрины» Белинского суть:

- 1) нигилизм относительно современной ему российской действительности;
- 2) идея ускорения исторического процесса;
- 3) идея массового террора как средства решения социальных проблем;
- 4) идея о радикальной интеллигенции как двигателе прогресса;
- 5) теория героев и толпы;
- 6) неверие в народ, который «вечный ребенок»;
- 7) отрицательное отношение к буржуазной демократии;
- 8) взгляд на социализм в России только как следствие буржуазного развития;
- 9) социологический субъективизм.

В. А. Милютин

Среди публицистов 40-х годов XIX века необходимо отдать должное взглядам Милютина, резко расходившимся с теоретиками отечественного утопического социализма. Он подверг принципиальной критике их теории, игнорирующие российскую действительность и возможность прерывания ее органического развития и перехода к их общественному идеалу путем насильственного переворота. В статье «Опыт о народном богатстве...» 1847 года Милютин буквально пророчествует: «Человечество не может делать скачков в своем развитии и не может перейти прямо и без приготовления из нынешнего своего состояния в состояние полного и безусловного совершенства. Если бы новые школы (социалистические. – Б.) понимали эту истину, они обратили бы свое внимание на то, чтобы найти средства для постепенного усовершенствования экономической организации... современные школы думают гораздо более о цели, слишком от нас отдаленной, и ограничивают свою деятельность одним стремлением к недостижимому для нас идеалу общественной организации.

В тех формах общественного устройства, которые придуманы новыми школами, личность человека или исчезает совершенно, или подвергается самым стеснительным ограничениям...» (Утопический социализм... С. 200).

Прислушаться бы начинающим коноводам к голосу разума да попытаться свой талант и энергию употребить на дело постепенного усовершенствования общественных отношений, а не предаваться бредовым замыслам. Не прислушались! Ослепительный идеал поразил их разум, и всю последующую свою деятельность они, словно невменяемые, подчинили претворению его в действительность.

Н. Г. Чернышевский

Труды Милютина высоко оценил Н. Чернышевский (Утопический социализм... С. 187), но это не подвигло его к дальнейшему научному анализу российской действительности, он скатился в целом к апологетике многих положений пионеров отечественной социалистической утопистики. Так, он стойкий сторонник общинного социализма, полагавший, что, каковы бы ни были общественные преобразования, общинное пользование землями должно быть сохранено, ибо оно предотвращает сельское население от язв пролетариата, год 1857 (указ. соч., с. 246). В «Критике философских предубеждений против общинного владения» (1858) Чернышевский пытается обосновать возможность перехода от более низкой ступени общественного развития к более высшей, «минуя средние логические моменты» (указ. соч., с. 253), то есть от феодализма к социализму. Этот переход совершается путем крестьянской революции. В условиях социализма наиболее благоприятную форму собственности он видит в сочетании государственной собственности с общинным владением (указ. соч., с. 248). Ради воплощения этого идеала в жизнь Чернышевский готов пожертвовать свободой слова и конституционными формами правления (Чернышевский Н. Г. ПСС. М., 1948. Т. V. С. 216). Во взглядах Чернышевского, высказанных им на рубеже 50–60-х годов в экономических теориях, есть и значительные отличия от отечественных обитателей «социалистической артели». Так, например, готовой формой социализма современную ему общину он не считал, все ее изъяны хорошо видел, поэтому капитализму противопоставлял общину в условиях социализма, которая будет поддержана народным правительством (История русской экономической мысли. Изд-во социал. – эконом. лит-ры, 1958. Т. 1. Ч. 2. С. 731, 732). Для Чернышевского вполне очевидно, что Россия в 50-е годы уже вступила на путь капитализма, и он видит в этом прогресс (указ. соч., с. 722) и допускает возможность перехода отсталой страны к социализму и при слаборазвитости капиталистических отношений (указ. соч., с. 718, 719). Он даже был убежден, что и при отсутствии социалистической революции на Западе народные массы России, свергнув крепостничество, смогут осуществить социалистические преобразования (указ. соч., с. 718, 719). В этих же теориях Чернышевский выдвигает идею переходного периода между феодализмом и социализмом (указ. соч., с. 727) как периода сосуществования двух секторов – общинного и частного, при котором первый вытесняет второй (указ. соч., с. 728). Кто знаком с первыми годами существования советской власти, тот без труда увидит абсолютное сходство этой формулы с ленинским нэпом. На этом сходство не ограничивается. Чернышевский был и сторонником прогрессивного налога на частников в переходный период (указ. соч., с. 737) и постепенного перевода всего крестьянства к коллективному производству (указ. соч., с. 737, 738). Как известно, с 1926 года в СССР налоги на единоличника-кулака стали возрастать в таких пропорциях, что ведение хозяйства стало бессмысленным, а в 1929–1930 годах вообще всех крестьян насильно загнали в колхозы, кулаков же вместе с семьями вывезли в гнилые, непригодные для жизни места без всякого инвентаря для обустройства в этих болотах, где многие в первые год-два и вымерли, особенно дети. Что касается постепенства, то Ленин тоже много говорил о нем на основе примеров, но мера эта никогда – ни при Ленине, ни после – не применялась. Социалистическим вождям было не до постепенства: то в Гражданскую войну власть надо было отстаивать, то потом ее укреплять. Чернышевский глубже своих предшественников подошел и к роли государства в социалистическом переустройстве общества. Если Герцен не придавал государству особого значения в этом вопросе, то Чернышевский отводил ему главную роль в ходе революции и организации хозяйства на социалистических началах (указ. соч., с. 743). Чернышевского не страшит и «необразованность и необузданность» народных масс. «Пусть народ неприготовленный вступит в свои права, во время борьбы он скорее приготовится» (указ. соч., с. 740). Демагогия Чернышевского очевидна – чем темнее народ, тем легче

увлечь его оглушительными лозунгами. Подобные же мысли примерно через шестьдесят лет выскажет его прилежный ученик Ленин: «Культурой овладеем позже – после захвата власти». Как «приготавливались и поднимали» культурный уровень отравленные ленинской демагогией вооруженные массы в период Гражданской войны – всем сегодня известно. На глазах родителей и детей могли поднять на штык ребенка (Дети эмиграции. Воспоминания. М.: АГРАФ, 2001. С. 117); разрубить рояль и разделить его части среди осваивающих культуру; сжечь дотла богатейшие дворянские библиотеки и пр. А когда темные массы обеспечили победу социалистическим коноводам, последние дали им ту культуру, какую сочли нужной.

И Чернышевский не был бы Чернышевским, если бы в последний предреформенный год, 1860-й, в год широкого общественного недовольства, в статье «Письмо из провинции», напечатанной в «Колоколе» Герцена, не призвал Русь к топору (Чернышевский. ПСС. Т. 7. С. 1001). Несколько ранее, в 1859 году, в статье «Суеверие и правила логики» он обличал самодержавие и крепостничество, произвол с их стороны надо всем и вся, короче, «азиатство», прозрачно прокламируя мысль: чтобы освободить общество от пут нынешней администрации и открыть простор к его всестороннему развитию, необходимо избавиться от этой администрации насильственным путем, сама она власть не уступит. И все это свободно печаталось за подобную крамолу только в мыслях и разговорах семьдесят лет спустя в условиях «рабочей» власти снимали голову, а о публикации подобной «ереси» и говорить не приходится. Так когда же Россия стала тюрьмой – при царях или «слугах народа»?!

Чернышевский не страшился предстоящего буржуазного пути развития России, видя в нем определенный прогресс и полагая, что крестьянская революция свершится ранее, чем капиталистические отношения успеют разрушить общину. Социалистические изыски Чернышевского подталкивали радикально настроенную интеллигенцию на ускорение хода исторического процесса, на разного рода революционно-террористические авантюры с целью свержения власти существующей и установления власти «народной». Чернышевский был не только теоретиком социалистической утопии, но и идейным вдохновителем и организатором в 1861–1862 годах подпольной революционной организации «Земля и воля». Таков вклад автора «хрустальных дворцов социализма», обернувшихся в недалеком будущем промозглыми бараками гулаговского архипелага, перемоловшего миллионы «счастливец», к своему несчастью, доживших до «светлого будущего всего человечества».

Обобщим основные пункты социалистической концепции Чернышевского:

- 1) он сторонник общинного социализма;
- 2) готовой формой социализма современную ему общину не считал, благоприятное развитие ее видел лишь в условиях социализма при поддержке народного правительства;
- 3) в капитализме видел прогресс;
- 4) допускал возможность перескока России от феодализма к социализму через революцию и при слаборазвитых капиталистических отношениях;
- 5) главную роль в ходе революции и социалистическом переустройстве общества отводил государству;
- 6) автор «переходного периода» между феодализмом и социализмом;
- 7) автор перевода в переходный период всего крестьянства к коллективному производству;
- 8) ускорение исторического процесса;
- 9) социологический субъективизм.

М. В. Буташевич-Петрашевский

От социалистов-теоретиков перейдем к практикам социалистического переустройства России. К концу 40-х годов XIX века «салонный» период русского социализма заканчивается, начинается «национализация» западных прожектов и попытки их культивирования на национальной почве. Создается первое тайное общество под руководством Петрашевского. «На нас лежит немалый труд применения общих начал, которые выработала наука на Западе, к нашей действительности», предварял в 1849 году свою преобразовательную деятельность среди сторонников родоначальник заговорщического направления отечественного социализма (Утопический социализм... С. 167). Петрашевский смотрел на окружающую его действительность более трезво и не видел в освобождении крестьян с землей исходного пункта социализма, а в крестьянине носителя социалистических начал; в капитализме усматривал прогресс и условие преодоления капиталистической системы. Он одним из первых выдвинул задачу формирования и сплочения социалистической интеллигенции для несения идей социализма в массы (История рус. экон. мысли... С. 314, 315). С петрашевцев начинается открытая пропаганда социалистических идей связанных меж собой кружков – Москва, Тамбов, Ростов Ярославский (указ. соч., с. 289). Если декабристы в успехе восстания рассчитывали только на себя (указ. соч., с. 288), то петрашевцы – на подготовленную крестьянскую массу и ремесленников города, то есть полагали, что без активного участия широких народных масс восстание против самодержавия обречено (указ. соч., с. 294, 295).

Для борьбы с самодержавием среди петрашевцев большое внимание уделялось вопросам организации тайных обществ. Сопратник Петрашевского Н. Спешнев специально ездил по странам Западной Европы с целью изучения истории и организации тайных обществ. Небезынтересно ознакомиться со взглядами некоторых членов этих обществ по социалистическому переустройству общества. Вот, например, Д. Ахшарумов, сын генерал-майора (из речи в честь Ш. Фурье 7 апреля 1849 года в Петербурге среди петрашевцев): «...Разрушить столицы, города, и все материалы их употребить для других зданий, и всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах – вот цель наша, великая цель... Мы здесь, в нашей стране начнем преобразование, а кончит его вся земля...» (Утопический социализм... С. 217). Нет смысла комментировать подобную погромную демагогию, рассчитанную на темных мужиков, которые и были отравлены ею семьдесят лет спустя последователями разбойников «социалистического прогресса». Посжигали дворянские усадьбы, разрушили храмы, их обитателей рассеяли или поубивали. Правда, до разрушения столиц дело не дошло, вожди новых гуннов благоразумно оставили их для себя.

Тактика заговора в его примитивной форме, привитая русскому социализму петрашевцами, впоследствии была унаследована их преемниками – революционными демократами, народниками и через них – Лениным, о которых речь впереди. Развернуться на поприще подпольной деятельности петрашевцам помешала царская охранка, решившая, что дальнейшее мирное сосуществование с этим кружком нетерпимо, и нанеся по социалистам превентивный удар, арестовав их в 1849 году. Среди арестованных оказался и Ф. Достоевский, впоследствии глубоко переосмысливший модное политическое учение, понявший пагубность его для России и пророчески предсказавший, во что оно ей обойдется.

Влияние западных социалистов-заговорщиков

Понимание причин возникновения и развития социалистической утопии на российской почве будет неполным, если ограничиться фактами сугубо национальными. На развитие русского социализма большое влияние оказали такие деятели европейского социализма, как Бабеф и Бланки, особенно первый, как автор идеи коммунистического переворота путем тщательно подготовленного заговора законспирированной группы революционеров. Опыт бабувистского заговора уникален еще и тем, что он должен был осуществляться в момент социальной нестабильности, то есть когда институты феодального общества рухнули, а институты общества буржуазного еще не успели окончательно сформироваться и окрепнуть. Такой переходный момент от одной формации к другой и представляет собой благоприятную почву для реализации преступных амбиций какой-либо заговорщической группы, если она заранее вынашивает свои планы, тщательно готовится, организационно спаяна, имеет разветвленную сеть своих организаций в ключевых точках общества. Она опасна для общества неожиданностью своего выступления, ибо застает его врасплох. Уникальность такой ситуации и была использована в России Лениным, глубоко изучившим опыт французской революции и, в частности, бабувистского движения, обобщенного ближайшим сподвижником Бабефа Буонаротти в его книге «Заговор во имя равенства». На исключительность такого переходного состояния для реализации своих целей радикальной партией указывал и П. Ткачев (Петр Никитич Ткачев. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 22–23), возможно, позаимствовав эту схему у бабувистов.

Философские истоки русского социализма

Исследуя основные аспекты отечественного социализма, необходимо остановиться на философских истоках его. К таковым Герцен отнес философию Гегеля, которая «развивалась в Москве одновременно с идеями социализма» (Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1954–1965. Т. 7. С. 252). На повальное увлечение идеями гегельянства указывает и пример духовного развития Белинского, восторженно повторяющего Гегеля: «Всякая идея, всякая мысль – основные двигатели мира и жизни» (Белинский В. Г. ПСС. Т. 5. С. 45–46). На этой же мировоззренческой платформе стоит и Чернышевский, для которого тоже «знание – основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное в человеческой жизни» (Чернышевский Н. Г. ПСС. Т. 4. С. 6). Вполне естественно, когда ученик вторит учителю, его «перепавшему»: «Политика (тоже знание. – Б.) не может не иметь первенства над экономикой». Это, забегая вперед, уже Ленин (Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 277).

Герцен и Белинский, опять же следуя Гегелю, неизбежность социализма выводили из начальной разумности истории, ее устремленности к великой цели (Володин... С. 168). Ближе к революциям 1848 года под впечатлением от далеко не «разумной» действительности они оба начинают более трезво смотреть на нее, приходя к выводу, что умозрительные конструкции могут значительно расходиться с реальной жизнью. Вскоре после революционных потрясений в Европе Герцен признает: «Беда в том, что мысль забегает всегда далеко вперед, народы не поспевают за своими учителями» (Володин... С. 182). Но это открытие не подвигает его к отказу от социалистической утопии, он всецело поглощен умонастроением возможности «учителями» человечества «переменить узор ковра» (Володин... С. 185).

Вот в таком состоянии межеумочности, двойственности и сошли в могилу пионеры русского социализма. И признавали, что их теории далеки от реальной действительности, что народ далек от их бреда, но страстное желание воплотить свои фантазии в жизнь напрочь лишало доводы логики.

Неоценимое влияние на мировоззрение Герцена, Огарева, Белинского, Бакунина оказали немецкие младогегельянцы, выведшие из гегелевской философии «философию действия», то есть практического руководства по воплощению социалистических идей в действительность, распространения идей социализма в массах, формирования кадров социального переворота и т. п. (Володин... С. 140–151). И начинается горячая, необузданная жажда деятельности людей, познавших истину в последней инстанции, возбудить народ к всеобщему бунту, разрушению «гносной» действительности и воплощению горячего бреда одиночек в жизнь. Начинается топорный звон «Колокола»... Такова линия философской преемственности в истории отечественного социализма – линия субъективизма. Объективности ради необходимо отметить, что она имела предшественников еще в XVIII веке. Так, Фонвизин, автор «Недоросля», высказал суждения, что Россия может избрать удобный ей путь развития, что она только еще рождается, тогда как Запад уже умирает; что разум всегда оказывается правым, а поступательное развитие общества представляет результат сознательной человеческой деятельности (Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1919. Т. 3. С. 240–241). Любимый мотив монархистов, славянофилов и отечественных социалистов-утопистов XIX–XX веков! Страх перед капитализмом, буржуазией, посеянный во второй половине XVIII века среди русского дворянства, исторически нарастал, достигнув апогея в творчестве большевиков.

Дидро думал, что в России нет дурных учреждений, и потому восклицал: «Как счастлив народ, у которого ничего не сделано!» Он же и другие иностранные прогрессисты считали, что отсталость России дает ей счастливую возможность с гораздо большей легкостью осуществить практические требования разума (указ. соч., с. 239–240). Эти суждения французского энциклопедиста и русских писателей XVIII века созвучны основополагающим пунктам социалисти-

ческой утопии русских социалистов: разум правит миром, историческая отсталость России как преимущество при переходе к более прогрессивной стадии общественного развития; страх перед капитализмом; Запад как больной, умирающий. Поэтому есть все основания предполагать, что на идейное развитие отечественных социалистов-утопистов немалое влияние оказала не только гегелевская философия, но и творчество французских энциклопедистов и отечественных умов XVIII века, возмущенных ужасами крепостнического рабства и искавших пути его «облагораживания». Таким образом, социологический субъективизм радикально мыслящей российской интеллигенции, корнями уходящий в XVIII век, занесен был умами европейскими: «разум – двигатель истории», то есть русский социализм имел сугубо рационалистическое происхождение.

Социалисты-разночинцы

Поражение в Крымской войне породило в стране общее недовольство. Стало очевидным, что крепостная система является общим тормозом общественного развития. Открыто роптало не только дворянство, но и низы – постоянным явлением стали крестьянские волнения. Правда, необходимо отметить, что крестьянские выступления зачастую не носили антицаристского характера, не были связаны с требованиями земельного передела, а были направлены «против притеснения администрации, против непомерных тягостей податной системы, против азиатского способа взыскания недоимок и т. д.» (Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. С. 24). К этому же разряду волнений нужно отнести и картофельные бунты. Но вопрос упразднения крепостного права назрел, и Александр II создал Крестьянский комитет, призванный разработать условия освобождения крестьян. Однако отмена крепостного права манифестом от 19 февраля 1861 года успокоения в общество не внесла. Недовольны были и крепостники, и крестьяне. Вопрос «Что делать?» задавал себе не только Чернышевский. На этот вопрос пыталось ответить и дворянство, в одночасье после манифеста ставшее сирым. Для наиболее богатой его части этот вопрос не был актуален, и оно по-прежнему продолжало роскошную светскую жизнь. Другие, подобно А. Фету, вложили свою энергию и средства в сельское предпринимательство. Большинство, за неимением навыков общественно-полезной деятельности, «догорало» в дворянских гнездах. Кто-то продолжал мотовство, пьянство, опускаясь, по сути, в среду деклассированных элементов. Определенная прослойка дворян, преимущественно из бедных, «без достаточного образования, но с достаточным запасом долгов» (Плеханов. Очерки по ист. рус. общ. мысли XIX в... С. 55) и в течение длительного времени враждебно настроенная к дворянам богатым (указ. соч., с. 6), наиболее критически мыслящая и знакомая с модными политическими течениями западноевропейской культуры, решила найти себя в борьбе с обидчиком-царем, сделавшим из них «лишних» людей, и стала создавать в различных городах подпольные кружки социалистического толка для борьбы с самодержавием. Вдохновленные революционными призывами Чернышевского из его подпольной прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (ответ на манифест от 19 февраля 1861 года), члены этих кружков сами стали изготавливать прокламации «топорного» содержания. Н. Шелгунов и М. Михайлов в марте 1861 года пишут прокламацию «К молодому поколению»: «Мы народ запоздалый, и в этом наше спасение. Мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы. Ее несчастья – урок для нас... Мы верим... что призваны внести в историю новое начало... а не повторять зады Европы... Если для осуществления наших стремлений – раздела земли между народом – пришлось вырезать сто тысяч помещиков, мы бы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно...» (Утопический социализм... С. 315–316).

В этом же духе составлена листовка и другого представителя идеологии топора – П. Заичневского, автора «Молодой России» (май 1862): «Мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах» (Утопический социализм... С. 331).

Из первых подпольных кружков вышла и тайная организация Н. Ишутина, возникшая в Москве в 1863 году и ставившая своей целью свержение самодержавия, уничтожение частной собственности, введение общественного пользования землей (Антонов В. Ф. Революционное народничество. М.: Просвещение, 1965. С. 64). Из этой организации вышел Д. Каракозов, стрелявший в Александра II в 1866 году. Оба – Ишутин и Каракозов – из бедных дворян (Антонов. Революц. нар-во... С. 70). Известно также, что ишутинцы резко выступали против конституции, при которой «народу будет во сто раз хуже, ибо она гарантирует личную свободу, дает дух и жизнь промышленности и кооперации» (указ. соч., с. 69).

Эти инвективы молодых революционеров, героев крови, против александровских реформ убедительно свидетельствуют об их полной идеологической зависимости от пионеров-учителей отечественного социализма перепевом их основных мелодий: преимущество отечественной отсталости при переходе от феодализма к социализму, ущербность буржуазных свобод, оправдание разгула террора, мессианская роль России и т. д.

С выстрела Каракозова начинается новый этап в становлении социалистического утопизма в России – реализация его основных идей на практике. Социалистическое движение пополняется представителями различных сословий, придавая ему относительно массовый и действительно разночинский характер. Появляются и новые идеологи и лидеры, среди которых наибольшее влияние на народничество в его различных ответвлениях оказали П. Ткачев, П. Лавров, М. Бакунин, Г. Плеханов и др. Естественно, используется и наследие предшествующей плеяды отечественных социалистов. Наряду с теоретиками в движение вливаются практики, деятельность которых в конечном итоге выразила суть всего социалистического поветрия в России от его возникновения до захвата власти в 1917 году и до падения в 1991 – террор, мистификация, провокация, демагогия, ложь и прочий набор приемов преступного мира в целях захвата и удержания власти любыми средствами. Топорная пропаганда пионеров отечественного социализма, как и предупреждали их либеральные оппоненты, ожидаемо проросла всходами политической уголовщины. Наиболее яркий пример подобного урожая связан с именем С. Нечаева, и всю последующую историю социалистического движения в России можно смело охарактеризовать как «нечаевщину», настолько оно было пропитано аморализмом автора «Катехизиса революционера». В связи с этим имеет смысл кратко изложить содержание этой библии, которой руководствовалось не одно поколение разрушителей российской государственности:

- «1) революционер поглощен одной страстью – революцией;
- 2) он разорвал всякую связь с обществом, его законами, общепринятыми условиями, нравственностью;
- 3) революционер знает только одну науку – науку разрушения, и цель его одна – наискорейшее разрушение этого поганого строя;
- 4) он презирает общественное мнение. Нравственно все, что способствует торжеству революции;
- 5) революционер беспощаден для государства и сам не ждет от него никакой пощады. Между ними непримиримая борьба насмерть;
- 6) все человеческие чувства у него должны быть задавлены холодной страстью беспощадного разрушения;
- 7) другом революционера может быть только такой же революционер;
- 8) у каждого товарища должно быть под рукой несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу;
- 9) спасение товарища из беды зависит от соотношения его пользы для дела и траты революционных сил на его избавление. Какая сторона перевесит – так и решать;
- 10) с целью беспощадного разрушения революционеры, живя в обществе, притворяются не теми, что они есть. Они должны проникнуть во все слои общества;
- 11) все это поганое общество должно быть раздроблено на категории в зависимости от их зловредности. В первую очередь уничтожаются люди, вредные для революционной организации и смерть которых нагонит на правительство наибольший страх. Другие категории шантажом, интригами, посулами, проникновением в их тайны, вхождением в доверие заставить работать на себя;
- 12) у товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа;

13) спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России» и т. п.

(История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С. 46–54).

Преступление Нечаева и его «Катехизис» были осуждены современными ему адептами социализма. Но не надо забывать, что оно произошло не на пустом месте. Героизация терроризма была заложена еще Белинским и нашла многочисленных последователей – теоретических и практических. Героизация и мистификация борьбы социалистов с режимом (которую без террора и представить невозможно) имели место и на страницах «Исторических писем» Лаврова, вышедших еще до нечаевского преступления. Вот хотя бы такие фрагменты: «Нужно не только слово, нужно дело. Нужны энергические, фанатические люди, рискующие всем и готовые жертвовать всем. Нужны мученики, легенда которых переросла бы далеко их истинное достоинство, их действительную заслугу... Они станут недостижимым идеалом пред толпою. Но зато их легенда воодушевит тысячи тою энергиею, которая нужна для борьбы» (Лавров П. Л. Философия и социология. Избр. соч. в 2 т. Т. 2. Изд-во соц.-экон. лит.-ры. М.: Мысль, 1965. С. 121) и т. п. В дальнейшем «мирный» пропагандист Лавров не смог преодолеть «синдром Нечаева» и стал постоянно сбиваться на путь апологии его нравственных начал, плодя своим творчеством юную нечаевскую поросль – социалистов-террористов. Год 1873, русским социалистам: «...путь революции неизбежен для лучшего будущего России... Готовьте к ней русский народ... А когда минута настанет, идите с народом на завоевание прав... Идите вперед, чего бы это ни стоило вам, чего бы это ни стоило народу. Какова бы ни была цена этого будущего, оно должно быть завоевано» (указ. соч., с. 484). Год 1876: «Социальная революция в России должна быть подготовлена тайною организацией революционных сил... Переворот, к которому стремятся социалисты нашего времени, не может быть совершен легальным путем» (указ. соч., с. 484). Год 1884 (из статьи «Социальная революция и задачи нравственности»): «...во имя социалистического убеждения то, что составляет существенное препятствие росту социализма, должно быть разрушено какою угодно ценою... разрушение всякой традиционной формы власти... потрясение всякой традиции есть дело прогресса... сама же борьба (за социалистический идеал нравственности. – Б.) происходит под условиями необходимости, лежащими совершенно вне нравственной оценки... беспощадное ведение борьбы за торжество социализма в тех пределах, где эта борьба необходима и на которые требования нравственности не могут распространяться...» (указ. соч., с. 469–470, 492, 497–498). Суть этих лавровских откровений одна – нравственно все, что способствует торжеству социалистического переворота, не считаясь ни с какими жертвами. Не знаю, кто придумал легенду о Лаврове как мирном пропагандисте, но его социалистическая пропаганда далеко не мирная и ничем не отличается от нечаевщины. Вот святыни Лаврова: «Социалисты-революционеры в своем нравственном учении не говорят о святыне человеческой жизни... Для них дорога лишь жизнь брата – работника социальной революции (сравни с “Катехизисом” Нечаева: “Другом и милым человеком для революционера может быть только такой же революционер...”, см. выше)... Для них единственная святыня – справедливость. Они прямо говорят, что нет жертв, которых нельзя принести этой святыне... Социалистическая справедливость говорит своим борцам: мне не нужно ни жизни отдельных ничтожных личностей, ни богатств отдельных грабителей. Мне нужна социальная революция, полное и всеобщее разрушение старого мира... Придет минута революции... и разом все богатства хищников попадут в мои руки... Дело идет об установлении царства труда, справедливости, любви...» (указ. соч., с. 477) и т. п. Псевдочеловеколюбивая болтовня с обещаниями для человека труда кисельных берегов и молочных рек после пролитых морей крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.